

МИР

№8-1927

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗД-ВО
«Г.П. СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 — 1927 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС		СТР.
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 Г.	«НА СЫР-ДАРЬИНСКОМ БЕРЕГУ» — премированный рассказ (№ 23), иллюстр. И. Владимирова	43
ЗАСЕДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОГО ЖЮРИ	2	
ОТЧЕТ ЖЮРИ И СПИСОК ПРЕМИРОВАННЫХ РАССКАЗОВ ОТ РЕДАКЦИИ	4	
СПИСОК РАССКАЗОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ НАПЕЧАТАНЫ	9	
РУКОПИСИ, ДОПУЩЕННЫЕ НА КОНКУРС	10	
«СИЛА НЕВЕДОМАЯ» — премированный рассказ (№ 176). Предисловие академика С. Ф. Платонова, иллюстр. Н. Кочергина	17	
	«КРАПИВА» — премированный рассказ (№ 361), иллюстр. С. Лузанова	60
	«ЧОРТОВА КАРУСЕЛЬ» — по-смертный рассказ П. П. Гнедича, иллюстр. Н. Кочергина	72
	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «ЧЕЛОВЕК - ЗВЕРИНЕЦ», с ил.	79
	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи № 54, 55, 56—2-я стр. облож	
	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решения задач № 55 и 56	59

Обложка работы художника Н. М. Кочергина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

19

Литературно-Научное Жюри составляли: Председатель — Академик, профессор, Директор Пушкинского Дома Академии Наук СССР, С. Ф. ПЛАТОНОВ, и члены (по алфавиту): А. Н. ГОРЛИН — Заведующий Отделом Иностранной Литературы Ленинградского Отдела Государственного Издательства; Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — литературный критик; Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ — Член-Корреспондент Академии Наук, Старший Ученый Хранитель Пушкинского Дома; Ф. К. СОЛОГУБ — Председатель Союза Писателей в Ленинграде; Н. А. ЭНГЕЛЬ — литератор, Ответственный Секретарь Секции Печати Ленинградского Отдела Союза Просвещения, и от Редакции «Мира Приключений»: П. П. СОЙКИН и В. А. БОНДИ (член-секретарь Жюри).

Заключительное заседание Жюри состоялось 20 июня в так называемой «Пушкинской библиотеке», — продолговатом зале вестибюля Пушкинского Дома Академии Наук. Художник М. Я. Мизернюк зарисовал во время заседания некоторых членов Жюри. Автографы их — на портретах. На рисунке изображен и прекрасный, стильный уголок Пушкинского Дома, где в шкафах слева и справа, принадлежавших Сперанскому, хранится личная библиотека А. С. Пушкина. Посредине — овальный стол Александровской эпохи, за которым обычно происходят литературные заседания Пушкинского Дома.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

журнала „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1927 года

От Литературно-Научного Жюри

Литературно-Научное Жюри Конкурса журнала «Мир Приключений» в заседании своем, состоявшемся, под председательством академика С. Ф. Платонова, 20 июня 1927 г., большинством голосов признало лучшими из всех доставленных на конкурс произведений следующие десять. Перечисление их идет в порядке поступления. Цифра — обозначает № по регистрации.

19. ЗОЛОТО (Из амурских былей).

Девиз: *Уссури.*

28. НА СЫР-ДАРЬИНСКОМ БЕРЕГУ.

Девиз: *Ярче свет — темнее тени.*

176. СИЛА НЕВЕДОМАЯ.

Девиз: *Себя на суд вам отдаю.*

198. ТАЙНА ГОРЫ КАСТЕЛЬ.

Девиз: *Летучая мышь.*

212. ИЗ ДРУГОГО МИРА.

Девиз: *Dum ignoramus.*

361. КРАПИВА.

Девиз: *Все к лучшему.*

473. АКИМ И МИШКА.

Девиз: *Призыв.*

700. СТАРЫЕ МЕРТВЕЦЫ.

Девиз: *Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен.*

Гейне.

784. ЛУЧИ ЖИЗНИ.

Девиз: *Юниор.*

802. ЗУБ ЗА ЗУБ.

Подпись: *Иван Буйный.*

Всего на конкурс поступило 874 рукописи. Из них 64 не допущено к соревнованию вследствие нарушения основных условий Конкурса. В том числе: 1) рукописи с подписями и адресами авторов или с открытыми сопроводительными письмами, заключающими эти же сведения; 2) рукописи,

присланные совершенно анонимно, без добавочных запечатанных конвертов с именем; 3) драматические произведения и стихотворения; 4) рукописи не на русском, а на одном из языков республик, входящих в состав Советского Союза. Все эти оригиналы переданы в распоряжение Редакции журнала «Мир Приключений», прочитаны, и один из рассказов напечатан.

Всего рассмотрению Жюри подлежало 810 рассказов. (Полный список их печатается ниже). Цифра эта, огромная сама по себе, прежде всего свидетельствует, как велик был бредя пишущих интерес к начинанию Редакции журнала.

Прием и рассмотрение такого большого количества произведений, преимущественно новых и начинающих авторов, заслуживает общей, хотя бы и краткой, характеристики.

Нельзя пройти мимо одной любопытной особенности большинства присланных рукописей. Отправители запаковывали их так, будто не почте вверяли на несколько дней, а готовили их на вечное хранение и задались целью возможно затруднить доступ к ним. Совершенно непроизводительно тратилось много времени на освобождение скатанной рукописи от различных оболочек и на вскрытие ее без повреждений, а также на отыскание хитро запрятанного или приклеенного сопроводительного конверта.

Были и другие, также непредвиденные причины, вынуждавшие членов Жюри к особенно тщательной разборке пакетов. Часто, несмотря на усердные поиски, при рукописи не оказывалось дополнительного конверта. Тогда на рассказе делалась соответственная пометка, верхняя почтовая оболочка прикреплялась к рукописи, рассказ не регистрировался на Конкурс, а передавался в Редакцию, где получал свой очередной номер и заносился в книгу зауряд поступающих материалов для журнала. Иногда, через несколько дней, а то и через неделю или даже две, приходил отдельно дополнительный конверт с девизом и именем. Очевидно, автор спохватывался, что забыл прислать во-время. Приходилось отыскивать рукопись в Редакции и включать ее в число допущенных на Конкурс. Некоторые авторы, неизвестно с какой целью, присылали потом, с промежутками в несколько дней, и по два таких конверта, и путали регистрацию. Были и такие, что, спустя много времени, отправляли дополнительный конверт с краткой надписью: «К посланной ранее рукописи», не давая себе труда обозначить название вещи и девиз. Нужно было по почтовой штемпелю и по почерку отыскивать на оболочках отложенных рукописей ту, к которой этот конверт должен относиться. Весьма многие не писали то на рукописи, то на конверте одного или обоих необходимых данных: названия и девиза. Нужно было сейчас же дополнять и вписывать во избежание путаницы и возможных совпадений.

Из-за небрежности или рассеянности авторов, вернее же—вследствие непривычки большинства к строго дисциплинированному и аккуратному труду, процедура регистрации одной рукописи в среднем отнимала около 15 минут. Не трудно подсчитать, сколько рабочих часов в общей сложности занял один только прием рукописей. И при нормальных условиях весьма простая, приближающаяся к механической, регистрация превратилась здесь в сложную и кропотливую работу. Ее нельзя было доверить конторщику и сами члены Жюри, в интересах авторов, вынуждены были заниматься регистрацией.

По исконной и, к сожалению, еще не изжитой русской привычке откладывать дело до последней минуты, авторы в большинстве случаев отправляли свои произведения перед самым предельным сроком, и бывали дни, когда почталыоны, изнемогая под тяжестью перегруженных сумок и добавочных перевязанных пачек, приносили сразу по 1¹/₂, по 2 пуда рукописей с конвертами или без них...

Но не в этих только внешних, формальных недочетах проявлялась небрежность авторов. Лишь меньшая часть рассказов перепечатана на машинке

или с некоторой тщательностью перебелена. Более чем половина написана плохо, неразборчиво, наспех, с помарками, с исправлениями. С грустью приходится отметить несколько наивно циничных писем, заявляющих, что «современному писателю некогда переписывать или отделять свои вещи» и что Жюри и Редакция могут «взять это на себя». Конечно, такие рассуждения — клевета на настоящего русского писателя, но печально, что могут существовать подобные «принципиальные» взгляды на литературу среди людей, которые хотят и, как будто, надеются стать писателями.

Надо думать, что при следующих конкурсах или вообще при сношениях с редакциями кандидаты в писатели будут впредь более осмотрительными.

Чтение таких черновых рукописей, конечно, сильно замедляло общий темп работы.

Оставаясь в пределах своих прав и обязанностей, Жюри не могло «брать на себя» переделку и шлифовку. Оно должно было оценивать рассказы в том именно виде, как они доставлены и, быть может, если бы некоторые авторы отнеслись к своей задаче серьезнее и вдумчивее, памяти, что идут на Конкурс по своей воле и что успех не только даст деньги, но и выдвинет начинающего автора, — быть может, список десяти подлежащих премированию рассказов имел бы несколько иной состав... Разумеется, случайные срывы языка, описки, пропуски слов не принимались в расчет, исправлялись, и вещь обсуждалась всеми членами Жюри по существу, без всякого влияния этих мелких промахов на оценку.

Авторы, далее, в подавляющем большинстве совершенно не соблюли одно из основных условий Конкурса — размер рассказа, хотя пункт 3-й ясно определял его, ограничивая в пределах от $\frac{3}{4}$ до 1 печатного листа и указывая приблизительное число букв. На Конкурсе же присланы произведения всевозможного объема — от одной-двух исписанных четвертушек, до 3—4 печатных листов, целые повести и романы. Если бы строго применить этот пункт, то число допущенных на Конкурс рукописей съузилось бы до минимума, исчисляемого несколькими десятками; поэтому Жюри, в интересах справедливости, решило не слишком строго относиться к требованию ограничения размеров рассказов, сохраняя в силе все остальные существенные задания Конкурса.

Следует отметить, что только немногие авторы рискнули прислать переводы или переделки с иностранных языков, или произведения заимствованные. Все эти вещи, несмотря на проявленную их творцами подчас и большую ловкость, были узнаны и, конечно, не попали в число премируемых.

По сюжетам все 810 рукописей можно разбить на две приблизительно равные части: рассказы бытовые и фантастические.

В первой группе значительное число рукописей поражает своей тематической и художественной незаконченностью.

Прислано, между прочим, много отрывков, которые, быть может, при известных условиях, годились бы в качестве материала для глав романа, но на Конкурсе рассказов не могут претендовать на внимание. Прислать такие отрывки, вероятно, побудила авторов нынешняя мода печатать отдельные главы из еще не оконченных романов.

Получено много бытовых, преимущественно деревенских картинок, бессюжетных, томительно скучных, хотя чувствуется, что авторы писали свои наблюдения с натуры, быть может сердцем переживали написанное. Непосредственность и искренность — отличительная черта таких произведений. Но они лишены яркости, силы образительности и — ниже среднего уровня требований, предъявляемых к художественной литературе.

Следующими по количеству идут рассказы из эпохи гражданской войны, — к сожалению, только слабые переделы того, что уже много раз напечатано за последние годы.

Столкновение двух миров, — старого, дореволюционного, и нового, создающего иную жизнь, — к удивлению Жюри, представлено сравнительно небольшой группой произведений, лишенных всякого литературного и художественного значения. Очевидно, величие темы, широта охвата, — оказались не под силу. В числе этих рассказов есть только один, интересно задуманный и красочно написанный, но перенасыщенный эротикой, которую нельзя устранить, как кровь из вен. Этот рассказ не может быть напечатан.

Вообще же эротические темы избраны многими, и половой вопрос с весьма спедифической, — говоря прямее и резче — блудной точки зрения, — трактуется с большим усердием. Любопытно отметить, что только минимальное количество рассказов этого жанра навеяно чтением фривольных иностранных авторов. Темы, трактовка их и психология действующих лиц — носят печать самобытности, уклада своего, а не чужого. Этот эротический уклон у начинающих авторов — явление характерное, но, несомненно, временное, преходящее. Его, однако, нельзя обойти молчанием.

Пробудившийся интерес к краеведению нашел себе отклик в значительном количестве очерков этнографического характера, написанных в общем с несомненным знанием дела, но не беллетристических, а сухо-деловых.

Рассказов о преступлениях и сыщиках, к счастью, уже немного. Очевидно, увлечение прошло. Но даже и в этом типе повествований прорывается подчас эротическое устремление авторов. Не пощажен и «добродетельный старик» Шерлок Холмс, волею не Конан-Дойля, а неизвестного русского автора одной пародии, превратившийся в грубоватого эротомана на русский лад.

Мало прислано рассказов исторических. Наименьшее по численности место занимают рассказы юмористические.

Во второй основной группе — рассказы фантастические — преобладают две темы: полеты на другие планеты и утопические картины то близкого, то далекого будущего, предстоящего человечеству. Социальное переустройство мира и величайший прогресс в технических достижениях являются основными мотивами этих произведений, но, к сожалению, все они крайне поверхностны, не имеют ни научной, ни общественной, ни литературной ценности и свидетельствуют только о добрых намерениях их авторов. Следует подчеркнуть, что начинающие писатели, участвующие в Конкурсе, в общей массе своей чутко прислушиваются к завоеваниям науки, и даже самые последние научные открытия встретили свой беллетристический отклик.

Разбивка по сюжетам указывает, чем интересуется по преимуществу начинающий писатель, но прочтение 810 рассказов дает возможность с известной правильностью судить и о силах и средствах этого писателя. Яркого, блестящего таланта, громадный Конкурс не был в состоянии выделить. Такого таланта пока нет, и нужны, быть может, еще годы, чтобы он обнаружился. Природные способности чувствуются у многих, но они умалены, вянут от недостатка образования, порою даже — грамотности, а в значительной степени, — и это самое главное, — от собственного небрежения, от отсутствия работы над собой и даже видимого желания работать. Можно ли помочь этим дарованиям или они заглохнут? Конкурс для того и был организован, чтобы люди способные, одаренные литературным стремлением, могли показать себя спокойно, без риска для самолюбия, при наиболее благоприятных и беспристрастных условиях для всгугления в литературную семью. Это был грандиозный и доброжелательный литературный экзамен. А шли на него весьма многие «на авось», не придавая ему должного значения и цены, писали наспех, с плеча. «Кривая не вывезла» и, — прибавим, — не вывезет никогда. Только планомерный, вдумчивый труд, эта первооснова всего, может дать успех в литературной области, как и во всех других. И поэт, и прозаик, как бы они ни были богато наделены природой, должны быть и усердными работниками. Одного вдохновения мало. Мы знаем, как работали над своими произведениями великие Пушкин и Толстой.

Избрав для суда читателей 10 из всего числа доставленных рассказов, коллегия Жюри произнесла свой приговор. Никаких письменных или устных индивидуальных оценок и суждений по отдельным рукописям Жюри давать не может.

При постановке своего решения, Жюри должно было принимать в соображение и идеологическую сторону. Шесть рассказов из включенных в группу произведений, подлежащих окончательной баллотировке, не могли быть напечатаны даже при условии единогласного одобрения всех членов Жюри, и поэтому в решающем заседании Жюри эти 6 произведений не подвергались новому обсуждению и не баллотировались.

Остальные рассказы, не удостоенные премий, но годные к печати, некоторые с исправлениями, изменениями или с переработкой, переданы в распоряжение Редакции журнала.

Главная работа Жюри закончена. Ему осталось только наблюдать за подсчетом баллотировочных карточек, которые пришлют читатели по прочтении всех 10 избранных рассказов, затем зарегистрировать порядок распределения читателями премий и огласить имена авторов.

Литературный опыт членов Жюри позволяет ему с несомненностью притти к заключению, что, среди неизвестных ему пока авторов премированных рассказов, большинство — начинающие писатели. Пусть премирование их произведений послужит им поощрением к дальнейшему самосовершенствованию и развитию тех литературных дарований и способностей, которые они теперь обнаружили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Академик *С. ПЛАТОНОВ.*

ЧЛЕНЫ (по алфавиту):

А. ГОРЛИН.

Р. ИВАНОВ-РАЗУМНИК.

В. МОДЗАЛЕВСКИЙ.

Ф. СОЛОГУБ.

Н. ЭНГЕЛЬ.

В. БОНДИ.

П. СОЙКИН.

От Редакции.

С этого номера начинаются печатанием премированные на нашем Литературном Конкурсе рассказы. Закончится их опубликование в Октябрьской книжке. При ней же будет разослана подписчикам подлежащая возврату баллотировочная карточка, на которой, согласно условию Конкурса, мы просим наших постоянных читателей проставить в нисходящем порядке, по своему усмотрению, №№ премированных рассказов, и тем самым подать свой решающий голос за то или иное распределение премий. Карточки будут подсчитаны при надлежащем контроле. Без промедления, в публичном заседании, будут вскрыты конверты с именами авторов и выплачены премии. Таким образом, Конкурс весь закончится в этом году.

Редакция просит авторов премированных рассказов не позднее 1 ноября прислать, для помещения в журнале, свои портреты и биографические о себе сведения. Письма эти, в видах сохранения тайны, необходимо посылать заказными и адресовать в редакцию с надписью: «Лично. В собственные руки. В. А. Бонди». Портреты и биографии будут напечатаны одновременно с актом вскрытия конвертов с именами.

Ниже печатается список рассказов, по тем или иным причинам не премированных и переданных из ведения Жюри в Редакцию. Согласно примечания к п. 6 Конкурса, Редакция предлагает авторам, произведения которые включены в этот список, сообщить, желают ли они поместить свои рассказы на редакционных условиях. При извещении необходимо указать №, которым зарегистрирована рукопись на Конкурс, и обязательно написать

полное имя и адрес, для установления тождества с данными, заключающимися в запечатанном конверте.

При некоторых рассказах, доставленных на Конкурс, были приложены марки для возвращения рукописи. Об этом в регистрационной книге сделана своевременно пометка и такие рукописи теперь же возвращаются.

Остальные авторы, желающие получить обратно свои конкурсные рукописи, (полный список их помещен здесь же) должны прислать марки и непременно обозначить № регистрации для сличения имени и адреса со сведениями запечатанного конверта. Наложным платежом рукописи не возвращаются. Невостребованные рукописи вместе с конвертами будут уничтожены до конца текущего года.

Список доставленных на Конкурс рассказов, которые могут быть напечатаны в „Мире Приключений“ по соглашению с Редакцией.

Цифра—№ по регистрации. Название рассказа набрано черным шрифтом. Светлым—девиз.

- № 9. Динозавр. Все совершенствуется.
№ 10. Кинжал Абулли. Обычай—зло жизни.
№ 13. Героиня Революции. Verba volant—scripta manent.
№ 90. Секрет инженера Кнака. Senectus ipsa morbus est.
№ 104. В век мамонта. Альфа.
№ 107. Хитросплетенная месь. Из прежних времен.
№ 115. За что я был арестован. Синий кругозор.
№ 120. Благодарность. Экзотика и современность.
№ 141. „Нечистый“. Невозможное прекрасно.
№ 144. Кратер Коперника. Одна семья.
№ 146. Третья возможность. Книга голубиная.
№ 147. Шапка-невидимка. Это было чучело змеи. Ее глаза были пуговицами от женских ботинок (А. Бирс).
№ 178. Когда заговорил камень. Валун.
№ 209. В пустыне. Бориса Ломана.
№ 232. Ха из стаи Хоу. Си.
№ 249. История одного поступления в ВУЗ. Фоф.
№ 289. Все из ничег. Скиф.
№ 317. Путьми Икара. Per aspera ad astra.
№ 333. Феникс. Жизнь—лучший романист.
№ 345. Странные происшествия на заводе «Красный Молот». Sui generis.
№ 364. Рассказ молодого человека. И всплыл Петрополь, как Тритон, по пойс в воду погружен...
№ 399. Одна треть жизни. Ласточка.
№ 445. Из мрака прошлого. Черным по белому.
№ 455. Копи Чжайла—Нор. Кайластуй.
№ 478. Мой защитник. Omnia mea mesum porto.
№ 482. 1002-ая Ночь. Это было в Петербурге в 19-м году.
№ 505. Ассепсантас. Человек может совершать поступки и поступочки. Разница между ними та же, что между монетой и уличной жизнью.
- № 511. Розовый жемчуг. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.
№ 576. Нежданная развязка. Только пролетарская революция дала раскрепощение угнетенных от религиозного дурмана, на основе которого существовал монархический строй со всеми вытекающими злыми последствиями для поработенных.
№ 577. Палец. Гуманным чувствам человека.
№ 589. Авария. Фантазия предвидит возможное.
№ 625. Раки Кошевого. Чтобы понимать настоящее, надо знать прошлое.
№ 637. Щука. Смотри в жизнь внимательно—в самом простом найдешь интересное.
№ 680. Барышня Мария Алексеевна. Не обходи людского горя,
№ 704. Судебная операция. Vanitas vanitatis.
№ 710. Alter ego профессора Второва (второе я).
№ 719. Так Гау учил...
№ 721. Амеба-гигант. Невероятно, но возможно.
№ 727. Хрусталеы из Чистополя. Пишите так, чтобы словам было тесно, а мыслям свободно. Анат. Франс.
№ 729. Звездный подарок. Уралец.
№ 738. Возмездие. Sic transit gloria.
№ 745. О Вольтере, графе Сциборе Мархоком и разбойнике Миките. Смотри в корень.
№ 747. Необычайные события в селе Верхя. Правда—правда.
№ 750. Встреча. Трудно жизнь пройти—не оступиться.
№ 760. Последняя партия. Быть или не быть.
№ 797. Трест О. П. Лучше поздно, чем никогда.
№ 801. Бицик. Регенерация.

Рукописи, допущенные на Литературный Конкурс „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ в 1927 году.

Цифры обозначают №, которым зарегистрирована рукопись. Черным шрифтом напечатано название рукописи, светлым—девиз, избранный автором.

1. Вотревожил.—Труд.
2. Слепой.—Железная воля—залог победы.
3. Людоеды.—Икарам—крылья.
4. Сон.—Это будет, и мы победим.
5. Митына.—
6. Паотух.—
7. Сценка в ресторане.— } Знать, сметь, мочь, молчать.
8. Ради дьявола.—
9. Динозавр.—Все совершенствуется.
10. Книжка Абдули.—Обычай—зло жизни.
11. И плохо, и хорошо.—Иногда даже ничтожный случай, переворачивает жизнь...
12. Фиолетовый.—Batley.
13. Героиня революции.—Verba volant,—scripta manent.
14. Под гнетом произвола.—„П“.
15. Мать.—78/0.
16. В обходе.—Ворьба.
17. Люди крайней хаты.—Честному человеку скрывать нечего.
18. Оправдание.—Ни одна блоха не плоха.
19. Золото.—Уссури.
20. Ружье заводоода.—Жизнь—бездонная тема для сказок.
21. Находчивость.—Не Джек Лондон.
22. Номсомольская свадьба.—Кавч.
23. Рубиновое Кольцо.—Мал золотник—да дорог.
24. Сон Петьки.—Двое.
25. Верочка.—Знать, сметь, мочь, молчать.
26. Геджучи.—Жизнь—лестница, и человек должен лезть по ней только вверх.
27. Повесть о том, что никогда не статится.—Пробуждение в человеке добрых чувств.
28. На Сыр-Дарьинском берегу.—Ярче свет—темнее тени.
29. Спичка.—Борьба.
30. Вызов.—Один в поле не воин.
31. Часы.—Былов.
32. Чоловен, который забыл.—Gaudens.
33. Не в своей тарелке.—Ремингтон навеселе.
34. Сельнор—Скада № 21070.
35. По ту сторону.—Лета.
36. Ночные видения.—Я знаю то, что ничего не знаю.
37. Привидение.—Свобода, правда и любовь.
38. Услуга за услугу.—„В. Ж. 1“.
39. Через крутизны к звездам.—Аэлита.
40. Властелин солнца.—Фантаст.
41. Пещера пыток и смерти.—Создание воздухофлота—обеспечит мирный труд пролетарских масс.
42. Река мертвых.—Дерзай!
43. Лиля Кононова.—Кактус.
44. Химера.—Dust.
45. Необывшие люди.—Красота спасет мир.
46. Оттали.—Во тьму—поганку мыслишку, к свету—красавицу мысль.
47. Стеняк.—Да не робей за отчизну любезную.
48. Нанун февраля.—Всего будь бесстрастный свидетель, на все устремляя свой взор! В. В.
49. В стенах мрана.—Борись с невежеством.
50. В подводном царстве.— } Антропос.
51. Харьковский логрот в 1872 году.—
52. Пассажир.—Самообладание авиатора—сталь.
53. Призраки.—Через препятствия—к цели.
54. День новый.—Жизнь—борьба.
55. Конец земли.—Уртак.
56. Растратчик.—Грызуи № 55.
57. Огненный бог.—Старый.
58. На осрока винтах.—Леша.
59. Остров „Эсперо“.—Наука, стремясь к истине, даст победу справедливости.
60. Приключение разведчиков отряда имени Коминтерна.—Литература—зеркало нашего быта.
61. Морские бродяги.—Мельмот—скиталец.
62. Портовой Васильев.—Иди, душа, во ад и буди вечно пленна!
63. Жена Цезаря.—Логика.
64. Во вторую смену.—Васта.
65. Гебрахит.—Да здравствует электричество.
66. За хлебом.—Литературный следопыт.
67. Этерий.—Л. Киллени.
68. Международный вагон № 058 В.—Жизнь—сила, лет места слабым в ней.
69. Заплата Ильяча.—Деда минувших дней вспомянем.
70. Цветок мести.—Голова медузы.
71. Сон эмигранта.—Арфа.
72. Второй Титани.—Улучшить конструкцию океанских пароходов и поднять технику артиллерии.
73. Вторая жизнь профессора Нордана.—Жизнь словидение или кошмар.
74. Волки.—Русская быль.
75. Два противоположности.—Мрачный.
76. И за гробом.—Авось.
77. Волманна Маня.—За пробуждение низов.
78. Приключение в дороге.—Акбашка.
79. Кто он?—Ведкий подвиг, как бы различно ни истолковывался отдельными эпохами и направлениями никогда своей исторической значимости не теряет.
80. Сто тысяч.—Буслай.
81. Торжественный акт правосудия.—Дейблер праздновал юбилей.
82. Гомо.—Маудл.
83. В стальной споруле.—Пером и станком.
84. Приключения Алеша Пустынного в стране Антантиков.—Голова Медузы.
85. Ширини.—
86. Тарананья смерть!—Со щитом или на щите.
87. Лесник.—„Ф. В.“.
88. Подарок.—Молодость—сила.
89. Доход лорда Генри.—Кто не рискует, тот не выигрывает.
90. Секрет инженера Ивана.—Senectus ipsa moribus est.
91. Два гения.—Добро и разум—сила жизни и светоч наших дней.
92. Нэзма.—Фосфоритину—осанка!
93. Борзая мистера Хорти!—Honds off.
94. Властелины мира.—Да здравствует фантазия.
95. Туда.—Мария Пекарская.
96. Драма у обрыва.—Физикультура.
97. Рыболовы.—Легко про войну слушать, да тяжело ее видеть.
98. Игнат.—Пан Палендрос.
99. Смельчан.—„Ф. А. В.“.
100. Царь морской.—Стремиться к братскому единодушному миру.
101. Коварный иститель.—Стремиться к братскому единодушному миру.
102. Три желанья.—Сгинет ложь, сгинет зло навсегда.
103. Трюк.—Безумству храбрых поем мы песню.
104. В век мамонта.—Альфа.
105. Нянька.—От плоскости к пространству.
106. Чоловен в ноже.—И с правой ложь срослась, и к правде так пристала, что отскоблить ее нельзя никак.
107. Хитрооплетенная месть.—Из прежних времен.
108. Огромный.—Смелая гипотеза.
109. Первые шаги.—Одуванчик.
110. Концовни.—Настанет день.
111. Слово и дело.—Деда человекеские на тонкой нитке висят (китайская поговорка).
112. Дети Чаевых.—Одна отряда на земле—жить и дышать мечтою неба.
113. Разоренное гнездо.—Порыв.
114. Председатель сельсовета.—Революция—факал в деревне.
115. За что я был арестован.—Синий кругозор.
116. Месь.—Вперед.
117. Колоденский бунт.—Ворон.

251. Кан мой прадед и дед вольную получили.—Все люди—все человек.
252. За орехами!—От Кольта к Перу.
253. Трое.—Художественное произведение должно будить мысль у объекта восприятия.
254. Танцы до рассвета.—Певец веселой песней смягчает печаль.
255. Кровать.—Курск возьмет.
256. Улыбка любви.—Попытка—не пытка...
257. День освобождения мира.—Бей.
258. Развязна.—Видевиш.
259. Кордон на кругу.—Вся жизнь—в приключениях.
260. Тайна господ.—Беатриче.
261. Забытый в долине.—Лесной бродяга.
262. В подземелье.—В $\frac{23}{2}$.
263. Конкурс.—Первый шаг.
264. Хуторянка.—Ad astra.
265. Шестеро.—Лицом к прошлому.
266. Из истории Малеванского кладбища.— Absorbta est mors ad victoriam.
267. Октябрьна.—Поэзия себя.
268. Первый выезд.—Пролетарии всех стран, соединяйтесь.
269. За гусями.—Что имеем не храним, потерявши плачем.
270. История одной хитрости.—Марк.
271. Переворот.—Н. Степук.
272. Королева Амотонгов.—Люби всех, как самого себя.
273. Весна.—В древности Иегова просидел нечестивые города Содом и Гоморру за то, что в них оказалось десять праведников. Я прощаю жизни ее „содом и гоморру“, несмотря на то, что в ней имеется только два праведника: любовь и искусство.
274. Простая случайность.—Смотри глубже.
275. Сон.—Иногда в нашу повседневную жизнь, подобно метеору, ворвется что-то, что никак не укладывается в рамки здравого смысла, что не поддается анализу. Тогда мы сбиты с толку, придавлены той тайной, что окружает нас.
276. Звезда § 17—В 9.—Астрономия—ключ к разгадке тайн вселенной.
277. Отчего собаки лают на луну.—За свой тяжелый и непосильный труд при жизни—да не получишь на небесах по смерти своей достойного себе вознаграждения.
278. Аамес.—Забава и польза.
279. Безумие ли.—Ite ad astra.
280. Битва под Иорнингом.—Пылай.
281. Дипломатический нурьер.—Sursum corda
282. Месть Дылдоши.—Вперед за знанием.
283. Песня радио.—Свет среди тьмы.
284. Ложный вызов.—Умственное превосходство дается неустанной и непрерывной деятельностью ума.
285. Месть.—Кривой лапоть.
286. Долг.—Учите эсеранто.
287. Голубит.—Нет пшмаинки.
288. Тайна Электрона.
289. Все из ничего.—Скиф.
290. Школьная учительница Анна Иовна Семенова.—Храбрость.
291. Гибель Мамоны.—Гони писаку в дверь—он влезет в окно.
292. Мертвый город.—Смелость—города берет.
293. Счастье.—Старость живет в прошлом, молодость—в будущем.
294. Осада Марса.—Долой рабство земли.
295. Белая женщина.—Победа—дар Аллаха.
296. Баццла искренности.—Номо homini leo.
297. Волки.—Мал золотник да дорог.
298. Компес или загадка мироздания.—Открыть тайну мироздания суждено астроному.
299. Последнее приключение антера.—Тернистым путем к солнцу.
300. Тени минувшего.—
301. Бродячие тени.—В. Ю.
302. В наши дни.—Чужая душа—потемки.
303. Митва спасовал.—Задумать легко—выполнить трудно.
304. Как он стал бродягой.—Не отрекайся от сумы, каторги и тюрьмы.
305. Конец планеты „Земля“.—Познаи.
306. Черная бирна.—Не вная броду—не суйся в воду.
307. Там, где спят седые великаны.—О. Ц.—н.
308. Янко-рыбак.—Кто на море не бывал, тот, и горя не видал.
309. Роль электричества в будущей войне.—Советская власть плюс электрификация—социализм.
310. Голоо были.
311. Магнетолит.—Diversité c'est ma devise.
312. Клоун Тим.—Не скажи „гоп“ пока не перескочишь.
313. Когда поспевает яблоки.—Смел тот, кто знает страх, но побеждает его.
314. Понос.—Счастье—свободный труд.
315. Когда отало всходить солнцу.—де вечно—ночь.
316. В стране солнца.—Гелиос.
317. Путичи Инара.—Per aspera ad astra.
318. Рояля.—Не плошай.
319. История о гениальном велосипедисте.—Опыт.
320. Джумльбарс-тигр.—Да здравствует рыжее знамя авантюрной литературы.
321. Кому живется весело-вольготно из зверей.—Правда—дороже всего.
322. Вплотную в счастье.—Мандрен-Укразия.
323. Дары моря.—Вперед без страха и сомнений.
324. Летящие торпедо.—Наш век, 20-й век, свободы знания и победы!
325. Пепел.—Сперва аз да буки, а там и науки.
326. Волк.—Кип.
327. Ущелье веселых мертвецов.—Лепидотера.
328. Дело Ачиса.—Каждому свое.
329. Ночь приключений.—Проба рабкора.
330. Падали снежинки...—Боюсь не смерти я, О, нет!
331. Уссенга Юлюль.—Перо и чернильница.
332. В неведомый мир.—От вселенной—к премия.
333. Феникс.—Жизнь—лучший романс.
334. Институт жизни.—... много осталось за бортом жалких не нужных, нелепых..
335. Фонуэ.—Строй—учись и учись строя.
336. Слепящий луч —Рожденный ползает, летать не может.
337. Во власти тотанита.—Бор. Весенина.
338. Дом № 23.—23.
339. Тайна души.—Кадм.
340. Убийца 4000.—Колос.
341. Научная экспедиция.—Нора, милый друг! Шевельнуться негде—не то, что двигаться.
342. Свины.—Нужда закон изменяет.
343. Поручение.—Per aspera ad sidera.
344. Колдун.—Закон о грамотности мы кладем краеугольным камнем социалистического здания; на нем будет высятся колонна народного образования, без которой это социалистическое здание не может и мыслиться.
(Из доклада Т. Луначарского).
345. Странные происшествия на заводе „Красный молот“.—Spi generis.
346. Кубин.—Не пропадаем.
347. В огне себя.—Кровь и песок.
348. Почему.—Педагогия.
349. Кометой на Марс.—За хорошей книгой—приятный отдых.
350. Чертова музыка.—Кок.
351. Счастье.—Тыше едешь, дальше будешь.
352. Леший с черной речки.—Помни о жизни.
353. Стервятники.—Semper idem.
354. Волки.—Скучно иль весело, не забывайте про село!
355. Сын деревни.—Бури октябрьские.
356. Былший № 3006.—Хоть час, да мой.
357. Три жены, две дочери, одна любовь.—Азпта.
358. Я вспомнил.—Пессимизм и фатализм.
359. Та, которой забыли дать имя.—Нэмо.
360. Нарты.—Запах пота у меня под мышками ароматнее всякой молитвы.
361. Крапива.—Все к лучшему.
362. Прекрасная мати-пустыня.—Свежо предание, азверится с трудом.
363. Настиню горе.—Одна беда не приходит, другую за собой приводит! Твердая воля основа всему.
364. Рассказ молодого человека.—И всплыл Петрополь как Тритон, по пояс в воду погружен.
365. Санская история.—За самоваром.
366. Новелла о милиционере.—Ce que femme vent, Dieu le vent.
367. По наклонной плоскости.—Лучше бедная, по честнаяsuma, чем позорная и мрачная тюрьма.
368. Нарузло.—Vivir in cadenas, mejor es morir.
369. Сны и явь Егора Краковского.—Манк.
370. Осколок прошлого.—Отживающее поколение.
371. Торжество науки.—Гуманит.
372. На мыло.—Преступление и наказание.
373. В номере.—Дай руку, брат! и ма, ш туда—Ввер д! к оскорбленным собратьям:
- Под красными знаменами труда—
Нет места каменным объятьям!..
374. Покинутый.—Дай руку, брат, и марш туда, Вперед! к оскорбленным собратьям! Под красным знаменом труда, Нет места каменным объятьям.
375. Живые погребен.—Чего боялся, то спало.
376. Последний день.—Свет во тьму, дорогу в трущобы.

377. Повесть о том, как один миллионер, ненто Никола Артемович Терещенко попал в рай или „потерянный и возвращенный ад“.—Путь к справедливости.
378. Ван-Лин.—В. С. С. С. Р.
379. Во власти бесов.—Безупречный человек самого себя стоит.
380. Шапна-несвидимка.—Пока живу—надеюсь.
381. Вы, ваше благородие?—Старое и новое.
382. Сизакка о замке.
383. Новогодний мертвец.—И вода камень долбит.
384. Два друга.—На щите иль со шитом.
385. Некролог.—Мерси.
386. Заподзальный.—В день десятилетия.
387. Вечная смерть.—Демократия.
388. Спентаань в четырех действиях.—Василий Безродный.
389. Доктор Эльвер.—Самый лучший.
390. Разбойник Бен-Булат.—Судьба.
391. Добрый советник и послушный сын.—Ех Ориентае lux.
392. Три встречи, жуткая ночь.—Мистик.
393. Летатели.—Арам.
394. Святая пыль.—Упорство.
395. Динарь.—Собаки смеются, кошки—нет.
396. След зверя.—В. Хмара.
397. Двое.—Горный.
398. Освобожденный труд.—Весь.
399. Одна треть жизни.—Ласточка.
400. Омерзелье умядландов.—В минуты досуга.
401. В людях повинешь, всего наберешь.—Струсивши до отчаяния и не зная, что предпринять, молодой Андрей убивает ни в чем невинного теленка.
402. Бандиты.—Смело гребите, во имя прекрасного, против течения.
403. Невероятное происшествие в Лондоне.—Интересный вымысел—лучше скупной правды.
404. Ночь в Дыкове.—Проклятые войне во веки!..
405. Перстень профессора Штекина.—Снежи творить, пока есть силы.
406. Ночь.—Жизнь—борьба, но побеждает в ней не всегда сильный.
407. Наследство Пауло Мунци.—Semper idem.
408. Бродяга пяти озер.—Лесная сырель.
409. Нечистая сила.—Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.
410. Дама о Литейного.—Любовь—слово, которое означает либо слишком многое, либо не означает ничего.
411. Витамины.—Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.
412. Праздник евгенини.—Социализм—здоровому поколению.
413. Воры.—Терпенье—второе уменье.
414. Жена банкира. Попытка не пытка.
415. Гармонь.—Верный.
416. Помач на свадьбе в 1945 году.—Победа труда.
417. Соревнование.—Пиппи пропало.
418. Кроты революции.—История факта—памятник вечности.
419. Шамот.—Лучше поздно, чем никогда.
420. Заколдованный брегет.—Не нравится—не читай.
421. Враги.—У. У. У.
422. Красный нобтоп.—Вперед к мировому социализму.
423. Атомная машина.—Всегда вперед.
424. Клоп серой жизни.—Поэтом можешь и не быть, но гражданином быть обязан.
425. Город машин.—Фантазия.
426. Шое преступление.—Странник.
427. Приключенье профессора Алиева на луне.—Пролетария всех стран соединяйтесь.
428. Загадка.—Не все тайны природы еще разгаданы наукой.
429. Страшнее смерти.—Жизнь—долг.
430. Тень венов.—Сау.
431. Ахмет.—Любознательность—первая ступень философии.
432. Валии.—Осторожная смелость.
433. Вор.—Георгий.
434. Приключение жизни.—Галка.
435. Земля.—Лицом к деревне.
436. Царица яврии.—Читай до конца.
437. Нучум и Арнашка.—Учусь смотреть опасности в глаза.
438. Адские мученья.—Страдать—есть смертного удел.
439. Агеевский портсигар.—Мир велик.
440. Потеря авиакима.—Победа сильным.
441. На развалинах.—Иокагама.
442. Пленник зимней ночи.—Риск.
443. Летящие трупы.—Знание—кузница жизни.
444. Тайна Сахары.—Дерзай.
445. Из мрака прошлого.—Черным по белому.

446. Собачна без имени.
447. Ирина.—Жизнь счастье.
448. Радио-телепатия.—Вперед.
449. Юность.—И в смерти жива дорогая мечта (из Боллера).
450. Жутные ночи.—Нина.
451. Неразгаданный случай.—Наука движется вперед.
452. Вагон 10.27.—София Дажая.
453. Долой морозы, до здравствует тепло.—Человек XXI века.
454. После вечеринки.—Знание всем.
455. Ноги Чжайла-Нор.—Кайдастуй.
456. Очки.—Т. П.
457. В переплете.—Блажен, кто смолоду был молод.
458. Тайна голубого бриллианта.—Каждому свое.
459. Красный противник.—Из настоящего вырастает будущее.
460. Домой.—Лес рубят, щепки летят.
461. Ветер.—Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.
462. Там, где растет картофель.—Безработный.
463. Это сон.—Безвольный, волю куш!
464. Победа.—Вперед и выше.
465. Игры.—Труд все победит.
466. Разъезд Богогое.—Под красным стягом.
467. Грядущий мир.—Дм. Еф. Росин.
468. Фокусы.—Самосуд—бытовая черта таежных людей.
469. На привале.—Non multa sed multum.
470. Пророк.—Своим путем.
471. У моста на 819-ой версте.—Вперед и выше.
472. Побег.—Счастье впереди.
473. Алим и Мишна.—Призыв.
474. Мишна выручил.—№ 79.
475. Бактерии профессора В.—ТН—15.72.
476. Каждому.—Царство мысли, руководимой любовью.
477. Березовый сон.—Заколдованный круг.
478. Мой защитник.—Omnia mea mecum porto.
479. Взбунтовавшийся атом.—Нож—научная организация жизни.
480. Гороскоп.—Прок от поощрения
Будет и для вас:
„Миру Приключений“
Лучший дам рассказ.
481. Новый Денамерон.—Полчас без политики.
482. 1002-я ночь.—Это было в Петербурге в 19-м году.
483. О чем говорит мне церковный звон.—Тангри.
484. Мгла туманная.—Правда жизни.
485. Непостижимое.—Правда жизни.
486. Молодо-зелено.—Правда жизни.
487. Через песни.—Родина—вторая мать.
488. Законы природы.—Хаос продолжится.
489. Эврик.—Вперед заре навстречу.
490. Колонна далаев.—Атланттик.
491. Катя.—Не сули журавля на небе, дай синицу в руки.
492. Веновое.—Знание, труд и свободная мудрость.
493. Азонит.—Из искры пламя.
494. Три момента.—Амальвир.
495. Остров чудес.—Наука—сила!
496. Синяя масна.—И какой видимый мир по величине и многогранности может сравниться с внутренним миром человека.
497. Два случая из моей личной жизни.—Чуден Днепр при тихой погоде.
498. Сообщница.—Жребий.
499. Торжество победителей.—Случайность.
500. В сером доме.—П. Т. С.
501. Белый призран.—Н. Заумный.
502. Тайна льдов.—Semper idem, semper fidelis.
503. На трех нитах.—Пар.
504. Нужда.—В добрый час.
505. Асселсанитас.—Человек может совершать поступки и поступочки. Разница между ними та же, что между монетой и умной жизнью.
506. Ошибка.—Глаза надежды.
507. Старая песня на новый лад.—Не хочу я быть царицей, а хочу я быть владычицей морской.
508. Рыцари.—Искренность.
509. Каторжная работа.—Вольше внимания женщинам-работницам.
510. Поздно вечером.—Фантазер.
511. Розовый жемчуг.—Тьмы низких истин нам дорожке, нас возвышающий обман.
512. Один из многих.—Искра.
513. Горный поток.—Чортово ребро.
514. Повесть без заглавия.—Тара.
515. Затмение.—Случай.
516. Тайна соснового бора.—Мрачная могила.
517. Последнее возвращение капитана Джемса.—и вечный бой! Покой нам только снится! А. Блок.
518. Операция.—Жизнь—сила, нет места слабым в ней. Автор.
519. Колдовство.—Напролом.

520. Предатель.—Ленинец.
521. Воюю на год вперед.—Девиз не принцип, и без девиза люди живут.
522. В глуши полюбья.—Всегда вперед.
523. Градущий бран.—Кто счастлив, тот прав.
524. Отомстил.—Единство.
525. Монт-Маро (1939 г.).—Жмогус.
526. Споробиль № 2. Ныне фантазии, завтра действительность.
527. Рассказ о банальном.—Одной слезой река полной.
528. Черемуха.—В. Стрельцов.
529. Ценою жизни.—В. Павловский.
530. Тайна летчина Резцова.—Смелость города берет.
531. Суды, судья!—*Ips habet gewacht.*
532. Сибирская Москва.—Ближе к истине.
533. Приключение Гвоздева.—Больше дела, меньше слов.
534. Вячеслав Мицинский.—Насилие не может быть основанием права: иначе надо признать, что и разбойники имеют власть над теми, кого грабят.
535. На севере динот.—Стоит одиноко на голой вершине сосна... И снится ей все, что в пустыне далекой прекрасная пальма растет. Лермонтов.
536. В нольце сил.—Влияние солнца на земной магнетизм обычно внезапно имеет скачкообразный стремительный характер. Возникают сильные индуктированные токи во всех земных проводниках. Проф. Эм. Тусе.
537. Нет.—Не скорбным бессильным сердцам.
538. Непримиримый.—Нет смысла и нет примирения.
539. Полубиль.—Человек человеку—человек! (а не homo homini lupus est).
540. Приключение еврея.—Что будет, то будет.
541. Роновой Гамбит.—...и пешки сняли короля.
542. Дело №...—Накануне, так накануне (из того же разговора).
543. Наука остановилась!—Электрой.
544. Остров чудес.—Мираж.
545. Гибель Дмитрия Самозванца.—Орион.
546. Лесная тайна.—Вперед.
547. Евразия.—Мысль.
548. В нольце Изомы.—Стронг.
549. В недрах Донбасса.—Мих. Порношик.
550. Мавзолей профессора Сверчкова.—Фантазия—мерцающий огонек, могущий вспыхнуть в яркий факел действительности.
551. Как я жил на планете Земле под гипнозом и не знал, что я живу под гипнозом до моего освобождения из-под гипноза.—Ни бога, ни хозяина, ни власти.
552. Сигминтегрально.—Описикс.
553. О чем рассказывала сиринна.—Первый привет.
554. В бурные годы.—Красный путь.
555. Благотворительный спелтанль.—О, женщины! В общественных делах полюбше рассудительности, поменьше раздражительности!
556. Элемент № 150.—Сигдана.
557. Свое возьмет.—Не унывай верой не падай на время в себя.
558. Горная греза.—Земля во рту.
559. Татарна-призрак.—Крымчак.
560. Зима.—Что такое девиз—не знаю.
561. Одна тысяча.
562. В ночи.—Страна родная.
563. Психея.—Амуру вздумалось Психею, рязвяся, поймать.
564. Кровавые следы.—Серп и молот.
565. На волю.—Женщина! Сбрасывай с себя цепи рабства, жизнь тебя не обманет.
566. Загадочный шар.—Псковскоквитеский.
567. Федя часовщик.—Умей в плохом хорошее отличить.
568. Камера № 24.—Чем ночь темней, тем ярче звезды.
569. Победитель порока.—Ласка—победитель порока.
570. Могила в воздухе.—Любовь к себе выше любви к женщине.
571. Синяя намера.—Авнахим—защита СССР.
572. Письмо моей подруги.—Знание не ведет к повторению ошибок.
573. Жертвы фанатизма.—Последняя роль.
574. Под грохотным марш.—Откодь взойдет солнышко на Яблочный Спас.
575. Линючий.—Червяк был.
576. Нежданная развязка. Только пролетарская революция дала раскрепощение угнетенного религиозного дурмана, на основе которого существовал монархический строй со всеми вытекающими злыми последствиями для поработанных.
577. Палец.—Гуманным чувствам человека.
578. Опыт профессора Бороздина.—Литература должна будить живую мысль.
579. В подводном мире.—Жизнь есть борьба и стремление к будущему.

580. Тайна вселенной.—Вселенная—вечная загадка для человечества.
581. Записки рожденного последним.—Свети сильней, науки луч грядущий!!!
582. Бандит.—Люби жизнь, а в ней честный труд.
583. Да.— Не жизнь—жизнь без любви.
584. Под ронот шторма.—Быстрота и патисс.
585. Кровавая зорьна.—Н. Г.
586. Герой Хэда.—Рах.
587. Красные Джимми.—Бытие определяет сознание.
588. Две омы.—Принять участие в строительстве жизни—долг каждого.
589. Авария.—Фантазия предвидит возможное.
590. Глухая сторона.—К свету маяков.
591. Сон ветерана.—Не отталкивайте разбитые жизнью корабли. Время печальная участь всех.
592. Кусок.—Безумство жить!
593. Новый год.—Из-под мозолистой руки перо расскажет о жизни заводов.
594. Тайна донтора Вирда.—*In futurum progredior.*
595. Мельница в лесу.—*Vvere—militare est.*
596. Санам.—*Amor omnia vincit.*
597. Предатель.—Смерть предателям.
598. Ч... ч...—Гек Мыгик.
599. Самое страшное.—Мистер Вэст.
600. В чаще лесной.—Рви цветы.
601. Статуэтка.—Вечное.
602. Дитя.—Цель писателя—отражать жизнь в литературе.
603. Тайна смерти.—Труд—путь к знанию.
604. Ошибна.—Даешь науку.
605. Приключения во сне.—Пролетарии всех стран—соединитесь.
606. Конец Марселя Люпо.—Делу—время, потехе—час.
607. Приключение бухгалтера Птичина.— Маленькая спичка лучше, чем большие пожары.
608. В осылне.—Хочу и создаю.
609. История одного изобретения.—Стремись к знанию всю жизнь.
610. Человек с материна.—Но в динамите—динамика.
611. В тайге.—Будь смелым.
612. Ловушна. Попытка—не пытка.
613. Пан-Цуй. Попытка—не пытка.
614. Десять граммов гормона.—Чем чорт не шутит.
615. Восемнадцать часов сорон минут.—Безумству храбрых поем мы песню.
616. Человек абсолютной твердости. } В. И. З.
617. Счастье.
618. Кровавый силуэт.—Дядя Силай.
619. Мы все замерли на месте.—Усилиями коллективного ума пробить брешь в таинственный мир введомых доселе чудес природы.
620. Иногда в семье.—Бываю.
621. —Отчество весь мир.
622. Бабочна о Суматры.—Любовь к приключениям неотъемлемая часть человеческой природы.
623. Секрет профессора Линча (All right).
624. Там, где поля риса и чая.
625. Рани ношевого.—Чтобы понимать настоящее, надо знать прошлое.
626. Песня.—Эх, приятель, и ты, видно, горе видал, коли плачешь от песни веселой.
627. Один взгляд в прошлое.—Маркус.
628. Приключения одного безбилетного пассажира.—Знание рождает силу, истина—красоту.
629. В тайге.—Береги тайгу—в тайге есть доля счастья каждого трудящегося.
630. Недосыгаемые сонровица.—Игрки.
631. Меньше атома.
632. Басмач.—В единении сила.
633. Случайность.—Случай и счастье.
634. Великое переселение человечества.—Дерзай знать.
635. Незанонченная фильма.—Гемма.
636. Атеиот и бог.—Люди—бактерии мира.
637. Шуна.—Смотри в жизнь выматательно—в самом простом найдешь интересное.
638. Железный дьявол.—...Прелания старини глубокой...
639. Однажды ночью.—...бессильие дикарей в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, чудеса. Ленин.
640. Смерть жреца Синухэ.—Религия всегда тормозила свободное развитие науки.
641. Кот.
642. Лунная плантация.—Из летописей Инсулннда.
643. Мир-Нигмат.—В. С.
644. В плавнях.—*Nonny soit qui mal u pense.*
645. Ядзя.—Аш.
646. Атлантида.—Серп.
647. Серебряный рубль.—Человеческое—слишком человеческое.
648. Душа.—Скорей.
649. Два века.—У.Ф.Х.

650. Источник смеха.
2. Тяжелое напоминание. { Трудом и энергией.
3. Тайственные цветы.
651. Судьба китайца.—Шел, шел, да и пришел.
652. Странный случай из жизни В. К. Ленина.—Природа—бездна тайн.
653. Приключение Сенни Голопузого.—Молодость—сила.
654. Отверженные.—Наша наука пошла от мужицкого корня.
655. В облаках.—Via dolorosa.
656. Замечательные события в жизни человека.—Познать самого себя. Сохрат.
657. Затонувший груз.—Сибирь.
658. Митинга месье.—Смерть бандитам.
659. Евгения или заговор мудрецов.—Люди происходят от животных и должны стать богами.
660. По ухабам жизни.—Здоровье и труд—наше счастье, земля и солнце—наша жизнь.
661. Старое и новое.—Вперед, к новой жизни.
662. Любовь и девушка.—День пламенеет.
663. Тайственная нунганча.—13 марта.
664. На путях носмоса.—Наука для жизни.
665. В поезде.
666. Сиреневый кониурс.—Правда жизни.
667. В неурочное время.—Старо то, что отжило.
668. Неизвестный.—Террористы всегда победят.
669. Во власти кино.—Константин Твер.
670. Столета.—В объединении сила.
671. Гордый.—Вперед.
672. Пациент из психиатрической клиники.—Любознательность присуща каждому человеку.
673. Голубой луч.—Гражданин С.С.С.Р.? Будь готов!..
674. Концерт радио-зайца.—Радио любитель? Будь осторожен!
675. Ают.—Я предугадал мой жребий, мой конец..
676. Юзя.—Стах.
677. Бегство Альджан.—Ad Astra.
678. В дебрях нериние.—Знание—жизнь.
679. В недрах Америки.—Купишь авио-билет и объедешь кругом свет.
680. Барышня Мария Алесеевна.—Не обходи людского горя.
681. Сергей Жимолостин.—Борьба и труд.
682. Горный орел.—Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами.
683. Месье.—Luctor et emergo.
684. Тайственные сигналы.—Радио—друг человечества.
685. Антон Лагунов. Всегда вперед.
686. Пеихопат.—Итер.
687. Тайственное судно.—Улучшить конструкцию океанских пароходов арктических стран.
688. Три раза на волосок от смерти.—Смелость.
689. Напризы любви.—К. Серый.
690. Мистика и реальное.—За свободу.
691. Честный человек.—Чорт с ним.
692. Герои апрельской ночи.—Партизан.
693. На стальных путях.Und manche liebe schatten fliegen auf.
694. Любовь и долг.—Сны мимолетные, сны беззаботные сняты лишь раз.
695. Еще не грянул гром...—А смысл грядущего еще покрыт туманом.
696. Миллионы Бренаса.—Щи есть щи и вообще не трещи.
697. Кошмар веков.—Всякое бывало.
698. Тайственные явления.—Красное знамя.
699. Хромоножка.—Так жизнь скучна, когда боренья нет.
700. Старье мертвецы.—Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен
(Гейше).
701. Су.—Laboremus!
702. Приключение Джона Мерсея.—Горит восток зарею новой.
703. Память.—
704. Судебная операция.—Vanitas vanitatis.
705. Старый шут.—Только прошлое действительно в человеке.
706. Злая сила.—Каждая волна подъема, пережитая революцией, показывает невидное и бесспорное накопление сил для разрешения новой и более высокой задачи... (Ленин, т. VII, ч. II, стр. 25).
707. На луне.—Луна не достигнута, и может быть исполнится хоть часть из этого рассказа.
708. Стальной кондор.—В стремительном беге прогресса к разрешению научных проблем.
709. Приключения на границе.—Вперед к пролетарскому творчеству.
710. Alter ego профессора Второва (второе я).
711. Инженер Русов.—1—2—3—4—5.

712. Чайни.—Прислушивайся ко всем, старайся не слушаться никого.
713. Дворец уродов.—Создавать свое непохожее ни на что другое,—вот что постояло на манило меня к себе.
714. Вечный двигатель.—Ну, чем же не похож наш городок на Рим?..
715. Новый король.—Д. П.
716. Закон Магомета.—Ve ter late fhan never.
717. Незадачин и кониурс.—Иго.
718. Маяк разума.—Безработный 20882.
719. Так Гау учил...—(?)
720. Комбинация.—Sine ira et studio.
721. Амеба-гигант.—Невероятно, но возможно.
722. Энциклопедический приз.—Обязательно культуривайся.
723. Тени прошлого.—А. А.
724. Убитый мертвец.—Москвавич.
725. Призраки.—Одинокий.
726. Сон профессора Кеорарева.—И все-таки любовь.
727. Хрусталева из Чистополя.—Пишите так, чтобы словам было тесно, а мыслям свободно. Анаг. Франс.
728. Молодо-зелено.—Правда жизни.
729. Звездный подарок.—Уралец.
730. Приключение.—Telesia.
731. Дальнее плавание.—Дельфин.
732. Тайна „Вялого“ лога.—Полевой.
733. Гувернантка.—В здоровом теле — гармония гормонов.
734. Семнадцатая.—Слово.
735. Остров Борнео, донтор Иванченко и мисс Мэри Нелль.—О'Гарди.
736. Пятое евангелие.—Одно многознание уму не научает.
737. Ублизтна.—Гиперболоид в кубе.
738. Возмездие.—Sic transit gloria.
739. Майя.—Что в имени тебе моем.
740. Рассказ о рубиновом кольце.—Робин Гуд.
741. Железная дева.—Ve prepared.
742. Неоспоримый фанг.—Будущее—за авиацией.
743. Жемчужина Индия.—Крокус.
744. Ставка Вальши Греча.—На всякого мудреца довольно простоты.
745. О Вальтере, графе Сциборе Мархоном и разбойнике Микити.—Смотри в корень.
746. Девушка из Бара.—За новеллу.
747. Необычайные события в селе Верхн.—Правда — правда.
748. Фогельхен.—Куй железо—пока горячо.
749. Отомстил.—Через любовь—к победе.
750. Встреча.—Трудно жизнь пройти—не оступиться.
751. Без имени.—Упорный труд—прежде всего.
752. Приключение у Лунгарского моста.—Не записись—сверзайшья.
753. Золотая баццлла.—Из малого в большое.
754. В 20-м году.—Вас. Илько.
755. Правосудие и милосердие.—Sapientia sat.
756. Профессор Брэффорд.—С наукой к победе.
757. Февральская ночь.—Живя, стремись к добру, живя есть любовь.
758. Тимофей Григорьевич.—Воспитание.
759. В старой школе.—Свежо предание, а вернется с трудом.
760. Последняя партия.—Быть или не быть.
761. Боги.—Редигия—туман, который здравый смысл рассеет.
762. Желтый чемодан.—Химера.
763. Когда глыба хочет...—Интеллектуальность.
764. Гибель миров.—Ц.Ч.Ш.
765. Гибель капитана.—Норд.
766. Как это было...—Вселенная и человечество.
767. В глубь веков.—Тайна прошедшего, тайна науки.
768. Заговор.—Леонид Спэнтер.
769. Весенний эпизод.—Стихия—великая сила.
770. Страницка из дневника двенадцатилетнего „Шлыря“—Много видеть, много знать.
771. Праздник в Нюрбе.—Коллективизм.
772. Катя.—Е. С.
773. Сестра милосердия.—Сметана.
774. Монгольские „Бег“.—Восток.
775. Человек, который мог прекратить войну.—Фантазия сегодня—действительность завтра.
776. Архирейская утопия.—Овечки женятся, плодятся, умирают. А пастыри при том карманы набивают.
777. Блохи и великаны.—Века и люди.
778. Ржавчина.—Всякая ржавчина отчищается, ежели руки приложить (М. Горький. „Фома Гордеев“).
779. Залипни собаки.—И без тебя—с тобой.
780. Сыпной тиф.—Асфальт.
781. Лидан Гай.—Omnia mea mesum porto.
782. Темнота человеческая.—Шире просвещенна.
783. Змея.—Свобода истины—истинная свобода.
784. Лучи жизни.—Юниор.

785. Пещера Лютры.—Южанин.
786. Любовь, какой не бывает.—Сломаюсь, но не согнуусь.
787. Био-радио век.—Будущее.
788. Изобретение д-ра Зимина. Не боги горшки обжигают.
789. Месть.—Победа дает такой запас сил, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 414—415).
790. Павильон физической культуры.—Искусство.
791. Разрушенный мост.—Уходя вперед и выше, не забывай оглядываться и назад, чтобы не упасть, там твой фундамент.
792. Куда летели, куда попали.—Самочка, каких много.
793а. Приключение десяти атомов.—Более справедливое мироздание.
708б. Под защитой нор.—Оттачивать мозги, но не держать и бицепсы в загоне.
794. За или против. Und setzet ihr nicht das Leben ein Niemals wird euch das Leben gewonnen sein!
795. Вихрь.—Vivere est militare.
796. Сундук.—Полюбите нас черненькими: беленькими всякий полюбит.
797. Трест О. П.—Лучше поздно—чем никогда.
798. Развод Мэри Пинфорд.—Репортер.
799. Необыкновенное происшествие.—Стиль—это физика духа (А. Шопенгауэр).
800. Пришли.—Человек умирает, но жизнь—никогда.
801. Бицини.—Регенерация.
802. Зуб за зуб.—Ив. Буйный.
803. Тайна бала-мечети.—Родник.
804. Полет истории.—Гроби старое, гремя о новом.
805. Болонна мисс Brent.—Назвался груздем—полезай в кузов.
806. Грядущая...—Жизнь есть борьба.
807. Илчон тропы.—Бездорожье... Глушь... леса.
808. Уголок Иизды.—Гравильма.
809. Железный человек.—Машина—на смену человеку.
810. Браслеты, которые не линяют.—Что не линяет—ценно.

В следующем, № 9 „Мира Приключений“, будут помещены 4 премированные на Литературном Конкурсе рассказа—два научно-фантастические и два бытовые:

«СТАРЫЕ МЕРТВЕЦЫ»,

«ИЗ ДРУГОГО МИРА»,

«ЗУБ ЗА ЗУБ»,

«АКИМ И МИШКА»,

посмертный рассказ П. П. ГНЕДИЧА:

«АЛЬТРУИСТ»

и другие литературные произведения.

СИЛА НЕВЕДОМАЯ

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ
НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 176.**

Девиз: «Себя на суд вам отдаю».

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА.

Предисловие Акад. С. Ф. Пластонова к рассказу.

Рассказ «Сила неведомая» представляет собою ярко написанную страницу из быта той эпохи русской исторической жизни, которая характеризуется началом «крепости», прикрепления как отдельных лиц, так и целых общественных групп к разного рода повинностям и обязанностям. В Московском царстве XVII и начала XVIII века господствовало общее бесправие; не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных классов. Все люди и все классы рассматривались как орудия и как средства для государства, олицетворяемого в идее царем, а на деле тем кругом лиц, с которым царь правил. В рассказе «Сила неведомая» главное действующее лицо Никита Петрович Нелидов по своему сознает этот принцип Московской жизни и говорит своему сыну Сеньке: «Ты пойми, Сенька: есть, брат, сила неведомая, что и царя словно река несет... Она его несет, а он—нас тащит, а мы —их (рабочих)... Что эта за сила, думал я думал, так придумать и не мог; одно я уразумел, что и Петр царь—раб, и я—раб, и они—рабы. Взjala нас эта сила за горло и тащит!»

Историкам понятно, что эта «сила» заключалась в необходимости организовать оборону государства и правительственное хозяйство при отсутствии твердой оседлости населения, растекавшегося в колонизационном стихийном движении по северной России и Сибири. «Сила» заставляла крепить холопов и крестьян в неволю землевладельцу, чтобы они сидели на местах; служилых помещиков крепить к службе, чтобы они службы не «отбывали», а несли ее в срок и исправно; горожан (торговых и посадских людей) крепить к их торгу и посаду, чтобы они платили свои подати и исполняли свои повинности, а не бродили с места на место без пользы для государства и правительства. Этот «крепостной» порядок тяготел над всем населением и лишал его свободы и всяких прав. Свободен был лишь тот, кто бежал с своего места и от своей повинности и становился «беглым». Права получал лишь тот, кому передоверяла их власть, давая ему свое поручение или свое полномочие.

В рассказе «Сила неведомая» изображен именно этот порядок, водворившийся на Урале в первое время существования там горнозаводской про-

мышленности. Всемогуший заводовладелец Нелидов — «мужик, кузнец Тульский», как сам он себя определяет, — стал известен царю Петру Великому своими способностями и получил от него земли на Урале и заводы для производства, а главным образом — артиллерийских орудий. Вместе с тем Нелидов получил и права над рабочим населением заводов, и возможность приобретать и переселять на заводы людей из внутренней России. Правительство как бы передоверило ему свою власть над прикрепленными к заводам людьми. Но по дальности расстояния от центра контроль над действиями Нелидова был так слаб, что Нелидов стал неограниченным владыкой над всем населением заводов. Произвол, жестокость и ряд преступных действий сопровождали каждый его шаг. Непосильная работа, истязания, унижения были единственным уделом порабощенных тружеников. Нелидов не останавливался пред тюремным заключением и даже пред убийством невинных, но ему неприятных или опасных людей. Автор рассказа в сильных и ярких сценах рисует разные стороны заводской жизни при тирании Нелидова и дает ряд типов униженных и оскорбленных, замученных и озлобленных жертв этой тирании. Получается рельефная картина, написанная с большим литературным искусством и с значительной примесью мелодраматизма.

Автор в общем хорошо знаком с историей эпохи, которую изображает. Прототипом заводовладельца для него послужил, думаем, Никита Демидович Антуфьев, родоначальник Демидовых, знаменитых деятелей в области Уральской горной промышленности. Но, взяв для своего героя Нелидова некоторые биографические черты от Демидова, автор создал необходимый для него в рассказе властный и жестокий тип совершенно независимо от исторической личности Никиты Демидовича. Точно так же в сценах, посвященных встрече Нелидова с ревизором Филатовым, автор обнаружил знакомство с фактом контроля над Демидовым, но изобразил ревизора такими чертами, какие ни мало не напоминают исторических лиц, контролировавших деятельность Демидова, именно генерала В. И. Геннина и историка В. И. Татищева. Такого рода отступления от истории были, конечно, умышленным литературным приемом, вполне дозволительным и, так-сказать, целесообразным. Но кое в чем автору, повидимому, не хватало детального знакомства с бытом эпохи. Изображенный им способ, каким вели крепостных рабочих на завод, со связанными «сзади» руками, вряд ли практиковался. Каменная башня с «каменным пузом» у самого потока «бурливой Гремучки», неизвестно, какого назначения (сторожевая?) была не в духе того времени. Автору она нужна для известного эффекта (скрыть следы преступлений ее затоплением); но та эпоха довольствовалась деревянными постройками как для жилья, так и для сторожевых вышек, оставляя камень для церквей, крепостных стен и «платок» (амбаров для особо ценной клади). Молодой «уральский казак» — явление позднейшего времени, и вряд ли «уральские казаки» с «урядниками» могли существовать у Нелидова. Точно так же «охвицер», к Нелидову посланный «светлейшим» (Меньшиковым), никак не мог прискакать один без свиты и охраны через всю Россию на дикую и пустынную окраину Урала. Как «деньщик» (адъютант) всемогущего царского фаворита, он, конечно, ехал с большим комфортом и почетом, хотя бы и с тайным поручением.

Однако все эти маленькие несообразности не только не мешают, но даже способствуют литературной цели автора — произвести на читателя возможно сильное впечатление контрастом безудержного и преступного самодурства хозяина и безграничных страданий рабочей массы, бесправной и безответной пред «силой неведомой», воплощенной в лице Нелидова.

Рассказ о Нелидове хорошо рисует тот железный, жестокий век Петра, когда его стихийное стремление «к хорошему, на широкий простор, к морю свободному, к жизни вольной и светлой» сопровождалось потоками крови и слез, произволом одних и страданием других...

Академик С. Платонов.

СИЛА НЕВЕДОМАЯ

В железе есть зовы,
Звенящи-грозовы!..
В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть!..
В железе есть сила,
Гигантов взрастила
Заржавленным соком—
руда!
В железе есть стоны—
Кандалные звоны!..

Герасимов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТАРИК, вздыхая, опустился на траву у кристально-чистого, весело журчащего ручейка.

Золотой стеной стояла кругом спелая рожь... Изредка набегал теплый ветерок, и тогда тяжелые колосья, чинно кланяясь друг другу, шептались о чем-то важном и сокровенном.—Ишь, сердечные, тоже беседу ведут!—усмехнулся старик.—Тоже... и у них забота есть!

Синей опрокинутой чашкой жгучее небо давило землю, чудилось оно близким,—кажись рукой его достанешь!

Июльский зной сверкающей рябью струился между небом и истомленной землею. Струился и шел... Пел немолчным звоном, дрожал серебристой дробью.

Старик поднял голову, прислушался, посмотрел своими потухшими, выцветшими глазами в звеневшую над ним лазурь, и опять тихая улыбка пробежала по его сухим губам.

— Ишь, птахи божи!.. господа славословят! Жавороночки милые!— Он вздохнул...—Благодарение господа! Вырвался из ада крошечного! — сказал он громко и перекрестился широким крестом.

— Грех! Ох! Грехи!—заговорил он опять, поникая головой... Словно в ответ ему сокрушенно качала своими тяжелыми головками золотая рожь и, глядя на старика, вела свои нескончаемые таинственные речи... Пугливо прислушивались к этим речам легкие стрекозы, дрожа в воздухе серебристыми крылами. Старик опустил голову, задумался и задремал...

Вдруг он очнулся от странного шума, который нарастал откуда то с дороги, терявшейся во ржи. Старик поднял голову и посмотрел. Вдали подымалось облако пыли и мутным столбом медленно приближалось к нему. Шум все нарастал...

— Стадо, што-ль, гонят? — с недоумением сказал старик.

... Под конвоем десяти инвалидов ползла по дороге огромная толпа мужиков; сзади тянулись подводы. Мужики, все молодые, были связаны и еле передвигали запыленные серые ноги. Они были в лохмотьях, кто в стоптанных лаптях, кто босиком, кто в шапке, а кто и так... Одноцветные, серые, они сливались в одно мутное пятно... Словно грязное тесто ползло по дороге... Они подошли ближе, и тогда в толпе замелькали человеческие лица. Пот с пылью бороздил черными полосами обожженные лица. Тускло поблескивали воспаленные глаза. Открытые рты ловили воздух и глотали пыль.

Не лучше были и конвойные, — и они еле передвигали ноги, и они задыхались в пыли. Начальник этой команды, старый однорукий капрал, мешком сидевший на косматой деревенской лошаденке, тоже изнемогал от зноя и пыли.

Старик долго смотрел на это стадо связанных людей... и вдруг быстро, быстро стал креститься.

— Господи милостивый! Еще гонют!—прошептал он.

— Стой! Привал!—захрипел старый капрал, увидев ручей. И человеческое стадо вдруг метнулось к воде. Конвойные были смяты, отброшены... Люди со связанными сзади руками, давя друг друга, падали на землю грудью, опускали свои головы в воду и пили... пили... пили, не замечая того, что замутился глиной и грязью кристалл веселого ручья.

Капрал завертелся на своей лошаденке, замахал рукою, что то кричал, крипел, ругался, видно. Но слабый

голос его потонул в стогах и воплях обезумевшей толпы. Тогда и он, махнув рукой, тяжело слез с лошаденки

которым ползали жадные золотистые мухи...

— Куда ты, Сидорыч, падай эту волочишь? Эва! Как провоняли!—сказал конвойный,—сбрось их!

— Сбрось!—проворчал капрал:—Эх, ты! А кто за них отвечать будет? Ты?.. По счету принял, по счету и сдать должен... по воинским регулам!

— Да не довезешь! Смотри... Вишь, разварились как! Пятый день ведь тащим... А кака теплота!

Люди, давя друг друга, падали на землю грудю, опускали свои головы в воду и пили... пили.

и тоже жадно приник к холодной грязной воде.

По его приказанию, конвойные вливали их мокрые, погные головы в воду.

Развязали пленников и стали раздавать им краюхи хлеба...

Капрал подошел к одной подводе и озабоченно поднял шинель. Тяжелый запах гнили ударил ему в лицо. Он отшатнулся. На подводе лежало пять трупов. Страшные, почерневшие лица, стеклянные открытые глаза, по

— Хучь кости доведу,—упрямо сказал капрал и торопливо покрыл шинелью трупы.

— Эта куда ж вас гонют?—шопотом спросил старик молодого парня, который лежал около него и неподвижными глазами смотрел в голубую высь. Парень не отвечал.

— Куды гонют,—отозвался другой,—сказывают, в горы, железо, вишь, копать...

— К заводам нас приписали,—сказал угрюмо третий.

Старик глубоко вздохнул и перекрестился.

— Далече до гор то?.. Уж вторую не-

Старый однорукий капрал тоже изнемогал от зноя и пыли.

делю мучаемся. Народу что передохло... животины тоже. Как город, так покойников и сдаем... десятка два уж сдали.

— Горы те скоро увидишь,—тихо ответил старик.—Вот как поле минуешь, да лес пройдешь—тут их и увидишь...словно тучи черные станут горы те на краю, где небо с землею сходится...горы те Уральские,—сказал старик и замолчал.

— Знаю я эти горы,—тихо заговорил он опять, наклоняя свою белую голову.—Сам оттуда бреду...Выпес господь из ада кроmeshного, голубь ты мой! Гиена там огненная!.. Горы те... Царство сатанино!.. и царствует там Нелидов Никитка... зверь сущий во образе человеческом! Верный раб Антихристов! Православных в железах держит... Одних к печи огненной прикует,—те день и ночь в огне горят. Других под землю угонит,—те света божьего не видят... До пуза земли, вишь, рвется... Землю матушку терзает!.. Горы сверлит!.. Леса зеленые с плеча рубит! Реки светлые городит да мутит! Все он, пес адов, возмутил. Небо дымом коптит... Солнце тьмой застиляет.

— Почто же он эшто?—спросил парень, поворачивая свое лицо к старику.

— А так... по приказу Антихрестову, значит... Ему, вишь, сам Антихрист приказал... Петр Самозванец-Антихрист чортов, слуга дьяволов... ему приказал, а он сполняет.

Страстный шопот старика привлек еще несколько слушателей. Подползли. Слушают. Затаив дыхание, слушают... И все громче, вдохновеннее делается речь старика.

— Железо, вишь, достаёт! А для ча те железо? Ножи да мечи делать, чтоб православных губить. Тех, кто за Христа стоит... Цепи куют, чтоб православных узами терзать! Так и в писании сказано... Известно... Оружие себе Антихрист готовит... А в нутро-то гор лезут, чтоб нечистые народы Гогу и Магогу отседа осломонить! В горах эфтих каменных, по приказу господню, народы энти нечистые заключены на веки вечные... А как нечисть эту богопротивную выпустят,—застонет Русь православная, матушка! И до второго пришествия стонать будет! И раздаст Антихрист Гоге и Магоге ножи и мечи... и почнут они...

— Ты тут о чем это, божий старичок, речи ведешь? А?—спросил подозрительно подошедший капрал.

— Про житье-бытье горькое ребятам сказываю... хошь, и ты послухай,—пробормотал, несколько смутившись, старик.

— То-то... смотри! Зря не болтай чего... А то лопатки скручу, да к воеводе...—проворчал капрал.

— Далече еще до Урала то?—вдруг спросил он.

— Коли вскачь поскачешь, в два дня доспеешь, а коли так, на четвереньках,—так и в неделю не доплзешь—сухо ответил старик, не подымая глаз на капрала.

— Сидорыч!—подь-ка..—крикнул конвойный, возившийся около подводы.

Капрал заковылял к подводам. Старик помолчал, оглянулся, и тихим шопотом продолжал:

— Жили мы там в скитах, голубь ты мой!.. Старой веры мы, истинно православной.. Двумя перстами крестимся!.. И старик набожно перекрестился.—Жили мы там тихо и мирно, в чащах лесных, у рек чистых, текучих, говорливых... Вдали от дьявольской суеты... Жили, спасались, за Русь святую господе Иисусу Христу и Пречистой его матери молились. Души свои от сетей дьявольских спасали.. И наслал господь нам испытание велие. Принесла к нам сила дьявольская пса адова,—Нелидова—этого Никитку.. По приказу, говорит, царскому... А ведомо нам, кто царь то... Антихрист Петр Самозванец, немецкий в.... Все, говорит, мое: и горы, и леса, и реки. что на земле, и что под землею,—все мое.—Сказал он сие и почал он леса рубить, горы рвать, нутро земли терзать! Труб настроил адовых, что огнем денно ношно смердят, да небо божье копят.. Нарушил он спокой земли-матушки.. Стоном застонала она, горы и леса, небеса господни дымом помрачились, да копотью. Православных нагнал тысячи тысяч!.. И все в вервях.. Вот, как не вы... Да в цепях железных.. Озверел Никитка пес.. и люди те озверели! Дотеле была у нас в горах тишина да благоденствие.. А как он пришел, убийства пошли, татьба, мятежи.. Острогов настроил, и сидят там ноне не люди—не звери, цепями и кольцами скованные.

— Застонали, голубь ты мой, горы Уральские от воплей человеческих да проклятий!.. А нечистые народы те. Гога да Магога, в недрах горных всплескали дланями, возликовали. Слободу, вишь, псы, нанюхали! Волю! Сам слышал, видит бог,—слышал,

как горы внутри гудут,—как народы хвалу Антихристу возносят...

— Сбегу!.. Ей богу, сбегу!..—прошептал парень, подымаясь на локти и широко раскрытыми глазами смотря на старика.

— Беги, голубь, беги!..—быстро заговорил старик.—Наших, вишь, кто помоложе, всех сковал, цепями спутал и в работу пустил.. А стариков, как я, вовсе выгнал... Вот я и иду!..

— Куды ж ты, дедко, таперя?—спросил кто-то.

— Таперя иду, голубь, мученический венец восприть! На Русь иду... Войной иду на Антихриста! На самого Антихриста—обличать буду пса смердящего!..

И старик вдруг встал во весь рост. Выпрямился. И вырос, словно великан какой. В его глазах горел будто огонь какой,—и с изумлением смотрели на него его слушатели, даже креститься начали.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НИКИТА Петрович Нелидов сразу открыл глаза, быстро присел на кровать и обернулся к окну. Оттуда глянул на него предрассветный сумрак. Ночное небо уже бледнело. И на нем еще дрожали последние звезды. Нелидов быстро сбросил одеяло и спустил жилистые сильные ноги на медвежью шкуру.

В горнице было темно.—Только лампада слабым, неверным, мигающим светом озаряла суровый лик темного Спаса и робко поблескивала на самоцветных камнях его венца, на серебре и золоте его риз.

Нелидов повернулся к иконе, и на его жуткое лицо—лицо фанатика-аскета—упали слабые блики. Слабо блеснул его высокий лоб с резкими морщинами и впалые щеки. Выделились густые черные, уже седеющие брови, и из мрака нависших бровей остро сверкнули суровые глаза. Жидкая борода не скрыла строгих линий сильного, сухого подбородка. Сквозь усы видны были прямые, сжатые губы...

Нелидов с неудовольствием посмотрел на мигающую лампаду. Непорядок увидел. Он поднялся, подошел к

иконе, неторопливо поправил фитиль лампы, опустился голыми коленями на вязаный коврик и стал молиться. Его тонкие губы шептали невнятные слова. Сильная рука клала широкие кресты. Голова слегка касалась каменных плит. Но в глазах его не было молитвы. Словно думал он о другом, более важном и нужном.

Потом он встал и, словно ненароком, взглянул прямо в очи темного Спаса. Их взгляды встретились. И оба они посмотрели друг на друга в упор чужими, словно враждебными глазами.

Отойдя от иконы, Нелидов присел на кованный сундук и стал одеваться. С широкой двухспальной кровати раздался легкий вздох. Нелидов повернул к кровати лицо. Это сквозь сон вздохнула его молодая жена Агафья Тихоновна, красавица лет 30. На щеке у нее блестела капля слезы.

— Федьку во сне видит, — прошептал Нелидов и отвернулся. Кривая, недобрая улыбка пробежала по его сжатым губам.

Он одевался, не торопясь, но и без медлительности; одевался деловито, размеренными и точными движениями, чинно и беззвучно, но и без всякого старания не шуметь. Одевшись, он подошел к двери и дернул за ручку. Дверь заскрипела, и молодая женщина сразу проснулась и подняла голову. Широко раскрытыми глазами, с каким то недоумением, посмотрела она вслед уходящему мужу и сейчас же стала торопливо одеваться. На ее красивом, строгом лице было выражение тоски бесконечной. И на эту тоску, из под серебра и золота и самоцветных камней безучастными, невидящими глазами смотрел и суровый Спас.

Нелидов вышел в холодный корридор, умылся в темном углу из глиняного горшка, висевшего на веревке, и пошел по корридору. Его тяжелые размеренные шаги разбудили каменный пол и низкие каменные своды — они отозвались слабым, звенящим эхо...

Он прошел весь корридор, властно постучал костяшками пальцев в дверь. Постучал раз, два. Ударил сильнее — и за дверью кто-то заговорил испу-

ганным, сонным голосом: — Кто... там? — Нелидов сказал только одно слово: «Семен!» — и сейчас же в ответ отозвалось торопливое: «Иду, батюшка! Иду!.. Заспался!.. Виноват!..»

Нелидов открыл выходную дверь и вышел на крыльцо... Кричали стрижи да неумолчно ревели Гремучка, горная речка, мчавшаяся по долине каскадами пены, прыгая по камням и утесам. Свежий утренний воздух, напоенный запахом хвои, пахнул Нелидову в лицо. Он всей грудью вдохнул струю густого воздуха, перекрестился и осмотрелся. Огромный косматый Полкан, лежавший у крыльца, лениво приподнялся, зевнул, замахал хвостом и пошел было здороваться к хозяину, но остановился в некотором отдалении, виляя хвостом, словно высматривая, в каком настроении хозяин. Не в добрый час к нему полезешь, — так ведь и сапогом в бок получишь!.. Известно...

Заводский городок еще спал. Он жался в глубокой долине, и с трех сторон его стиснули косматые горы. Небо уже светлело. На востоке слегка загорались уже верхушки гор, а в глубине долины было еще темно, как в могиле. И сквозь тьму эту чуть просвечивали сгрудившиеся постройки: казармы для рабочих, склады, мастерские. И только огромные трубы доменных печей пылали широким пламенем и огненные клубы их черного дыма уходили ввысь.

Нелидов внимательно посмотрел на эти трубы и нахмурился: его зоркий глаз заметил, что один столб дыма был, словно, бледнее, серее. Не торопясь, опираясь на железный посошок, направился Нелидов к этому столбу.

Вдруг гишину ночи разрезал удар колокола, призывающего к работе. Один удар, другой!.. третий!.. и горы со всех сторон отозвались глухими отзвуками, — проснулись... и заговорили...

В Нелидовском городке начался трудовой день. Сон отлетел от людей, зверей и от косматых гор.

Нелидов остановился, перекрестился и еще раз осмотрелся вокруг. В некоторых строениях вдруг замигали огоньки.

— Как почивать изволили? С погодой! С погодкой!.. — торопливо запел сладким тенорком Иван Захарыч.

нимающий, и вдруг грохнулся на колени и ударился головой о каменные плиты.

— Помилуй, батюшка, Никита Петрович,—забормотал он заплетающимся языком, ельзя головой по полу:— Сморился...

Нелидов молча смотрел на него сверху вниз немигающими глазами.

— Как звать?—спросил он вдруг.

— Сенькой... Сенька Хомут... я,—забормотал парень, не подымая лица. Помилуй, батюшка осударь... милостивец...

— Осударево дело просыпаешь!—сурово сказал Нелидов.—По Осудареву приказу работаешь!.. Не мне—Рассее служишь! Говорили тебе, что, коли огонь в печи ослабнет,—вся отливка спорчена? Говорили тебе?

— Говорили!.. Ох, говорили!—бормотал парень.

— На двадцать плетей наспал,—резанул Нелидов, резко повернулся и вышел. Парень быстро поднялся с полу и, сжав грязные кулаки, злобно посмотрел ему вслед.

Нелидов пошел к той трубе, которая привлекла его внимание. Провинившаяся труба не ревела, как другие, а что то бормотала, словно сквозь сон. Он рванул дверь и вошел. Около раскрытой огненной пасти, прикованной цепью к стене, сидел на полу грязный, косматый парень, опустив всклокоченную голову на грудь дров. Он крепко спал. Нелидов резким толчком своего посоха разбудил его. Цепь загремела, парень вскочил. Посто-

ял, ничего непонимающий, и вдруг грохнулся на колени и ударился головой о каменные плиты.

Городок просыпался. Из барака в барак суетливо перебежали неясные тени людей. В окошках светились мерцающие звездочки огоньков. Потом закурились трубы кузниц, мастерских. А в это время алый свет заметно сползал с косматых горных вершин в глубь темной долины. Небо уже голубело вверх, и легкий серый дым таял в этой нежной лазури.

С ласковой улыбочкой подбежал к Нелидову Иван Захарыч, главный конторщик завода, «правая рука» хозяина.

— Здравствуй, батюшка Никита Петрович.—Как почивать изволили? Все ли славу богу?.. С погодой! С погодкой! Хороша нонича погодка!—торопливо запел он сладким тенорком.

— Почивал хуже твоего!—ответил Нелидов.—Вишь,—ране твое на работу вышел, да ночью еще два раза вставал... заводы обходи!

— Виноват, батюшка Никита Петрович!—с поклонами тараторил Иван Захарыч.—Засиделся вчера за полночь—реестру готовил к отправке. Сегодня в Санкт-Петербург все отправим, угодим царю батюшке! Увидят его пресветлые очи, как мы ему служим.

— Не царю, а Рассее служим!—сухо оборвал его Нелидов.—Сам царь, его величество, мне персонально сказывал: «не мне,—говорит,—служи, Петрович, а государству Российской. Я,—говорит,—такой же приказчик у России на службе, как и ты!..» А вы, вот, этой мудрости великой не разумеете! Вы лицам служите, а не Рассее... Сеньке Хомуту двадцать плетей... у печи заснул,—вдруг прервал сам себя Нелидов.

— Слушаюсь, батюшка... слушаюсь... Заснул у печи! Ай, озорник какой!

— Подводы в исправности?—спросил Нелидов.

— Все в исправности!—Все сам осмотрел! Вот лошадки только слабые! Дохнут оченно здорово!.. Мужики воем воят!..

— Пусть воят! Со свейским королем война на носу, а мы лошадей жалеть станем!.. А понтоны на реке осмотрел?

— Вчера сам ездил... Выдержал! Все осмотрел! Числом маловато, вот беда! Ну, господь милостив. Авось спустим наряд.

— Авось — авось!.. Все на авось! — проворчал Нелидов. — В прошлый раз затопили два понтона с гаубицами. Вот те и авось! Ужо после обеда зайди — рапорт обо всем сделаешь.

Он отвернулся от Ивана Захарыча и пошел к дому. С обнаженной головой остался стоять Иван Захарыч, а на лысине его уже блестели первые лучи солнца, да легкий ветерок заигрывал с редкими прядями его волос.

Когда Нелидов завернул за ба-раки, он вдруг выпрямился, надел шапку, зло посмотрел вслед хозяину и пробормотал:

— Ишь... дьявол старый! Бытто генерал какой!.. Хам!.. Мужик!.. По-годи, попляшешь ты у меня!

С лопатами, с кирками в руках лениво проходила мимо вестройная толпа рабочих... В шахты шли.

Иван Захарыч ехидно ухмыльнулся, осторожно вытащил из-за голенища ременную нагайку и со всей силы огрел рабочего, проходившего мимо. Тот даже подскочил от испуга, а Иван Захарыч залился дребезжащим смехом... Душу отвел!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НЕЛИДОВ шел медленно к своему дому. Видно, крепко был сколочен, да неказист на вид одноэтажный каменный дом с подвалом. Маленькие слепые окна были заделаны толстыми железными прутьями. На острог он походил.

За домом возвышалась высокая толстая башня, почерневшая от копоти. Основание ее омывала бурливая Гремучка. Она неслась через весь город, брызгалась пеной и рокотала свою неумолчную песню свободы... Нужна она была заводу, — мастерские двигала она, а терпеть ее не мог Нелидов, — не покорилась ему эта Гремучка! Из-за ее буйных капризов нередко останавливалась работа. Весной и вообще после дождей рвала она плотины, уносила мосты, обрывала

Иван Захарыч со всей силы огрел рабочего, проходившего мимо, и залился дребезжащим смехом...

берега. Только с черной башней справиться не могла. Влезла в Гремучку черная башня своим толстым каменным пузом и стала на многие годы неподвижной каменной глыбой.

... Навстречу Нелидову торопливо шел его сын — Семен. Явно трусил, потому — провинился, — проспал. Издали шапку снял. Под благословенье подошел. Наскоро перекрестил его Нелидов и сунул ему руку для поцелуя.

— Здравствуй, батюшка! Как почивать изволил? — заговорил Семен, целуя жесткую отцовскую руку.

— Реестр готов? — спросил тот, не отвечая на вопрос.

— Готов, осударь батюшка! Готов! Только перебелить надо... К обеду управлюсь! Вчера с Захарычем, почитай, за полночь сидели, реестр готовили. Вот и заспался.

— Спишь много! — проворчал отец. — С бабой своей дела забываешь! Угрелся около бабы! Дела спешные, горячка... мог бы сегодня и не спать вовсе! Отправка сегодня, а ты — словно кот на печи — дрыхнешь.

Семен не отвечал отцу. Он знал, что отец возражений не любит, а сейчас он, видать, и не гневается, а так «бурчит»... «учит», — «уму разуму учит».

— Царь Петр мне персонально и многократно сказывал: «Ночей не спи! Не ешь! Не пей!.. Потому — время не терпит, время горячее! А промедление смерти подобно». — Спать

много будешь,—так и дело проспешь... Я, вон, уж стар становлюсь... Скоро к тебе все дело перейдет! Ведь эдакую махину—и Нелидов гордым, широким движением руки обмахнул все строения своего городка, — держать надо во как!—и старик сжал свой могучий кулак.

Увидя кулак, Семен бессознательно отклонился в сторону. Отец заметил движение сына и усмехнулся. Даже в хорошее расположение пришел, но сейчас же нахмурился, — он твердо знал, что с людьми надо быть суровым... «страха ради».

— Только мною одним все и держится!—продолжал он.—Все сам!.. Все один!.. А ты спишь!

Он помолчал.

— Ведь здесь лесная чаща была непролазная! Волки да медведи бродили. А теперь?.. Смотри! Жизнь, как река, бурлит! Железо веками, почитай—с сотворения мира, в горах спало... а теперь! слышь?.. слышь?.. и гремит!.. и воет, и стонет!.. Глянь—рекой огневой течет! В нитку тянется! В кольцо вьется!.. Слышь, как молоты наши гудут? Слышь?..

Семен кивал головой, повторял:

— «Слышу, батюшка! Слышу».

— Как пилы криком кричат? А? Нутро железу рвут! Стон стоит вокруг да около! А раньше што?.. Токмо волки выли!..—Он помолчал.—Зверем, вишь, меня зовут... Кровопийцем...—заговорил он, понизив голос.—Да, ведь, и царя также чествят!.. Дурраки!—вдруг резко выкрикнул он.—Дурраки!.. Ничего не понимают!.. Разве с ними иначе возможно?.. Разве без кулака они работать будут? А надо, надо!.. Долго спала матушка-Русь! Пора ей других нагонять!.. Вскачь надо... догонять! Промедление смерти подобно! Золотые это слова!.. На носу их заруби!.. На дыбы надо ее поднять, Русь нашу, да шелепугой, шелепугой ее... по заду!.. по ребрам!

Семен стал боязливо поглядывать на отца и чуть отодвинулся.— Ты пойми, Сенька!—опять заговорил старик страстным шопотом.—Есть, брат, сила неведомая, что и царя, словно река, несет!.. Несет, брат, сила непо-

нятная, великая! Она его несет, а он—на с!.. тащит, а мы—и х.—И Нелидов махнул рукой на толпу рабочих.—Что это за сила, думал я думал, так придумать и не мог... Одно я уразумел, что и Пётр-царь—раб, и я—раб, и они—рабы! Взяла нас эта сила за горло и тащит. А куды тащит?.. Кажись, к хорошему... на широкий простор тащит... к морю свободному... к жизни вольной и светлой!—Он помолчал.—Будет время... уразумеют и они, — он опять махнул рукой на рабочих,—уразумеют—и сами пойдут... без плеток пойдут... без цепей железных! А покедова они не уразумеют — много еще воды утечет... и будет их силою тянуть тот, кто ведает, куда итти и что делать надлежит!

Он опять помолчал. Потом искоса взглянул на сына.

— Меня вон «убийцей» прославили, «вором» чествят... — Он еще понизил голос и оглянулся.—Может я и фальшивые деньги делаю... А для ча? Все для дела... Что? мне казна деньги дает на машины, да на работу? Кто мне помогает? С меня требуют, а что дают? Что, я для себя деньги собираю?.. Сам знашь мою жисть: щи да кашу ем!.. по ночам, как пес на цепи, не сплю! В 60 лет покою не знаю ни днем, ни ночью. В зипуне хожу, да в штанах посконных... Что, мне ихнее дворянство нужно? Тьфу! на дворянство энтю! Выдали мне, вишь, патент в Санктпетербурхе на свиной шкуре и с гербом, в книги записали... А мне все это... тьфу! и ногой растереть! Я брат, Семен, — мужик, кузнец тульский, а цены мне побольше чем дворянам энтим... Потому—я жисть разумею... И Петра-царя наскрозь вижу! Он мне что сказал? — «себя, Петрович, не забывай, а наипаче Рассею помни! Будь, грит, рабом верным, коему господь талан дал, а раб верный два нажил. Так и ты наживай, один себе, грит, бери,—а другой — государству отдай». А я?.. я, почитай, Рассею оба отдаю!..—Он помолчал. Остановился. Глаза его сверкали.—Но уж кто мне на дороге станет—горло перерву! Кишки с живого вымотаю!.. Разумеешь?..

— Разумею, батюшка... преемственно разумею,—лепетал Семен.

— Если ты, Семен, как я умру, камзол бархатный оденешь, да на башку парик пудренный взденешь, так я... с того света приду, все с тебя сдерну! Слышь?..

— Слышу, батюшка... Не одену... Все в ефтих штанах ходить буду!— бормотал сын, не смея взглянуть в пылающее лицо отца.

— Ступай реестр перебели!—вдруг сказал Нелидов, и Семен, не скрывая радости, облегченно вздохнул и опрометью кинулся от отца.

... Нелидов постоял, посмотрел ему след и покрутил головой. Не доволен был сыном, — весь в мать вышел, в первую жену... Всю жизнь напуганная какая-то жила!

— ... В мастерских стоял грохот. Жизнь кипела и бурлила. Нелидов бросил жадный взгляд на сверкающую струю чугуна, который широким потоком с глухим урчаньем лился в формы. В шлифовальной мастерской любовно поласкал рукой полированную, блестящую как зеркало, сталь. Пронзительный визг пилы, резавшей полосу железа, ему был дороже всякой музыки. Слушал радостно... Даже голову наклонил. В кузнице не смог удержаться, засучил рукава, взял молот и стал бить по раскаленному железу, разбрасывая вокруг снопы блестящих искр. «Лучше петергофских потешных огней!» — сказал он сам себе. Нелидов страстно любил железо, любил его во всех видах, — и в ржавых коричневых кусках бесформенной руды, и в сверкающем клинке стального палаша. Он наслаждался работой, на глазах творившей чудеса. Из растерзанных недр земли рука человека выдирала глыбы мертвой, ржавой руды и превращала грубую, безжизненную материю в нечто живое, разумное, покорно служившее для достижения тех целей, к которым вела человека другая, страшная власть, ему неведомая, но всемогущая, покоряющая царей и дарства.

— Смотрел Нелидов на свои гаубицы, палаши и пищали, на кучи свернутых цепей, и думал о том, сколько человеческих жизней связала

судьба этим железом, покорно лежавшим у его ног. Он толкнул сапогом кучу цепей, свергавших на солнце, и цепи отозвались таинственным ворчанием. Нелидов усмехнулся...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОН ПОДХОДИЛ к дому. На этот раз косматый Полкан смело полез к нему ласкаться. Теперь пес чувствовал, что хозяин в хорошем расположении духа. Нелидов потрепал его шершавую голову и направился к крыльцу. И вдруг обернулся. Он услышал топот быстро скачущей лошади.

Во двор карьером влетел казак. Завидев хозяина, он резко затянул поводья и сразу осадил разгоряченного коня.

— Ну? Что приключилось? Чего зря коня гоняешь? — спросил Нелидов, пристально всматриваясь в лицо всадника.

— Урядник... прислал... — прерывистым голосом отвечал тот, быстро спрыгивая с седла.

— Зачем?

— Гонит кто-то!.. По дороге. Караульные с горы усмотрели... не наш!.. чужой какой то!.. Торошко гонит.

— Один?—спросил Нелидов.

— Один! Верховой... Больно торопко гонит!.. Скоро будет... Урядник наказал тебе сказать... по твоему приказу..

— Ну ладно!.. Спасибо, что поспе! Иди в горницу! Скажи, чтобы чарку водки тебе дали. Скажи, хозяин, мол, приказал.

Молодой уральский казак поклонился Нелидову, привязал лошадь к столбу и быстро пошел в дом.

Нелидов поднялся на крыльцо и стал напряженно смотреть на дорогу. Она извивалась по берегу реки и пропадала в чаще леса.

— Кого еще там несет,—недовольно бурчал он.— Вон!.. едет!..—сказал он вполголоса.

Из-за леса кто-то выехал на дорогу. Ехал крупной рысью. Нелидов ждал и смотрел.

— Что за оказия?! Никак Павлушка Онуфриев?!—проговорил он, наконец когда всадник застучал по мосту.— Он и есть!.. Значит, от светлейшего!

Это, действительно, был Павел Семенович Онуфриев, любимый денщик кн. Меньшикова, которому князь доверял вполне и всегда поручал важные и деликатные дела. Нелидов знал его по Петербургу. Онуфриев въехал в ворота и, увидев Нелидова, приветливо помахал ему рукой, как хорошему приятелю.

— Ванька, — крикнул Нелидов и быстро пошел навстречу гостю.

Подбежал босой Ванька и принял поводья, а Нелидов заключил приезжего в свои широкие объятия и стал с ним целоваться навкрест.

— Какими судьбами?.. Друг милый! Приключилось что?

Онуфриев опустил глаза и пробормотал:

— Здравствуй, Петрович!.. Здравствуй!.. Приключилось и есть! По секретному приказу светлейшего, как полоумный к тебе гнал... Чуть коня не заморил.

— Ну, что еще такое? Сказывай... Не томи...

— Стой... дай дух перевести... Сегодня, почитай, с утренней зари гоню без отдыха, не ел даже... — Зато дошел... — И Онуфриев опустился на крыльцо.

Нелидов стоял около него и напряженно ждал.

— Со штафетой от светлейшего? — спросил он.

— Штафеты не дал... на словах приказал... тебе сказать... по секрету.

— Ну... говори!

Онуфриев оглянулся вокруг и, понизив голос, сказал:

— Не место здесь!.. Веди в горницу... Не ровен час... Да и умыться надо.

— Пойдем, пойдем... Кстати и обед на столе... Баньку стопим... И покушаешь, и попаришься, с дороги важно попариться... отдохнешь... — быстро заговорил Нелидов.

В сдержанном тоне Онуфриева он почувствовал что-то серьезное.

— Не до отдыха, Петрович. Сегодня же надо назад вертаться!.. Чтоб его не встретить...

— Кого его? — понизив голос, проговорил Нелидов.

— Молчи!.. Потом!..

Они поднялись на крыльцо, вопли в дом. И сейчас же из-за угла ближайшего барака выглянула лисья физиономия Ивана Захарыча. Осмотревшись вокруг, он вышел из своей засады и быстро подошел к Ваньке, который водил коня по двору.

— Води хорошенько, пострел! — сказал он Ваньке. — Смотри, воды не давай!.. Вишь, конь-то весь в мыле... Запалишь!

Ванька мотнул головой и ни слова не сказал. Иван Захарович пошел с ним рядом.

— Кто приехал? Ась?

— А мне ни к чему, — отвечал Ванька, — охвирер какой-то...

— Не сказывал, когда назад поедет? — спросил Иван Захарович.

— Не сказывал.

В это время с крыльца сбежал молодой казак и стал отвязывать свою лошадь. Быстро вскочил он в седло. Иван Захарович немедленно устремился к нему.

— Ты куды, Тимоха? Ты здесь почто?

— Урядник пригнал к хозяину...

— А почто пригнал?

— Да, вишь, кто-то по дороге сюды гнал, так урядник вперед его к хозяину меня погнал.

— А кто, не ведаешь?

— Охвирер какой-то... Эх! и животик же у ево важнецкий! — сказал казак, любовно поглядывая на коня, которого водил Ванька.

Нелидов и Онуфриев сидели вдвоем.

— А донос на тебя к его величеству прислан нижеследующий, — шопотом говорил Онуфриев Нелидову... бытто ты... первое — сам деньги чеканишь... с литерами царскими, а второе — бытто ты тайно от казны золото копаешь, а в казну не сдаешь. И окромя того, третье — беглых из Сибири у себя тайно на заводах укрываешь и раскольников такожде... И, бытто, четвертое — ты в застенках людей пытаешь без суда и смертью казнишь самовольно...

Тяжелым молотом били эти слова. Лицо Нелидова осунулось и посерело. Онуфриев замолчал.

— Все?—хриплым голосом спросил Нелидов.

— Все!—ответил тот, всматриваясь в лицо старика.

— Токмо к сему светлейший при-
совокупил, дабы ты концы хоронил...
Слова сии персонально светлейшего...
Пусть, грит, Петрович концы хо-
ронит.

Нелидов вдруг встал во весь рост
и, круто повернувшись к иконе, стал
быстро креститься.

— Видит бог и святая богоро-
дица... навет на меня!.. Навет злоухи-
щренный... Чист пред господом и
дарем!—Ах! изверги!.. какой поклеп
взвели... Ах, они! Видит бог!..

Онуфриев пожал плечами.

— Мне кресты твои ни к чему,
Петрович!—проговорил он.—Что при-
казано тебе сказать, то мною ска-
зано, а все прочее до меня не ка-
само.

— А царь что? Ужли поверил на-
вету?.. верит?.. Сказывай! — быстро
заговорил Нелидов.

— Распалился гневом до ужаси!..
Не первый донос на тебя, Петрович!
Повелел лишь секретное следствие
учинить и полковника Филатова, Льва
Степановича, экстренно нарядил.
Спешно едет! Насилу его обогнал!
Завтра, должно, сюда будет! светлей-
ший потому меня и погнал к тебе,
чтобы раньше его доспеть к тебе!
Рад не рад, а жди гостей незванных.

— Ай, спасибо светлейшему. Вот
уж спасибо!.. — заговорил Нелидов,—
отслужу!.. Видит бог, отслужу.

— Ты и меня не забудь! Смотри!—
сказал развязно Онуфриев.—У меня,
вон, жена на сносях, родить должна,—
а я, сломя голову, к тебе...

— Ладно! Не учи!.. Не маленький
я!.. Не обижу! Порядки знаю, — отве-
тил Нелидов.—А что, энтот Филатов?
Какой?—вдруг спросил он.

Онуфриев засмеялся. Ему, как буд-
то, правилось, что с ам Нелидов, «царь
уральский», любимец царя, словно
терялся в его присутствии...

Нелидов нахмурился.

— Чего зубы-то скалишь? Не до
смеха! Каков, сказывай, Филатов ваш?
Не ведаю я его.

— Сказывают — собака! Одначе я
покедова в его зубах не бывал, а по-
сему и не ведаю, каковы зубы.

— Собака... это еще ничего,—раз-
думчиво сказал Нелидов.—Вот, коли
волк—энтот хуже.

Нелидов замолчал... Он словно за-
был, что перед ним сидит молодой
офицер. По лицу старика было видно,
что его мозг работает усиленно.

Вдруг за дверью раздался не-
ясный шорох, потом осторожно по-
стучали. Нелидов быстро подошел к
двери и резко рванул ручку. На по-
роге стоял Иван Захарыч.

— С докладом к тебе, сударь, по
приказу твоему,—пролепетал он, от-
ступая, однако, в глубь коридора.

Увидев лицо хозяина, он померт-
вел от страха. Нелидов сделал шаг
к нему и загремел:

— Ступай к чорту!! Вон!!—и захо-
пнул дверь так, что в горнице зазве-
нело какое-то стекло и тихо закача-
лась лампада перед иконой.

Онуфриев стоял бледный. У него
дрожала челюсть.

— Подслушивал? А?.. Он подслу-
шивал?..—заплетающимся языком за-
говорил он. От прежней развязно-
сти не осталось и следа.

— Не слышал... Тихо говорили!..—
сказал вполголоса Нелидов, однако,
тревожно озираясь.—Дверь заперта
была.

— То-то заперта!..—бормотал Ону-
фриев.—С тобой тут... сам на дыбу
попадешь! Спаси господи и поми-
луй!—и он дрожащей рукой перекре-
стился, глядя на икону. Лампада все
еще тихо качалась.

— Сегодня же отправлю сына Се-
мена к светлейшему в Санктпетер-
бурх... всем услужу... всем, и тебе...
всем,—говорил шопотом Нелидов.—
Ну и люди! Змеи!.. Гады ядовитые!..—
бормотал он.—Ночей не спишь... себя
морить... людей мучить... и вот!

— Я, брат Петрович, сегодня же
назад... Дай ты мне вожатого, чтоб
другим путем ехать... хоть горами,
хоть рекой... только, чтоб Филатова
не встретить,—говорил Онуфриев.

Через час Онуфриев выезжал в со-
провождении казака. Нелидов прово-
жал его до ворот и долго стоял и

смотрел ему вслед, пока он с казаком не скрылся в лесной чаще.

Мрачнее тучи шел Нелидов к дому. Иван Захарыч попался ему навстречу и искоса заглянул ему в лицо. Старик прошел мимо, даже не заметив его. Иван Захарыч с ехидной улыбкой подмигнул ему вслед. — Заело! — шепнул он.

Нелидов тяжело опустился на скамью и задумался. Он словно сразу постарел. В комнату вошел сын его Семен с какими-то бумагами, протянул их отцу и хотел что-то сказать.

— Сегодня ты в Санктпетербурх едешь! Сбирайся! — отрывисто сказал Нелидов, не глядя на него.

Семен обомлел. Он стоял, выпучив глаза.

— Я?!.. в Санктпетербурх?!.. наконец пролепетал он.

— К светлейшему князю Меншикову свезешь подарок... Укладывайся, сегодня и поедешь. — Нелидов указал сыну на дверь.

Семен, пошатываясь, вышел из двери, тихо закрыл ее за собой, постоял в коридоре у дверей... взялся было за ручку, потом прислушался и, махнув рукой, кинулся бежать по корри-дору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НЕЛИДОВ шел по темному корри-дору, остановился у маленькой железной двери, открыл ее огромным резным ключем, согнувшись, пролез в темную дыру и захлопнул дверь... Ключ опять заскрипел.

Потом он высек огонь, зажег толстую восковую свечу и осветил своды какого-то хода, осветил лестницу, спускающуюся куда то вниз. Осторожно спустился по склизким ступеням, открыл еще одну железную дверь и очутился в сыром подвале с низкими сводами. На полу лежали мешки. Много мешков. Вдоль стены стояли огромные сундуки, окованные железом.

Он подошел к одному мешку, засунул руку и вытащил горсть новых серебряных «крестовиков». Свет заиграл на их чистом серебре. Нелидов посмотрел на рублевники, потряс их на ладони и высыпал их опять в мешок.

Серебро зашуршало в мешке, заговорило...

Он открыл большой сундук, наклонил свечу, и свет озарил груды самоцветных уральских камней. Они не были отшлифованы, но все же разноцветными искрами дикие аметисты, изумруды замерцали во тьме. Нелидов внимательно перерыл их и, отобрав десятка три самых крупных и ярких, сложил их в мешок. Потом он открыл другой сундук, — там был ссыпан золотой песок, тут же лежали самородки разных размеров. Нелидов стал отбирать...

— В Санктпетербурх... — забормотал он. — Светлейшему, все светлейшему, а он пушай сам што кому... Ему виднее... Матушке—царице Катерине Алексеевне... осударю цесаревичу на зубок... князьям разным сиятельным... графьям... владыке митрополиту... милостивцам питерским... деньщикам, холоуям царским... псам дворовым, штоб не лаяли,—бормотал старик, и злая усмешка кривила его сухие губы.

... В это самое время в другом подземелье, под черной башней, упорно визжала пила и неумолчно гремела тяжелая кандалная цепь... Маленькое слепое окно под самым потолком слабо освещало это подземелье, освещало какую-то черную косматую фигуру, которая рвалась на цепи куда-то в темный угол и хриплым шопотом повторяла:

— Пили!.. Пили!.. Федька! Пили скорее!..

— Слышишь—пилю, — отвечал из темного угла чей то молодой голос.— Да, вишь, уморился.

— Кош уморился... бросай мне пилу то!.. Я попилю!..—хрипела черная фигура, гремя цепями.—Ну, кидай, что ли!

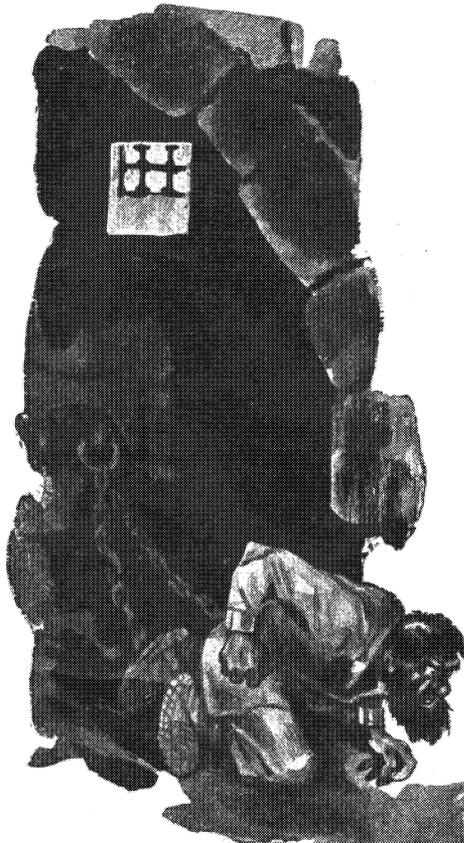
Но, в ответ, пила завизжала еще отчаяннее в темном углу.

— Вот, выберусь из этой ямы...—хрипел черный. — Будь я проклят, ежели Никитке башку не прошибу!.. Вот тогда, Федька, ты на хозяйке женишься, хозяином сам будешь, а меня приказчиком бери!.. Возьмешь, го дубь?..

рключеннй.

«Голубь» не отвечал... В темном углу визжала его пила и гремела цепь.

— Из-за бабы ты, Федька, к чорту в зубы попал... Дурак ты, Федька!.. Здря влип!.. У-у и подлые же энти бабы!.. Завсегда нашего брата круг пальца обведут! Вишь, овца — овдой, а у матерого волка зуб выдрала — ключ уперла!.. да сама еще пилу при-тащила!.. Эдакого чорта, как Никитка, не убоялась!.. Ну, и стервы бабы!

Черная косматая фигура рвалась на цепи и хриплым шопотом повторяла: — Пили!.. Пили!.. Федька! Пили скорее!..

А коли б не она, — давно мы б с голоду подошли... Ну, и баба!

Визг пилы вдруг прекратился...

— Ну, почто не пилишь?... Кидай ее ко мне!.. Чего ей зря на полу лежать?.. Ш-ш-ш... — вдруг зашипел он, — никак идут?!..

В подземелье вдруг наступила мертвая тишина.

Ключ заворчал в замке. Заскрипела на ржавых петлях дверь у самого потолка... Отворилась со стонами и рычанием, и дневной свет прорезал тьму подземелья. На пороге двери у самого потолка стоял сам Нелидов. Наклонившись, он пристально смотрел на заключенных.

Федор, бледный и худой, в разорванной рубахе, впился своими синими воспаленными глазами в острые немигающие глазки Нелидова...

— Антихристов слуга!.. Кровопийца!.. Будь ты проклят!! — вдруг захрипел черный, потрясая кулаками и кандалами.

Нелидов перевел на него свой жесткий взгляд и не сказал ни слова... Дверь опять застонала, опять зарычала, опять заворчал ключ в замке... и снова могильная тишина и мрак спустились в подземелье...

Прошла минута... другая... и опять раздалось хрипкое шипенье:

— Пили... Федька!.. пили, голубь!! — И опять завизжала пила.

... Нелидов вошел в другое подземелье, все под той же башней... Это был целый каземат из двух отделений... Тут было шумно, даже весело. Своды гремели от хохота и ругани.

Здесь кипела работа... Несколько каторжников, под руководством опытного мастера Сережки Рвача, фабриковали неледовские целковые... В одном помещении плавил серебро, олово, медь, в другом чеканили монету. Было душно, жарко, смрадно, но весело... Работники монетной мастерской были баловнями хозяина, всегда были сыты, под вечер всегда были пьяны, — только правом выхода не пользовались — на цепи сидели... Один Сережка мог выходить.

Нелидов вошел в тот момент, когда Сережка нес в кожаном переднике кучу свежеспеченных рублевиков. Они были еще горячие...

— Ай, что за работа! — стал сразу хвастаться Сережка, увидя хозяина. С ним Сережка держался развязно, на равной ноге... — Ну, и работа!.. Не в

пример чище царских сработаны!.. Глянь-ка, Никита Петрович, орлы-то? Что живые! Вот — вот улетят!.. Летите, голубчики, вольные пташки! — говорил Сережка, любуясь сверкающими монетами.

Однако Нелидов мрачно посмотрел на кучу серебра. Сережка это заметил... Нелидов взял одну монету, пристально посмотрел на нее... Достал из кисы настоящий петровский рубль и стал сравнивать обе монеты. Смотрел долго, взвешивал обе на руке, стучал ими о стол.

— Хороша работа, — сказал он медленно, — и вес тот же, только звону того нет!

— Металл не тот, — ну, и звон другой, — ответил Сережка, постукивая фальшивым рублем. — А орлы-то... Живые!..

— Золотые у тебя руки, Серега! — сказал задумчиво Нелидов. — И ребята у тебя молодцы! — сказал он так, чтобы слышали ближайшие рабочие. — Приходи сегодня за водкой.

Милостивые слова хозяина мгновенно облетели мастерскую, и она заревела от восторга...

В подземелье — монетной мастерской — было шумно, даже весело. Работники сидели на цепи, но были баловнями хозяина... Сережка показал Нелидову свежеспеченные рублевики...

Нелидов криво усмехнулся и почему то посмотрел на маленькие окна каземата, которые были почти на уровне потока, огибавшего фундамент башни... Под потолком зияла еще какая-то дыра, и на нее тоже посмотрел Нелидов... Серега внимательно следил за взорами хозяина и тоже посмотрел на дыру... Под самым потолком была железная дверь... От нее не было лестницы вниз. Она, словно, висела в воздухе...

— Хороша твоя работа, Серега...—вполголоса заговорил Нелидов, перебирая целковики...—Только...

Серега пытливо всматривался в лицо хозяина и ждал.

— Только...—тянул Нелидов,—твой завод на время прикрыть придется.

— Что так?—спросил Серега с некоторой тревогой.

— В Питере проникли, — уронил Нелидов, почти не разжимая губ.

— Ишь... сволочи!.. — проскрипел сквозь зубы Серега. — Не иначе, как кто донес!

— Донос и есть, отвечал Нелидов. — Катит кто-то из Питера... Слушай, Серега,—вдруг заговорил он, наклонившись к мастеру,—сегодня ночью прикрыть надо...

Серега помолчал, посмотрел на рабочих, которые радостно галдели в ожидании выпивки. Под низкими

сводами грохотали их таежные тяжелые остроты и матерная радостная ругань. Они тоже хозяина не боялись.

— Ну, что ж! — сказал Серега.—Тебе виднее, когда. Сегодня, так сегодня!

— Ты возьми себе за работу, сколько унесешь,—сказал Нелидов,—и чтоб к утру твоего духу здесь не было!

— Можно... что ж... в лесу места хватит!

— А через неделю — другую наведайся... А се-

водня, как стемнеет, на плотину выходи...

Сергея кивнул головой, и Нелидов вышел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РАСТЕРЯННЫЙ, бледный, сидел Семен, одетый по дорожному, в крепком новом возке. На облучке, рядом с возницей, примостился вооруженный казак. Около возка верхом на конях ожидали отъезда еще два конвойных казака. За Семена цеплялась его молодая жена, — она заливалась слезами и причитывала. Увидя подходящего свекра, она сразу замолкла и отскочила от мужа в сторону.

Семен хотел вылезть из возка, но Нелидов удержал его. Он подошел вплотную к сыну, трижды поцеловался с ним и, быстро крестя его наклоненную голову, говорил ему...

— Все отдай светлейшему... Он сам знает, что кому... Зря не болтай!.. Говори: «Ведать не ведаю». Слышь?

— Слышу... так и скажу!—шептал сын.

— На пути не задерживайся... Дело важное...

Сын кивнул головой.

— В Питере подожди, покедова светлейший сам тебе не скажет ехать...

Сын еще раз кивнул.

— Ну, с богом!— Нелидов махнул рукой. Возница подобрал вожжи, поднял кнут. Жена Семена опять ринулась к мужу и на секунду замерла в его объятиях. Нелидов отвернулся. Возок тронулся...

Нелидов подошел к уряднику Перначу, стоявшему здесь же, в стороне, и деловито заговорил с ним.

— Сидорыч... Сегодня к вечеру всех, кои беглые... Разумеешь?—спросил он, пристально глядя на урядника.

— Разумею!— отвечал тот, слегка ухмыляясь.

— Кои беглые... уведи с завода всех начисто под стражей... в шахте их скорони... А кто здесь старой веры, — всех с баами и ребятами в горы угони... Там пещерки есть... Туды их... и постереги их... Чтоб сидели плотно.

— Ладно... все сполню... Будь покоен...—ответил урядник.

— Чтоб на заводе только мужики оставались, да вольные, у кого бумаги есть... Понял?

— Все облажу,—ответил урядник.

Нелидов быстро отвернулся и посмотрел вслед возку, который быстро катился по дороге вниз, подымая за собой облако пыли.

Старик перекрестился широким крестом и пошел к «арсеналу».

Арсенал этот представлял ряд огромных барачков, которые были, как и все здания заводского городка, сколочены из стволов столетних кедров. Здесь, у этих барачков, кипела работа: из одних выносили пушки, из других—ядра, цепи якорные и кандалные. Все это складывалось кучами у каждого барака.

Бесчисленные подводки стояли в ожидании погрузки... Тощие деревенские лошади, понурив косматые головы, согнув колени, медленно пережевывали сено.

Конторщик Иван Захарыч суетливо перебегал от барака к барачку с рестрами, пересчитывая мортиры, гаубицы, фузейные стволы...

Нелидов подошел к пушкам и стал их внимательно выстукивать. Засучив рукава, он засовывал руку в зияющие дула... Несколько забраковал. Их оттащили в сторону. Началась погрузка. Телеги скрипели и охали, когда на них взваливали дула чугунных орудий.

— Осмотрел подводки?—спросил Нелидов Ивана Захарыча.— Выдержат?

— Все осмотрел,—отвечал тот поспешно.—Надо полагать... выдержат... До барок доставим... Вот лошадаенки плохи, Никита Петрович!—озабоченно проговорил он.

Нелидов подошел к складу стальных клинков. Взял один,дохнул на полированную сталь и внимательно следил, как пролеплялся затуманенный клинок. Потом тряпкой обернул клинок у ручки, подошел к молодой рябине, которая росла около барака и, размахнувшись, нанес удар по дереву клинком... Сталь глубоко впиалась в молодой ствол, и верхушка дерева

стала медленно склоняться и пала к ногам хозяина. Он выдернул клинок и стал рассматривать лезвие... Зазубрин не было. Хмурое лицо его просветлело, он ласково похлопал по плечу мастера и сказал:

— Молодец!.. Хороша закалка!.. Не пострамишь Нелидова!.. Туляк?—спросил он.

— Туляк, — отвечал радостно мастер.

— Сразу видать!.. Я сам, брат, туляк, земляк твой—знаю тульскую работу. Спасибо!—и старик поцеловал растерявшегося мастера.—Осударево дело!.. Все для России — матушки! — бросил Нелидов свою любимую фразу, хорошо всем известную... И Семену сыну, который катил сейчас в Санкт-Петербург бледный, растерянный, и Ивану Захарычу, который суетился около барачков со своими реестрами, и всем мастерам, и каторжникам в цепях, и безответственным мужикам, которых сотнями на веревке приводили в завод по приказу цареву «ладить великое Осударево дело». К этой навязчивой фразе привыкли все — даже заводские лошаденки, которые, обычно, отмахивались от нее своими облезлыми хвостами...

В горнице, у тяжелого дубового стола, на скамье сидел Нелидов, а перед ним стоял, согнувшись, Иван Захарыч и кончал свой ежедневный рапорт.

— За сутки сбежало шестеро, — говорил он, искоса поглядывая на хозяина, — да семеро померли...

— Что они, как мухи дохнут? — мрачно спросил Нелидов.

— Не стоят!.. Известно, — народ хлипкий!.. Баловный народ!.. Болеют!— Во и в дальнем бараке, в Ивановском... все, почитай, слегли... болесть какая то... Не стоят что-й-то. К заводскому делу деревенские непривычны!..—говорил он.

— Сеньке плетей дал? — спросил Нелидов.

— Как же, дал... Сам отсчитал! Только парень ненадежный, — повизив голос, заговорил конторщик, — не смиряется, грозится!..

— В колодки его, — уронил Нелидов.

— Слушаю... слушаю! — заговорил Иван Захарыч. — Вот тоже баба Терентыха... выпорол я ее за богохульные слова против твоей милости...

— Какая Терентыха? — рассеянно спросил Нелидов.

— Куркина вдова... Куркина... мужа ейного в шахте бадьей пришибло, она с ребятами осталась... я ее с завода гнать стал, а она, дура, ревмя-ревет... итти не хочет и тебя поносными словами при всех...

— При всех?... — переспросил Нелидов.

— При всех, как есть при всех. Такая баба злобственная... неустрашимая баба!

— Посади ее в Орловскую шахту. Да еще сгони туда всех, у кого язык длинный... Разумеешь?

— Разумею... Чего тут!

Наступило молчание. Доклад был кончен, но Иван Захарыч мялся и не уходил... Нелидов поднял на него глаза.

— А дозвошь спросить, осударь, Никита Петрович, почему такому ты приказ Перначу дал сибирских и кто старой веры с завода согнать?... Рабочих преуменьшится... Замедление будет.

— Кто тебе сказывал, что я их согнать велел? — быстро прервал его Нелидов.

— Сам слышал... Около стоял, — быстро ответил Иван Захарыч.

Нелидов посмотрел на него. Помолчал, потом заговорил:

— Велел схоронить, потому ревизор едет...

— Ревизор?! — вскрикнул Иван Захарыч. — Пресвятая богородица! Никола милостивый! К чему это?..

— Донос был! — неохотно ответил Нелидов, мельком взглядывая в Ивана Захарыча... — Ты смотри, что б книги в порядке были... Может, завтра и прикатит.

— Завтра?... С нами крестная сила!.. Господи!.. — ужасался Иван Захарыч. Помолчал. Потом заговорил:

— Что касаемо книг, то будь спокоен, Никита Петрович... все в порядке. За многие годы вся работа как на ладошке... Увидит г. ревизор, как мы правим дело Осударево — вырази-

тельно подчеркнул он последние два слова, не спуская глаз с Нелидова.— Насчет книг покоен будь... А вот...— и он вдруг оборвал свою речь.

— Ну?—бросил Нелидов.

— Батюшка-осударь! Милостивец! Знаешь сам, как я тебе предан! Что пес предан... так вот чего боязно...— и опять запнулся, замолчал.

— Не мямли, говори!

— По-моему зря ты беспокоишься о беглых там да старовегах, да о бабах глупых... Не станет г. ревизор на эдакую дрянь и время тратить... Я так мекаю, осударь, что дело тут не в бабах..—И опять замолчал.

— Говори, что ведаешь, — сказал Нелидов.

— Конечно, милостивец, человек я маленький... ничтожный... иначе душонку свою за тя положить готов!... Потому ноет мое сердечушко...

— Что кружева плетешь? Говори!—повысив голос, сказал Нелидов и положил сжатый кулак на стол.

— Так думаю... не в башне ли дело!...—прошептал Иван Захарыч, впиваясь глазами в лицо хозяина.

Нелидов чуть вздрогнул, но сразу овладел собою и равнодушно уронил:

— А что ж тут башня? Чем она кому мешает?

Иван Захарыч усмехнулся, и Нелидов это заметил, но виду не показал.

— Не башня, милостивец... не башня! А что в башне?... протянул он, подвигаясь к Нелидову.

— А что в башне?—деланно-равнодушно спросил Нелидов, но голос его сорвался и странно зазвенел.

— Испугался старый дьявол! — мелькнуло в голове Ивана Захарыча. Он набрался духу:

— Сказывают, бытто... в башне рубли чеканят!..—почти вскрикнул Иван Захарыч и вдруг чуть не умер от страха. Остолбенел...

Нелидов быстро встал.

— Кто рассказывает?—крикнул он.— Говори! Укажи, кто? Баба Терентыха? Жена твоя? Ворона на хвосте принесла?.. Эко что выдумал! Ну, кто тебе рассказывал? Ну!

— Ребята рассказывали...—запинаясь, лепетал растерявшийся Иван Захарыч.

— Вобщем... молва такая идет... Врут, конечно... А все нехорошо, коли кто ревизору сболтнет.

Иван Захарыч уже нащупывал под ногами почву.

— Мало ли что люди плетут,—сказал Нелидов, пытаясь равнодушием тона скрыть тревогу.

— Верно, батюшка Никита Петрович! Верно,—затараторил Иван Захарыч.—Плетут!... Ой, как плетут!... А сплетут и обесславят... честного человека под кнут подводят.. Есть такие ехидны, прости, господи!.. Был человек в почете... во славе... в богатстве... И вдруг по пустошному слову злему... всего лишается! Поздри, батюшка, вырвут... клейма, батюшка, поставят, да в Сибирь, в рудники... на цепочку, нашего же изделия... нелидовско го!.. Хи... хи... хи!..—Иван Захарыч вдохновился и сам наслаждался.

Нелидов не смотрел на Ивана Захарыча. Он сидел неподвижно и только левая рука его, лежавшая на столе, барабанила и притом слишком громко. Наконец, он решил, что Иван Захарыч уже высказался достаточно ясно, и вдруг повернул к нему свое лицо.

Иван Захарыч даже поперхнулся от неожиданности и сразу замолчал. Лицо Нелидова было озарено улыбкой. И лукавство было в этой улыбке, и добродушие какое-то. Никогда Иван Захарыч не видал такой улыбки на лице своего сурового хозяина. Не верил своим глазам. Растерялся вовсе.

— Улыбается, чорт!—мелькнуло у него в голове.—С чего бы?

Нелидов встал, подошел к нему, положил обе руки на его плечи. Тяжело положил, словно хотел в землю Захарыча вовсе втиснуть... Но не втиснул, а заговорил совсем спокойно, даже весело.

— Ну, и шутник же ты, Захарыч!.. Разбогатею—шутом тебя в дом возьму! Пойдешь?

— Пойду, милостивец! Как не пойти?—отвечал Иван Захарыч, все еще чувствуя на плечах давящие Нелидовские руки.

— Одначе, — продолжал Нелидов, уже переходя в серьезный тон,—речь твоя мне не по нутру!... Не хочу я, чтоб такие речи пустошные до г. реви-

зора дошли! Конечно, вздор это все... Одначе, грязь и к чистому липнет... Потом долго отмывать приходится! Припрячь-ка ты тех, у кого язык долгий, особливо тех, кто тебе все это сказывал... Кто подешевле,— того припрячь. А кто подороже,— тому серебром глотку заткни! Уразумел?

— Уразумел!—ответил Иван Захарыч, насилу выговорив это слово от волнения.

Нелидов помолчал. Снял руки с плеч Ивана Захарыча и сказал раздельно, подчеркивая каждое слово:

— Нутка, смекни... сколько тебе на этот расход потребуется?

— Цел...ко...вых... согню, — задыхаясь сказал Иван Захарыч. У него спирало дух.

— Сотню? — протянул Нелидов,— что больно дешево?... Накинь еще... Вернее будет... Крепче...

— Ну, если... твоя... милость... набрось еще... хоть четвертную...

— Полторы вечером получишь!— уронил Нелидов.

...Из хозяйской горницы Иван Захарыч летел, не чуя под собою ног. И крестился, и задыхался, и шептал: «Слава те господи! Слава тебе!.. Мать пресвятая богородица!... Милостивец Никола!... Попался в капкан старый волк! Теперь я его сгною!... Сам на его место сяду!... Ей-богу сяду! Все расскажу ревизору! Видит бог и святая троица».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

С ГОР спускался тихий вечер. Вершины еще горели в лучах заходящего солнца, а долина уже окуталась мягкой серой мглой. Сплошной шум дневной суеты утих, сменился одиночными, разрозненными звуками. Кто-то крикнул,—и крик отозвался в горах. Залаяла собака... С другого конца городка ей в ответ затыкала другая. И опять все смолкло. Одна Гремучка неумолчно рокотала свою песню.

... В монетной мастерской замолкли пьяные крики. Таинственные обитатели темной башни задремали в тяжелом, угарномзабытьи...Грезили.. Кто о темных тайнах суровой тайги... Кто о далеких равнинах России, где ходят

волны по золотому морю спелой ржи, синеют васильки и в безоблачной выси неба звенят жаворонки.

... А в каземате, где сидел Федор, все еще визжала пила... Визжала хрипло.. словно плакала.. злости в ней не было... Иступилась! Федор освободил правую руку и смотрел на нее, гладил ее, свободную. Теперь пилил черный, пилил, матерно ругая тупую пилу, ругая Нелидова... Теперь Федор говорил ему:

— Пили, дядька, шибче, да мне кидай!

... Окутанный тьмой, Нелидов подошел к башне, остановился на плотине и огляделся... Из черных кустов выделилась фигура... Это был Серега Рвач.

— Спят?—спросил Нелидов.

— Перепились... спят, ангельским сном спят!—ответил шопотом Серега и, вдруг, наклонившись к самому уху хозяина, заговорил:

— За тобой следят... Я видел, кто-то следом шел!—И, быстро схватив старика за рукав, Сережка дернул его и зашептал:

— Смотри влево! Вон дерево...

Нелидов рванулся влево.

— Стой... Не горячись!.. Слугнешь!.. Поймаем! Ты стой на месте!

И Сережка бесшумно скользнул опять в кусты. Нелидов стоял неподвижно. Сердце колотилось. Кровь била в виски...

Мгновение... другое... Вдруг... полузаглушенный крик-визг... и Сережка выделился из сумрака...

Он волочил что-то темное, неподвижное.

— Получай, хозяин!—сказал он, показывая на добычу, лежащую на земле.

Нелидов быстро нагнулся, стал всматриваться...

— Никак Ива...?! — полувопросительно заговорил он.

— Захарыч и есть!—отвечал Серега, всмотревшись в неподвижное тело.

— Жив?—спросил Нелидов.

— Кто его знает!.. Кулаком я его хватил... в висок угодил! — отвечал Серега.—Ну, куды его таперя? Добить, что ли, для верности?

— В Гремучку!

Темным мешком полетело что-то в реку. Раздался треск... Иван Захарыч ударился головой и, колотясь о камни, кувыркаясь в пене, понесся вниз по течению своенравной веселой Гремучки.

— Упокой, господи, душу раба твоего Иоанна!— со смехом проговорил Сережка. — Зловредный был старичишка!... Все около башни шлялся... Все принюхивался... Должно он и донос настроил...

Стояли оба и молчали... Во тьме не видно было лиц. Потом заговорил Нелидов спокойно, деловито.

— Застав этот спусти... Тот подыми, открой здесь ворота...

Серега молча делал все, что ему говорили.

... И вдруг бурный рокот речки утих... Река остановилась... Там; где только что клубилась пена, вдруг образовался темный пруд. Вода поднялась выше окошек подземных казематов, подошла к каким-то темным дверям, зиявшим в фундаменте башни, и вдруг широкой струей рванулась в подземелье, заливая монетную мастерскую, Федора и его товарища, а может быть и еще кого-нибудь... Кто это знал, кроме самого Нелидова?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

НА ДРУГОЙ день после обеда Нелидов встречал царского полковника Филатова, Льва Григорьича. Он приехал с двумя чиновниками, был важен и разговаривал сухо. Нелидов держался с ним также... Оба готовились к борьбе, следили зорко друг за другом, всматривались, словно силы противника мерили... Друг друга нащупывали...

Нелидов водил гостя по заводу, показывая строения, мастерские, повел и к арсеналу, где происходила спешная погрузка подвод.

— Изволь посмотреть, ваше высококородие, — говорил Нелидов, указывая на пушки, — приказал его величество императорское сто доставить, а я полтораста посылаю... Обрати внимание, какова нонче отливка... Не в пример лучше прежней!.. Не хуже свейских будут!.. А вот пищали... новым

манером налажены... И весом легче, и сталь лучше...

Полковник Филатов рассеянно слушал и вдруг прервал его деловитую речь.

— Прекрати ка ты работы, Никита Петрович, и рабочих сгони всех на площадь. Его императорское величество указал мне рабочих спросить. А покуда они собираются будут, я пойду с тобой шахты ревизовать.

Нелидов слегка кивнул головой, поманил урядника Пернача и вполголоса передал ему приказание. Урядник кивнул головой и побежал.

— Какую шахту прикажешь показывать, ваше высококородие?—сухо спросил Нелидов Филатова.

— Пойдем в ту, что дальше всех, — ответил тот.

Нелидов слегка усмехнулся.

— Верст пять будет, — сказал он. — Заморисься, может, — возок заложить?

Полковник помолчал.

— А ближе есть которая?

— А ближе — с полверсты.

Они вышли из городка и пошли по разъезженной, грязной, лесной дороге. Навстречу им все время шли рабочие. Иные обгоняли их. Медленно двигались телеги, груженные рудой.

— Какие они у тебя рваные! — сказал брезгливо полковник, мотнув головой на рабочих.

— Известно... не на куртаг собрались... К тому же одежда своя... не казенная... Мужик на работу плисовых штанов не оденет! — ответил сухо Нелидов.

— Ну, и дорога у тебя, — пробормотал полковник, проваливаясь одной ногой в жидкую грязь глубокой колеи.

— Когда меня сюда его величество с Тулы пригнал, так здесь никаких дорог не было. Чаща одна. А я бы и дороги справил, да когда с Питера приказ за приказом присылают, чтоб скорее пушки лить, да пищали готовить, так тут о дорогах вовсе забудешь...

— А это что у тебя? — ткнул пальцем полковник на длинные ряды новых крестов, теснящихся у подошвы горы.

Нелидов усмехнулся.

— Кладбище это... — неторопливо ответил он.

— Что крестов больно много?

— Сколько следоват. Нельзя меньше... у вас, военных, в общую яму валят, а у нас свой порядок: каждому—по кресту! Сколько покойников, столько и крестов... обману нет. Счет правильный.

— Уж больно много!

— Много потому, что работа трудная да спешная. Мрет народ... Режем мы его без жалости... По царскому приказу: «не жалея людей!» Все едино, что у вас на войне... Вы в батальи людей не жалеете, а мы—в работе. Та же война... может и хуже еще...

— А бунтуют мужики?

— Бывает!

— А ты как умиряешь?

— Кого к воеводе посылаю, а кого и сам... плетями, конечно... В острог сажаю...

— А до смерти засекал кого?

— Случалось... Мне за всем не усмотреть... Народ слабый... мученый... Влепят десяток лишних, а он, смотришь, дух и спустиг... бывает! Не так, чтоб много, а приключается...

— А в остроге много сейчас?

— Десяток-другой сидит.

— Я потом острог осматриваю.

— Сделай милость.

Помолчали.

— А ты меня и в слободу раскольничью сведи...—вдруг сказал полковник Филатов, останавливаясь и переводя дух.

— Какая такая слобода?—с удивлением переспросил Нелидов.

— Раскольничья... какая!.. Что ты, Никита Петрович, простачком прикидываешься! Точно о раскольниках не слышал!..

— О раскольниках я, конечно, очень слышал, а чтоб у меня здесь ихняя слобода была, этого еще не слыхивал.

— Я ведь сей момент с тобой только персональную беседу веду, Никита Петрович, а завтра я по форме следствие начну... всех опрошусь... Таков приказ государя императора,—сухо сказал Филатов.

— Я приказу государя императора не супротивник. Кого хочешь спрашивай...

— Ты мне сегодня вечером своего конторщика пришли, Ивана Захарова, — сказал полковник, не сводя глаз с Нелидова. Но тот выдержал этот взгляд и спокойно ответил:

— Сегодня не могу... на Чусовую он отъехал, понтоны и барки проверять... А завтра к вечеру, должно, вернется... Если прикажешь, я верхового сегодня пошлю... Утром завтра будет...

... Пришли к шахте. Полковник заглянул в огромную зияющую дыру... Дна не видать. Затхлои сыростью несет оттуда.

— Спуститься желаешь?—спросил Нелидов.

— Спущусь!—решительно ответил Филатов.

— Бадья!—крикнул в дыру Нелидов, и голос его загредел перекатами где-то внизу.—Бадья!.. Бадья!..—на разные лады отозвалось снизу.

Мужик зачмокал на сонных лошадей. Те тронулись с места, заходили вокруг ворота. Задрезжала ржавая цепь, вздрогнула, потянулась.

Лошади медленно ходили по кругу. Мужик слегка шлепал их хвостинами... цепь лениво заматывалась на бревно, которое крутилось над черной дырой.

Ревизор заскучал... он тоскливо смотрел на свои грязные ботфорты, по колени в липкой глине.

— Скоро?—спросил он.

— Не так, чтоб очень!..—равнодушно ответил Нелидов.

Наконец показалась бадья. Остановилась у края дыры... слегка покачиваясь... грязная...

— Изволь, ваше высочородие... лезь в бадью—не без иронии пригласил Нелидов.

В балье сидел каторжник с зверской физиономией и угрюмо смотрел на полковника.

— Ты кто?.. Как звать?—спросил Филатов.

— Я-то?.. Я—Рубец Ванька!—прохрипел тот.

— Сам сюда на работу пришел?.. Беглый?—спросил резко Филатов.

— На кой дьявол мне эта работа?—ответил тот.—Солдаты приволокли.

— Помилуй, осударь - батюшка! Защити, осударь! — вопила баба...

— Ты што... калачей беглым привез? Раздавать будешь?—спросил он и захохотал.

Полковник Филатов в бадю не полез и молча отправился в обратный путь. Нелидов легко справлялся с трудностями дороги, даже прыгал по кочкам... Филатов проваливался в грязь, изнемогая в своих ботфортах. К тому же тяжелый палаш колотил его по ногам. Молча добрались до городка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НА ПЛОЩАДИ длинными рядами стояли рабочие. Полковник долго обходил ряды, останавливаясь, заговаривал. Рабочие и мужики угрюмо отмалчивались или отвечали односложно. У всех оказались документы в порядке, беглых и раскольников на заводе не было. Ни одного не нашлось.

— Зачем в кандалах так много?

— Бегут очень... удержать нет сил,—спокойно ответил Нелидов.

Филатов повернулся к дому Нелидова... Вдруг из толпы баб вырвалась одна с ребенком на руках и бросилась к его ногам. Ударившись головой, ребенок заорал благим матом.

— У меня беглых нет!—уронил Нелидов.

— Сказывают, будто есть!—оборвал его Филатов.—Есть на заводе беглые? — спросил он каторжника. Тот засмеялся.

Нелидов невольно сделал шаг вперед и сжал кулаки. Урядник сгреб бабу...

— Оставь ее!..—крикнул Филатов.— Что тебе?—обратился он к бабе.

— Помилуй, осударь-батюшка! Кормилец, помилуй! Защити, осударь!—вопила баба, тыкаясь носом в навозную землю.

— Ну, говори... толком... что те надо?—недовольным тоном заговорил полковник.

— Помилуй, батюшка, век буду богу молиться! Муж мой... Лаврентий... на работе помер... в чугуне, вишь, сварился, а меня... хозяин с дитей с завода гонит: «Иди, говорит, христовым именем питайся. Христос, грит, ты прокормит!.. А я тебя кормить не буду!»

Филатов перевел глаза на Нелидова и встретил неподвижное и даже равнодушное лицо.

— Порядок такой!—сказал Нелидов.—В законах нет, чтобы завод кормил вдов, сирот. И калек при заводе не оставляю...

Полковник пошарил в кармане, достал гривенник, посмотрел на него, опустил его в карман, опять покопался, достал медный пятак, бросил бабе и решительно отвернулся от нее... Перед ним был дом Нелидова, а за ним стояла огромная, мрачная башня. Должковник вдруг оживился.

— Что за башня?—спросил он.

— Сторожевая... Спервоначала от киргизов оборонялись... отсиживались.

— Я хочу ее осмотреть,—бросил Филатов.

— Сделай милость,—небрежно ответил Нелидов.—Только нет в ней ничего... Смотреть нечего.

Подошли к башне. Филатов обошел ее кругом. Трубу увидел.

— Зачем труба?.. Мастерская здесь?

— Была мастерская... да водой залило.

— Какая мастерская?

— Слесарная, для пищалей работали.

— А больше ничего не работали?

— Пробы чугуна плавил... Ладил так, чтобы лучше сплав найти для пушек.

— Нут-ка, покажи свою пробную мастерскую.

включений.

Нелидов повел полковника по узкому краю земли, не захваченному водой, достал ключ, отворил дверь.

Филатов решительно двинулся в открытую дверь. Нелидов крепко схватил его за руку и задержал:

— Не торопись, ваше высокородие... В воду угодись!.. Еще отвечать за тебя придется!—сказал он.

зачал... Нелидов тоже впился глазами в жуткую глубину и тоже наклонился... Чего они так долго смотрят? Что они там увидели?.. Или так... померещилось обоим?..

Филатов вдруг выпрямился и уперся взглядом в глаза Нелидова. Тот, не мигая, смотрел в глаза Филатову. Поединок начался. Противники скрестили шпаги... Вдруг Филатову показалось, что глаза Нелидова словно загорелись волчьим огоньком. Так в зимнюю ночь горят волчьи глаза... И легкий холодок пробежал по плечам Филатова... Он первый не выдержал, опустил свои глаза.

— Чего ты в воду смотришь? Не хорошо в темную воду смотреть! Померещится что... и свалишься...

Действительно, если бы еще один шаг сделал Филатов, был бы он в воде; чуть ниже двери стояла вода... темная... неподвижная, заключенная в каменные стены...

Филатов отшатнулся и посмотрел на Нелидова.

— Вот это и есть пробная мастерская!..—сказал тот с усмешкой.—Смотреть хотел,—смотри!..

Солнце, ворвавшееся через открытую дверь, осветило угол воды до самого дна... Филатов стал всматриваться в воду... Даже наклониться

— Давно водой залило?—спросил он, помолчав... Голос его дрожал. Словно он другое что спросить хотел; да не смог.

— Недели две...—сквозь зубы процедил Нелидов.

— Почему не откачал?

— Недосуг было.

Филатов опять повернул лицо к воде, опять наклонился и опять стал высматривать что-то в темной пучине... И вдруг он почувствовал, как тяжелая рука Нелидова камнем легла ему на плечо и словно толкала его... вперед... туда... к темной неподвижной воде... Филатов быстро сделал шаг назад, сбросил руку Нелидова и встретил волчий взгляд старика.

— Чего ты в воду смотришь?—глухо сказал Нелидов и, словно, угроза прозвучала:—не смотри ты! Голова закружится!.. Упадешь!

— Ты это что?—прошептал полковник, невольно хватаясь за палаш.—Ты...

— Не смотри в воду! Слышь!—почти крикнул Нелидов. Опять угрозу услышал Филатов... Или это так показалось ему?.. И, понизив голос, Нелидов стал шептать:—Не хорошо в темную воду смотреть!.. Померещится что... и свалишься!.. Смотри лучше сюда!..

И Нелидов протянул ему огромный золотой самородок... Он был отчищен, и золото сверкало живым, горячим светом.

... — Ребята намедни нацли,—бормотал он, протягивая самородок Филатову.—Смотри!.. Живой!.. Говорит!!

Много их у нас на Урале... А такие на редкость!.. В Санктпетербурх такой же царице свез в дар... Возьми!.. Чего?.. Ребятам своим свези,—пусть тешатся!.. Есть у тебя ребята?—вдруг спросил он.

— Есть, двое...—растерянно пробормотал Филатов, не спуская глаз с золота.

— Ну, и бери!.. А в темную воду смотреть не следует!.. В темной воде нечисть водится!.. Морочит!.. Тянет!.. А потом за тебя отвечай... Вон какой ты... Полотна белее! Пойдем-ка на вольный воздух... Эх, ты! а еще воин!.. Пойдем на башню!.. я тебе свое «царство» покажу... Да ты что его в руках держишь? Спрячь...

И самородок опустился в карман Филатова.

Поединок кончился... Полковник Филатов стоял на верхней площадке башни. Грандиозный вид открывался их взорам... Косматые горы словно выросли вокруг башни. Они мрачно обступили с трех сторон нелидовский городок, дерзко врезавшийся в их отвёрстную грудь... Только с одной стороны свободные дали ласкали взор... Синие, бесконечные дали... А внизу кипела суетливая жизнь.

Словно в разрытом муравейнике суетились муравьи. Дымили трубы, пылали доменные печи. И казалось, что неясный гул человеческих голов покрывался звенящим криком железа, которое стонало под ударами молотов, визжало под пилами, гремело, падая на камни, шипело, урчало и клокотало в огневых, раскаленных котлах...

Ма сар-дарья-кочу берелу

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ
НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
„МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 28.**

Девиз: ЯРЧЕ СВЕТ—ТЕМНЕЕ ТЕНИ.

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА.

1.

На сером берегу Сыр-Дарьи, уходя концом за насупленные хмурые барханы ¹⁾, неведомо в какие дали, вихрастый раскинулся тугай ²⁾. Если посмотреть на берег сверху, то будет тугай, как зеленая клякса на серой оберточной бумаге.

Посередине тугая, на плешивой полянке, приземилась убогая избушка с плоской крышей, с подслеповатыми окнами и надоконниками, кривыми и черовными, как лохматые стариковские брови.

В избушке жили охотники. Было их трое: Хан, Федор и молодой татарин Малай. Они обнесли избушку околом, который изнутри и снаружи обложили глиняными кирпичами: тогда окаймное было время, по тугайным тропинкам лихие люди ходили волками и прозвище у них было волчье: «басмачи». У басмачей боевые за плечами висели винтовки,

сбоку — кривые, острые шашки; на быстрых конях ездили они из кишлака в кишлак ³⁾, резали, грабили, и кишлаки плакали кровавыми слезами...

Ночью луна глядит бледно и строго, остроконечные листья джиды ⁴⁾ стынут в недвижении, с Дарьи несет холодом, и холоден ледяной лунный свет.

В такие бледнолицие ночи уходили охотники в тугай, беспредельные ночью и таинственные. По тропинкам, только им да кабанам ведомым, осторожные хрустели шаги, — казалось, люди плывут по туманно-молочному сизому воздуху.

В тугае охотники по одному рассаживались на тропы, — в засидки, — и сидели тихо, чуть дыша: кабан — зверь осторожный, очень чуткий.

Долго иногда приходилось сидеть. Заревая звезда всходила, шел рассвет,

¹⁾ Барханы — песчаные, движущиеся холмы.

²⁾ Тугай — прибрежная чаща.

³⁾ Кишлак — деревня

⁴⁾ Джиды — колючее дерево.

и от его бледных ног бледнела и никла трава. Но каждую ночь, вдалеке на тропе, воровской раздавался хруст: — шли кабаны.

— Идут! Ближе хруст. Слышен тяжелый сап. Различить уже можно черные движущиеся тени.

И тогда, в кустах, осторожно, без шума, без звука, начинают подниматься стволы. Они шупают темноту, дрожит на них переливчатая узкая змейка лунного света, по лунной змейке скользит взгляд охотника. Палец на спуске—железа тверже...

...Тих и жуток тугай, обрызганный луной...

Когда лунная змейка на стволах со всех сторон ощущает темноту, обшарит в кустах и упрется в черное пятно,—железный палец зашевелится, плотнее к плечу примет охотник ружье, — блеснет, грохнет и гулко, стоголосо раскатится по тугаю ночной выстрел. Мгновенный шум, мгновенный взмет теней—и нет кабанов. Только стонет под грузным напором тугай да под копытами чавкает вода: убежать стараются звери с предательской тропы, но нынче засады везде, и все тропы предательские, и вновь грохот, и молния, и знакомый, но невыразимо ужасный свист.

Утро в Туркестане наступает сразу. С гор как будто сдернет кто серый покров, в отсыревшую за ночь долину прольются с востока золотые легкие струйки, и, клубясь дымчатыми туманами, в небо вытечет тугай.

По утрам охотники сходились и сволакивали убитых кабанов в одну кучу. Звери лежали в холодно-нелепых позах, мутно белели изогнутые их клыки, и на клыках рисовала кровь странные, темные узоры.

Потом охотники разбрелись искать подранков: раненый зверь убегает в непроходимую колючую чащу, там кровь разливается небыстрым теплым ручьем, и горе тому, кто потревожит предсмертное кабанье забытье. Последние силы взорвутся отчаянной вспышкой, и охотник трупом ляжет рядом.

Поэтому охотники искали подранков, держа ружья на изготовке и ослабив в чожах кинжал: если обманет

осечкой или промахом ружье, нужно встать на колено и, вытянув вперед руку с кинжалом, сделать ее твердой, как корень заматорелого саксаула. Когда набежит зверь, быстро упасть надо на бок: — зверь тяжел, срозмаху не сможет повернуть, пронесется мимо, и вот тогда надо вогнуть кинжал ему за лопатку.

Если охота бывала удачной, Хан в улыбке топорщил седые свои усы и, потроша зверей, напевал под нос неизменную песню:

А там, в лесу дремучем,
Разбойнички идут...

В случае неудачи он свирепел и ругался, как-то особенно присвистывая при этом. В неудаче он всегда винил товарищей: или зашумели, или кашлянули. Малай в ответ огрызался, а Федор молчал и конфузливо улыбался, робко поглядывая на Хана. Боялся Федор Хана страшно и за это Хан презирал его.

Часто Хан жаловался Малаю:

— Вот, родятся же такие люди!.. Смотришь на него, а он—как медведь: ручищи—во, плечи — в сажень, волосатый весь, страшный!.. Думаешь: — заденет — пришибет, как муху. А на деле — то он вовсе телок. Не люблю таких. Ты будь готов всегда другому глотку перервать, вот тогда и жить легко будет...

— Ты вот перервал одному, да ог людей к волкам жить пошел, — язвительно отвечал Малай. Хан злился и краснел.

— Опять ты!.. За дело убил! Меня старый суд оправдал!

— Да, знаем мы... Оправдал, как раз!

— Тьфу, ты, сволочь!

Хан плевался и шел от Малая к Федору, сажился рядом и затевал разговор. Но Федор пугливо косился и, боясь не угодить ответом, только неопределенно мычал в ответ. Хан, обычно, со зла, обкладывал Федора матерной бранью и шел спать.

2.

Зима коротка в Туркестане, и весна давно стучалась о холодный льдистый покров. От весны, как искры, летели одинокие светлые дни.

Приходилось сидеть без дела. Было скучно. Надоели карты, надоел отошавший, облезший от жары кот Вать Ватильич.

Ждали. Думали, что скоро уйдет Рахманкул:—сторона здесь бедная, самые богатые кишлаки ограбил уже он,—что ему здесь больше делать?

Лиловые, как будто нарисованные, стлы на западе легкие тучки. Их пронзали, как окровавленные копья, последние прощальные лучи. За далекие горы огромное, красное падало солнце, и было похоже на раненого война: шелом у война блестящий и горит, а грудь—красная, залитая кровью.

Шел вечер и стлал на тугай фиолетовые, густые тени. Над избушкой с пронзительным тонким свистом пронесли утки и солидно прогоготали в вышине невидимые в сумраке гуси.

— На озерах сейчас хорошо,—вздыхнул Федор.—И утки тебе, и гусей, а качкадаку этого, хоть палкой бей.

— А мы, вот, сидим дураками,—злбно вставил Малай.—Люди-то рыбу да птицу арбами в город возят, а мы—сидим... Проклаждаемся...

Федор вздохнул, погладил кота и по мжал губами.

— Не по своей вине сидим, милак. Наша бы воля—часу бы здесь не были. Ну, а что сделаешь, если не уходит он, Рахманкулка-то? Супротив него не попрешь, а и попрешь, так голову снимут.

Малай скривил губы в презрительной усмешке.

— А если он год не уйдет, так и мы будем год сложа руки сидеть?

— И посидишь.. Кабы своя воля...

— Воля! Воля!.. Взял ружье да стреляй, вот тебе и воля. Поди-ка им, басмачам, только и дела, что до нас.

— До нас, не до нас,—ответил Хан,—а Климовых-то побили.

Малай фыркнул и обиженно сказал:

— Эх, понесли меня черти с вами в эту дыру!

— А что?—полюбопытствовал Хан.

— Да что! Ни кожи, ни рожи, вот что! Только погубишь свою жисть!..

— А поди-ка, больно дорога кому твоя-то жисть,—ядовито улыбнулся Хан.—Была у тебя жена, да и то сбегала. Тухлый ты человек, Малай, да и трус к тому же... Что тебя сюда, на аркане тащили, что ли? Сам пошел!

Малай не ответил. Стало тихо. За тугаем глухо рокотала Дарья, от нее ползла сырость и тяжелой тишью наваливалась на тугай. Небо было глубокое, темное, и звезды на нем, переливаясь, играли, как дрожащие капли воды.

В избушке Малай приготовил чай. Пар из чайника белым штопором ввинчивался в сумрак и капельками оседал на мутном стекле окна.

Малай стал разливать чай в жестяные, ржавые кружки. За тугаем, вдруг, недалекий, чуть приглушенный, ударил выстрел. Потом еще. Частая засыпала пальба.

— Басмачи! — выкрикнул Малай. Чайник с грохотом упал на пол. Малай заметался по избе, в испуге хватая то ружье, то револьвер.

— Не юли,—сердито рывкнул Хан, и пнул чайник в сердцах ногой. Федор пошел запереть ворота. Завалив их громадным, сучковатым бревном, он стал прислушиваться: выстрелы слышались в полуверсте, не далее.

Вернувшись в избу, он сказал полувопросительно:

— Вы спите, а я покараулю.

— Какое спанье!—разозлился Хан. Окно завешивай! Да не этим, телок ты проклятый! Шинелью! Шинелью, тебе говорят! Ух вы, сволочи, телки вы божьи! Федька! Становись у ворот! А ты, Малай, на крышу лезь! Да живее поварачивайся! Чего дрожишь, как сука! Лезь!

Пальба не прекращалась. Выстрелы сухо трещали все чаще и чаще. Казалось,—в разных концах тугая кто-то бьет прутом по сухому, тонкому тесу. Вдруг тугай захрустел. Затопало в тугае, и на полянку вынырнула лошадь; на ней, пригнувшись, сидел человек.

— Кто?—нервно и звонко выкрикнул Федор и взял всадника на прицел.

В ответ донеслось неясное бормотание. Тяжело перевалившись, всад-

сключений.

ник, как мешок, упал на землю и, видимо, собрав последние силы, слабым, угасающим голосом сказал:

— Свой... Раненый...

И умолил, оставшись лежать возле нервно-похрапывающего коня.

Федор стоял минут десять, не двигаясь и не спуская с прицела лежащего человека, в любую минуту готовый спустить курок. Но вот пальба, так же сразу, как и началась, затихла. И опять ясно стал слышен рокот Дарьи. Прибежал Хан и радостно зашептал:

— Уходят! Уходят!

Потом вместе с Федором они пошли к лежащему без движения человеку. Зажгли спичку: человек лежал лицом кверху, бледный, и около ноги была кровь.

— Раненый, — сказал Хан. Осторожно они подняли раненого и унесли за забор. Потом Федор принес винтовку, клинок и привел коня.

— Наган, — задумчиво повертел в руках револьвер испуганный Малай. — Командир, поди. А я чуть не хлопнул. Курки поднял.

— Все равно не попал бы с перепугу, — отозвался Хан. — Федор, дай-ка подуй.

Раненый лежал без сознания. Хан ловко перевязал ногу, поудобнее уложил его и сам сел рядом, внимательно прислушиваясь к вновь начавшейся далекой стрельбе.

— Не то в Киалях сядят, не то в Шады-Казыке? — спросил Малай.

— В Киалях, — уверенно ответил Хан. — Из Шады-Казыка не услышишь. Раненый глухо застонал.

— Эх, и больно, поди — сострада-тельно сказал Федор.

— А ты что думаешь, — сухо хихикнул Малай, — сладко, что ли...

— Как он сюда влип? — вслух подумал Хан.

— Я говорю: — командир, — ответил Малай.

— Наверно командир. Федя, посмотри, есть что ли нашивки-то на шинели.

— Есть, — ответил Федор и, порывшись в шинели, добавил:

— В кармане есть что-то...

— А ну, подай, — распорядился Хан.

Федор подал большой черный бумажник. Хан вытряхнул его на стол. Кучку червонцев он пересчитал и, пронзительно посмотрев на покрасневшего Малая, спрятал обратно. Развернув четвертушку бумаги, он подал ее Федору:

— Ты, Федя, грамотный.

Федор наклонился к лампе и, с трудом разбирая полузабытые уже буквы, прочел:

Хан и Федор подошли...
Раненый лежал лицом кверху, бледный, и около ноги была кровь...

— «Товарищу, храброму командиру В. Веревкину, от курбаши ¹⁾ Рахманкула. Ответное письмо.

С великой радостью прочитал я ваше письмо, где вы пишете, что штаб поручил вам вести со мной мирные переговоры. Я давно хочу помириться с Советской властью, но до сих пор боялся и не знал, как это сделать. Я готов сдать, при условии, что мне и моим джигитам будет обещана полная неприкосновенность.

Встречу для окончательных переговоров назначаю в кишлаке Арават, 5-го июня, в два часа дня. Я явлюсь с пятью джигитами, оставив отряд неподалеку, как предлагаю сделать и вам. В случае, если вы согласитесь на предложенные условия, сдача состоится там же.

«Рахманкул, курбаши,
печать приложил».

Печать была широкая, большая, и как змеи переплелись на ней мусульманские буквы.

— Непонятно, чегой-то, — сказал Федор. — Выходит — на завтра встречаю у них.

— Смутно, — согласился Хан. — Ну, очнется — расспросим. А сейчас ты, Малай, иди на караул. Федор, смени Малая. А я — под утро.

Когда на следующий день стали пить чай, Хан, посмотрев в сундучек, где хранились лепешки, сказал:

— Лепешек-то нет ведь, ребята. Малай, придется тебе итти.

— Зачем итти, — перебил его Федор, — когда конь есть. Крой Малай!..

— Я!.. Что это ты меня-то посылаешь? Сам иди!

— А ты что? Боишься, — зловеще спросил Хан.

— Да не боюсь!.. А хоть и боюсь, — тебе-то какое дело! Не поеду, сказал!

Хан шагнул к Малаю и, плотно сжав челюсти, выбросил слова, как тяжелые камни:

— А то и дело, что трусов нам не надо! Понял? Твоя очередь! Кто за тебя пойдет?!

— Не поеду, — зло ответил Малай.

— Не поедешь?!, — оглушительно заревел Хан. Испуганный кот соскочил с нар и бросился к двери. Раненый заворочался и застонал.

— Тише вы, ироды, — успокоительно заговорил Федор. — Вишь, и кот разбудил, и человека тревожишь. Ревешь, как лев. Будет лаяться. Я съезжу. Мне, заодно, лесы купить надо.

4.

В Киалах Федора поразила мертвая тишина. Обычно веселый и шумный кишлак этот как будто спал еще. В извилах узких улочек залегла ночная, жуткая тишь. Федор сразу понял, что вчера пальба была в Киалах, — незваным гостем нагрянул Рахманкул, и ошеломленный кишлак не очнется до сей поры.

Дорога поворачивала почти под прямым углом. Сбоку чернел глубокий, сухой арык. Федор случайно бросил взгляд на дно арыка и вздрогнул: там, наваленные один на другой, лежали трупы. Желтый халат верхнего пестрел кровавыми пятнами. Какой-то старик лежал лицом вверх. Часть головы у него была снесена совершенно, под окровавленными толстыми губами желтел оскал судорожно стиснутых зубов, седая борода слиплась от крови и торчала в разные стороны толстыми, ржавыми клиньями.

С хмурыми лицами к арыку подошли декхане ¹⁾ и вытащили трупы наверх. Откуда-то прибежали растрепанные женщины и завывали, обнимая дорогие, вчера еще живые, головы.

— За что он их? — тихо спросил Федор у ближайшего декхана.

— Бельмейман ²⁾ — ответил тот и, вздохнув, прибавил по-русски: — кто знает? Плохо год... Плохо день... Алла не любит... Алла сердит...

Декхане принесли широкие носилки, укладывали убитых по двое, и носили на кладбище. Федор пошел за ними, привязав лошадь к старой, кургузой иве у арыка ³⁾.

На кладбище уже была готова могила — круглая нора, ведущая в выдолбленную в земле комнатку.

¹⁾ Декхане — крестьяне.

²⁾ Бельмейман — не знаю,

³⁾ Арык — канал.

⁴⁾ Курбаши — военачальник, полководец.

— Ах, черти, — подумал с тревогой Федор. — Уже пронюхали!

Взяв от Федора деньги, старик потряс их на шершавой, коричневой, твердой, как дерево, ладони и сказал с грустной улыбкой тусклых глаз:

— Пуль¹⁾ ...Зачем?... Все равно Рахманкул возьмет.

— А ты прячь, — посоветовал Федор.

— Моя прячь — его искать. Все равно возьмет...

5.

Хан смазывал свою тяжелую двухстволку, когда услышал слабый голос:

— Пить...

— А! Очнулся, миляга! Ну и здоров же ты, парень, спать. Пить, говоришь? На, на, попей.

Хан подал воды. Раненый пил жадно, захлебываясь.

— Еще, — попросил он.

— Ну, нет, — улыбнулся Хан. — Много сразу нельзя. Вот полежишь с полчаса, еще дам.

Раненый утвердительно кивнул головой. Попробовал пошевелиться, но застонал и смял лицо в гримасе.

— Больно?... Отлежал себе спину?... Болит?..

Хан осторожно перевернул его. Раненый задумчиво посмотрел на окно: тусклó загло солнце мутное стекло.

— Солнышко... — как-то подетски улыбнулся он и вдруг рассмеялся, скаля белые зубы и морща смуглое, красивое лицо.

— Светит, миляга, светит, — радостно заулыбался Хан. — Оно, братец ты мой, светит.

— А тот, другой, где? — помолчав, спросил раненый.

— Кто? Малай? Федор?

— Тот, что меня подобрал.

— А... Помнишь все-таки. Это — Федор. Он придет скоро.

Раненый откинулся на подушку и упер глаза в открытую дверь.

— Конь цел? — спросил он у Хана.

— Цел. Что ему будет?

Приехал Федор, шумно вошел в избу и бросил на стол лепешки. На вопросительный взгляд Хана ответил:

¹⁾ Пуль — деньги.

— Больше не нашел. Завтра принесут.

— Кто? — вскинулся Хан.

— Там. Из кишлака один... Они пронюхали уже. Не гноится рана-то? — кивнул Федор на раненого. Тот бескровно улыбнулся бледными губами, а Хан суверенной гордостью ответил:

— Чего ей гноиться? Иодой залил!

Федор сел на табуретку и, спрятав руку в бороду, задумчиво почесал подбородок. Посмотрел на раненого, на Хана, хотел что то сказать, но раздумал. Помолчал еще. Наконец не выдержал.

— Это ты, браток, от Рахманкула-то утек? — спросил он.

— Я, — ответил раненый после минутного молчания.

— Я так и подумал. А за тебя, брат, Рахманкул в Киалах народу страсть перебил. Искал все тебя... Думал — ты в кишлаке гайшься.

Хан насторожился. Федор рассказал о ночном Киалинском побойше.

— А товарищев-то твоих, четверых, порубили всех...

— Вот зверье! — дрогнул раненый. — Мне уезжать надо.

— Вот так здорово, — улыбнулся Хан. — Куда же ты поедешь! Тебе еще неделю лежать надо! А ты... Ехать!..

Хан покрутил головой.

— Нужно, — упрямо повторил раненый. — Он искать будет. А найдет, так и вас всех перебьет...

— Не перебьет, — ответил Федор. — Твоя фамилия-то Веревкин, что ли?

— А ты как знаешь? — удивился раненый.

— Да уж знаю... Ты вот сплюшал-то как, скажи. А мы грешны: — вчера письмишки почитали твои.

— Из-за письмишек и попал, — зло бросил раненый. — Эти... Из штабата... Мириться вздумали. Меня послали. А он на поддороге и перехватил.

Хан вылил изо рта попок ругательств.

— Ах, сукач! Потрох сучий! Значит, не стерпел в открытую-то, так из-за угла!..

— Он, поди, и не спит теперь от злости. Только и в мыслях, что меня поймать.

— Что ему в тебе за корысть? — улыбнулся Федор. — Ему бы денег да барахла побольше.

— Ну, нет... За меня он и барахло все отдаст. Ведь это я ему нос то перебил.

— Когда? — поинтересовался Хан.

— Месяцев семь уже. Вот он меня и непавидит. Он, слышь, клялся. Не поймаю. — говорит, — в ад пойду!

— Ну-у-у! — потянул носом Хан и закусил ус. — В ад пойду, — говорит...

— Слыхал я так... Вот и выходит, что уезжать мне надо...

— Что ж, — опять заговорил Федор, — через недельку и поедешь. А раньше как? Все равно дальше тугая не уедешь. Слаб ты. Крови вышло ми го...

Вошел Малай и бросил на пол звонкие, сухие дрова. Хан, сухо хликнув, указал на него Вережкину:

— А вот это — Малай. Он чуть не застрелил тебя с крыши.

Малай сконфузился...

— Да с испугу курка не нашел, — безжалостно докончил Хан.

На другой день рано, когда чуть забелел восток, узбек принес лепешки. Когда он ушел, Вережкин досадливо сказал:

— Не нравится мне, что он меня видел...

— Не бойся, — сказал Федор. — Это — свой.

— Все они свои до первой плетки, — вставил Хан и укоризненно посмотрел на Федора.

6.

Такой уж несчастный был кишлак Квалы. В тихое, мирное утро посетил его Рахманкул во второй раз.

С ним приехало восемь джигитов. Рахманкул остановился в чайхане. Узбеки льстиво сложили под животом руки, мели бородами дорожную пыль и высали их побледневшие губы:

— Салам Алейкум, таксыр Рахманкул...

Рахманкул был гневен, лицом темнев. Над переломленным шашкой носом, как овраги, глубокие залегли морщины, глаза он беспрестанно суживал, поглаживал острую рыжую бородку и пофыркивал носом. Его джи-

Пришел мулла, старый, седой и тучный. За ним два суфия на маленьких носилках принесли большую черную книгу.

гиты притихли: чуяли, что кому-то ужасно будет нынче от Рахманкула...

Перепуганный чайханщик подал Рахманкулу чай. Рахманкул выбил поднос у чайханщика из рук, а самому чайханщику, толстому Азazu, кулаком в кровь разбил лицо. Потом он распорядился позвать муллу.

Пришел мулла, тот самый, что хоронил убитых.

— Зачем ты оторвал меня от молитвы? — спросил он.

— Ты «их» хоронил?

— Я, — спокойно ответил мулла.

— Зачем? — голос Рахманкула был так зловещ, что сразу опустела чайхана.

— Они были люди... Я всех хороню, — ответил мулла.

— А с кем ты говорил на кладбище?

— С богом.

— Еще?

— С людьми.

— Врешь, собачий сын, — рявкнул Рахманкул и, плотно сжав губы, выпятил вперед каменный свой подбородок.

Муллу вздрогнул и размеренно сказал:

— Пусть отсохнет твой грязный язык! С кем ты говоришь! Как ты смел сказать мне это! Мне—мулле, мюриду великого ишана Фазлия-Ахмеда ¹⁾.

Мулла пошел прочь от чайханы. Неумело мягким голосом Рахманкул остановил его:

— Отец! Что он здесь делал?

— Кто?

— Кяфир ²⁾, с которым ты говорила.

— Молился за тех, кого ты убил.

— Он кто?

— Не знаю... Человек...

Рахманкул замолчал и упер в землю тяжесть горящих черных глаз. Мулла пошел дальше. И когда он проходил между джигитами, будто ветер клонил их в поклонах. Они ловили руками халат муллы и после обтирали себе лица. Мулла был освящен праведностью и близостью к великому учителю Фазлию-Ахмеду.

Потом к Рахманкулу подвели желтого старика, который продал Федору лепешки.

— Кому ты продал хлеб?—спросил Рахманкул, и все съезжились. Старик, ставши еще желтее от ужаса, ответил, низко поклонившись:

— Урусу.

— А ты разве не знаешь, что урусы—враги газавата?—уставился Рахманкул в старика колючими, жесткими глазами.—Где он живет?

— Не знаю.

— Знаешь! Сказать не хочешь!

Старика схватили, стащили с него рубаху.

— Скажешь?—скверно улыбнулся Рахманкул.

— Хозяин,—жалко попытался улыбнуться старик и, скривив губы, для чего-то погладил себя по желтому, сухому телу:—Хозяин! Я не знаю.

— Ну!—кивнул джигитам Рахманкул. Киргиз взмахнул плеткой и перепоясал старика красным рубцом. У Рахманкула за щеками надулись, заиграли желваки. Он весь подался впе-

¹⁾ Ишан—высший духовный сан у мусульман. Считается святым. Мюрид—ученик ишана.

²⁾ Кяфир—презрительное название христиан.

ред. Удары посыпались чаще. Старик сначала выд, потом упал и, не увертываясь уж больше, только старался спрятать лицо.

На спине выступила кровь, рубцы посинели, вздулись; похоже было, будто кто-то исчертил старику всю спину карандашем.

— Огнем!—крикнул Рахманкул. Киргиз сунул шомпол в огонь и приложил к спине старика. У старика голос сразу оборвался на пронзительном, иззубренном крике: он уже не кричал больше, а только гудко и странно сипел, дрожащим телом прижимался к пыльной дороге и бороздил пальцами сухую пыль.

Один из узбеков, перегнувшись пополам, приседая на каждом шагу, подошел к Рахманкулу и прошептал:

— Таксыр, он не знает...

— А ты...—свирепо начал Рахманкул, но узбек торопливо докончил:

— Его сын знает...

Старик поднял иссеченную голову и из глаз ненавистью облил узбека.

Сына джигиты нашли на женской половине: он спрятался за сундуками. Увидев избитого отца, сын весь осел сразу.

— Где живет урус, которому твой отец продал хлеб?

Сын молчал. Намеренно медленно Рахманкул вынул наган. Сын округлил глаза. Рахманкул с треском взвел курок.

— В тугае,—уронил сын.

— В тугае?—недоверчиво протянул Рахманкул.—Что же он там делает?

— Охотник.

— Какой?—удивился Рахманкул.— Он—солдат.

— Нет. Их трое. Охотники...

— Давно они здесь?

— С год. Ты еще не приходил.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Я не знал, что тебе нужно...

— А солдат где?

— Не знаю.

Сына взяли в плети. Он взвыл, упал на колени и, плача и запинаясь, рассказал, что в избушке, в тугае, было трое, а теперь четверо, и один носит солдатскую шапку.

Рахманкул не стал ждать плова. Он приказал джигиту посадить к себе на

лошадь испуганного парня, чтобы тот показывал дорогу.

— Да примет худой ¹⁾ к себе их души,—прошептал избитый старик, глядя вслед мчащимся лошадям.

Посмотрел и заплакал...

7.

Федор не мог выдержать тихих этих вечеров. Сыр-Дарья по вечерам отражала закаты, и закаты были огненны. В далеких горах багровели, горели, искрились снега, к далеким, темным берегам торопил вечер день, и плакала глухим рокотом Дарья об уходящем дне.

Удилищ Федор нарезал прямых и гибких. Из хвоста возмущенного Веревкинського коня понадергал прозрачных, длинных волос и сплел упругие крепкие лесы. Проскользнула тихая и удачливая ночь. Поймал Федор и сазанов, и усачей, и даже какой-то дурашливый соменок ввалился по утру.

На рассвете Федор сидел, прилепив к подсечкам заспанные глаза. Не клевало. Он поставил удочки на живца, а сам лег спать.

Часа через три Федор проснулся, потянулся и глянул на солнце. Было около полудня. И вдруг Федор услышал дробный, четкий чекот копыт по дороге. Он прилег. Топот близился, слышался ясно, и Федор похолодел: мимо него проскакал отряд Рахманкула. Сам Рахманкул ехал впереди на белом, высоком коне.

Всадники обогнули тугай и поехали песчаной целиной. Видно было только пыльное облако. Вот оно поплыло в сторону, пропало: отряд выехал на дорогу к избушке.

Удочки остались стоять на месте, задумчиво колыхая в воде иззубренные свои стражения, но Федора не было уже около них. Федор бросился в тугай, бежал без троп, царапали ветки волосатое его лицо. Рядом шла узкая тропинка, но она была в круговую, а Федору важен был ближайший путь.

И говорить не пришлось Федору, в чем дело. Пока он заваливал ворота, прибежали уже вооруженные Малай

и Хан и принесли Федору ружье и револьвер. Веревкин в избушке доковылял хромой ногой до угла, заткнул за пояс наган и зарядил винтовку.

Из тугая на полянку вынырнули из зелени двое киргиз и с гиком повернули на избушку, но из-за чистоты гукнули враз два выстрела, и оба киргиза свалились тут же, а испуганные их кони понеслись по тугаю, ломая сухую чащу.

Еще один всадник попытался выехать на полянку. Федор промахнулся, всадник торопливо повернул обратно, но бледный Малай засадил ему в спину заряд картечи.

Стихло. Безмолвная расплзлась по тугаю жуть. Больше не топали уж в тугае копыта, но в чаще тугая, сквозь колючие ветки, просовывались тонкие стальные дула, то же черные, как ветки, и, вот, из дул засыпал на избушку пули тугай. Некоторые пули попадали в стволы джиды, джида цвела, и от ударов сыпались с нее облака душистой пыли.

Из избушки ответы грохали редкие: скупилась охотники на пули. Федор и Хан стояли рядом, стреляли картечью. Едва зашевелится куст в тугае—два свинцовых плевка настолом ложатся под куст, а что там—не видно. Может быть задержался убитый, может быть поежился живой и еще плотнее втиснул себя в землю...

Федор заметил волну качающихся кустов. Она вилась, подвигалась ближе к забору.

— С бомбой лезет,—серьезно и вполголоса сказал Хан. Федор нервно хихикнул и приложился. Целился он долго, на концах стволов тяжелого ружья сама сидела беззубая Смерть. Держит Федор Смерть на привязке, вот, вот, отпустит...

Отпустил... Лениво поплыло кверху белое облачко. Из кустов медленно встал человек, бессмысленно качнулся, махнул рукой, сделал неверных два, три шага и закричал неожиданно и пронзительно, и этот крик странно напоминал вой кабана, с кинжалом под лопаткой.

Человек рухнул лицом вниз. Только заметен был синий халат. Прошло

¹⁾ Худой - бог.

несколько длинных секунд, и бомба взорвалась, подняв густую тучу сухого песка и разбросав свистящие осколки. Через убитого из тугая запели пули, с дробным, барабанным треском застучали о частокол, и зафыркали, рикошетясь. Глухо треснул пробитый пузырь в окне хлевушка, и собаки в хлевушке залаяли и забеспокоились.

Пришел, опираясь на винтовку, Веревкин. Попробовал стрелять стоя, чо сразу осел на большую ногу.

— А ты—через щель,—посоветовал ему Хан. Веревкин стал стрелять через щель.

Сзади легко вскрикнул Малай. Хан обернулся. Малай сидел на земле и сострадательно смотрел на растопыренную левую ладонь: какая-то шалая пуля начисто оторвала верхний сустав мизинца.

— Эх, враг!—вскрикнул Хан.— Как это тебя?

— С рикошета,—зло ответил Малай и указал на джиду, у которой сбоку пуля содрала кору...

... Басмачи замолчали. Замолчали и охотники. Залег перед избушкой тугай, как чуткий зверь; каждая винтовка в тугае—зуб звериный; у зверя зубы страшные, винтовки в тугае—страшнее, и каждая несет смерть...

— Чтой-то не так... Молчат,—подозрительно pokrутил головой Федор.— Я на крышу слазаю. Посмотрю.

— Осторожнее,—бросил вслед ему Хан.

По углу, где выступавшие бревна каркаса образовали лестницу, Федор залез на крышу, распластался за трубой и стал смотреть в тугай. Он увидел, как по дороге, быстро, ныряя в заросли, как зайцы в траве, промелькнули двое и скрылись.

Тугай лежал тихий и настороженный.

— Вот что,—шепнул Федор Хану,— за подмогой поехали...

— Ну-у-у?...

И лицо Хана сразу стало белым, а уши налились кровью.

— Что? Что?—переспросил Малай, тупо перебрасывая из руки в руку испачканное кровью ружье.

— Слышь, за подмогой поехали...

Постояли молча. Потом Хан выдвинул из себя, так тяжело, словно у него на груди камни лежали:

— Смерть, значит...

— Так выходит.

— Всем,—вставил Веревкин и вдруг заговорил быстро и горячо:

— Огнем!—крикнул Рахманкул.

— Я говорил—ехать надо! А вы все одно:—обойдетсЯ, да обойдетсЯ!... Обошлись вот!... Я говорил!...

— Да что ты бормочешь: «говорил, говорил»,—грубо перебил его Малай— Говорил да и уезжал бы поскорей. Сидел вот, сволочь, да и нас подвел. Из-за тебя...

Малай осекся, увидя под носом вороненое дуло «маузера». Хан, красный, трясущийся от злости, сдавленно выкрикнул, как хarkнул:

— Замолчи, сукач! Башку разможгу! Ах ты, сволочь! У-ух!

И, не сдержавшись, ткнул Малая в губы концом «маузера». Потекла

кровь. Малай вытер ее рукавом и, не сказав ни слова, отошел в сторону и сел прямо на землю.

Хан облокотился спиной на джиду. Федор зорко наблюдал, сквозь щель в заборе. Наступило долгое молчание. Неожиданно, тихо заговорил Хан:

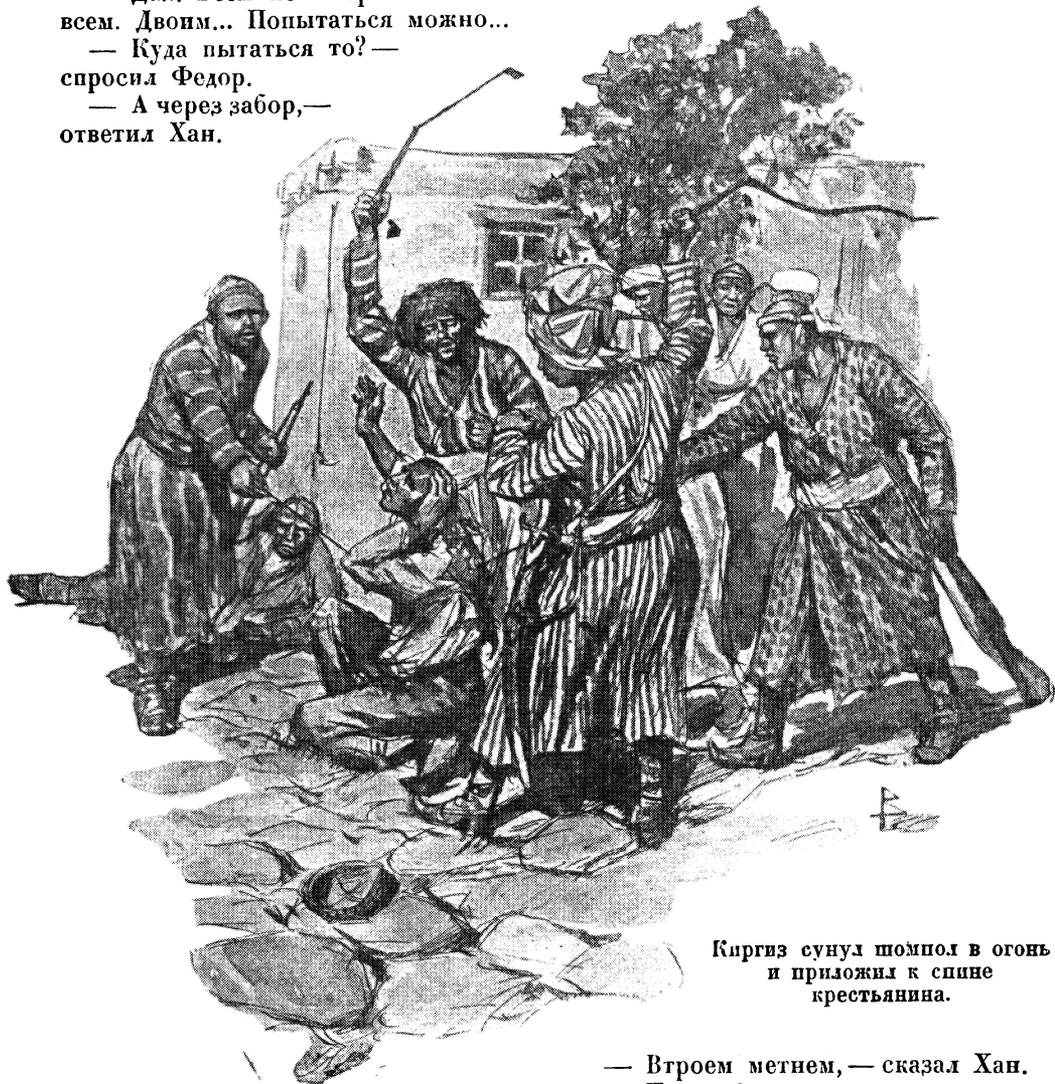
— Да... Всем не выбраться... А не всем. Двоим... Попытаться можно...

— Куда пытаться то? — спросил Федор.

— А через забор, — ответил Хан.

остаться и частой стрельбой отвлечь внимание нападающих, а остальным двоим — бежать через нору под забором в Баранью пещеру; что находилась в самой чаще тугая.

— Метнем, — как эхо отозвался Малай.

Киргиз сунул шомпол в огонь и приложил к спине крестьянина.

— Ошалел ты! Пока лезть будешь, десять раз сшибут. Смотри-ка!

Федор поднял над забором на палке свою шапку, и она сейчас же упала, пробитая в двух местах.

— Да не верхом, дурак, а низом...

И Хан рассказал свой план. Нужно было метать жребий. Кому выпадет —

— Втроем метнем, — сказал Хан.

— Почему? — живо и тревожно спросил Малай.

— Ему, — указал Хан на Веревкина, — надо в Баранью. Какой он защитник?

— Я что... Я — ничего. Я — крепкий... — начал было Веревкин, но Федор нетерпеливо перебил его:

— Молчи! Как общество решило, так тому и быть! Втроем мечем!

Малай покорно согласился и спросил:— Чем метать - то? В карты, что ли?

— Малай! Я не могу. Ты!.. — Тупо тукнул выстрел...

— Не за чем. Спичкой, — ответил Хан.

Малай достал коробку спичек.

— Нет, — сказал Хан. — Дай-ка Федору.

— А я что?

— На руку ты не чист, а дело серьезное.

Федор вынул из коробки три спички и у одной отломил головку.

— Без головки кто вынет — в Баранью идет, — пояснил он и выпятил вперед громадный свой волосатый кулак, из которого торчали три красные кончика спичек.

— Кто первый?

Все промолчали.

— Кто?

— Я, — нервно шагнул вперед Малай. — Я вот сейчас... Нет... Лучше ты, Хан...

— Ну, я, так я, — ответил Хан, свернул ножку, закурил ее и, глубоко затянувшись, дрожащими пальцами сразу выхватил спичку и, широко раскрыв глаза, уставился на нее: спичка была без головки.

— Значит — мы, — тихо сказал Федор Малаю.

— Нет! Ты погоди! — по-бабьи затараторил Малай. — Ты покажи-ка спички!

— На, сволочь, смотри, — с холодной злобой ответил Федор и разжал кулак. Потом он свернул новый скруток

и закурил его одной из этих спичек. У Малайа посерело лицо и, как свинец, помутнели глаза. Хан, посмотрев на него, сказал утешительно:

— Можя и мы не выберемся...

Малай не поднял головы...

8.

В одном месте, с задней стороны избушки, тугай подходил к забору вплотную, через забор перевесила темно зеленые свои листья дикая груша, а кругом ее обхватила колючей стеной жидя. Хан лопатой подрыл яму под забором.

— Ну, прощайте, — сказал он, возвратясь, и скривил губы. — Прощайте, братцы...

Целовались, и губы у Малайа были холодные.

— Собак выпусти, — нетвердым голосом сказал Федор. Хан открыл хлевушек. Вышли грустные, с поджатыми хвостами, собаки. Хан побросал их через забор. Они не хотели уходить, жались к забору и жалобно выли. Из тугая стали стрелять, и они разбежались.

...Первым в лаз пролез Хан. Он долго молчал за забором, должно быть прислушивался и присматривался. Потом сипло шепнул:

— Ну, ты, воетка... Лезь...

Федор тревожно вслушивался в мутные тугайные шорохи. Время шло медленно, словно закованное в кандалы. Прошло с полчаса. Федор успокоенно сказал:

— Пронесло... Ушли...

И стал лихорадочно быстро стрелять. Из тугая не ответили. Федор тихо позвал.

— Малай!

— Здесь я.

— Ты что, вяленный какой. Умирать, братец, всем надо. Авось... как знать, авось и нас вынесет...

— Авось? А если не авось! Тогда, как Климовых?!

— Боишься?... Улизнем, может. А ек выйдет... — тогда, по любви тебе говорю, — лучше сам себя стреляй! Тебе простится.

— А ты?

— Ну, обо мне иной разговор... Ты вот, Малай, не веришь в Бога. А я верю. По чистоте говорю, — Федор замаялся... — По чистоте говорю — человека я убил, Малай. Вот зато мне мучение и пришло сейчас... Выкупи, значит, Федор, грех свой...

Малай судорожно усмехнулся.

— И ты убил, и Хан убил... А я вот до сих пор никого не убил. Сегодня только одного, ну, да это не в счет... За что же мне-то мучение?

Федор облизнул губы.

— Я, вот, и говорю, как набегут, так ты сам себя крой... В рот...

На низкий лоб Малай повисли космы черных, жестких волос, глаза не горели больше под бровями: глаза были тусклые, тоскливые, точь-в-точь, как у кабанов-подранков.

Вдруг Малай запрокинул голову и завыл по волчьему, но был день, — и из тугая не донеслось ответного воя.

— Придут волки, придут попозже, кровь лизать, — подумал Федор и содрогнулся...

Пришел заспанный кот и ласково стал тереться о ноги Федора. Федор долго и пристально смотрел на кота, выгибавшего спину, распушившего хвост и довольно урчавшего, поднял кота, поцеловал в шоколадный влажный нос, почесал коту за ухом, бе-

режно опустил его на землю и вынул револьвер.

— Не хочу, чтоб без меня... — пояснил он Малаю.

Кот сидел и вылизывал переднюю ногу. Федор прицелился. Опустил револьвер.

— Малай! Я не могу. Ты!...

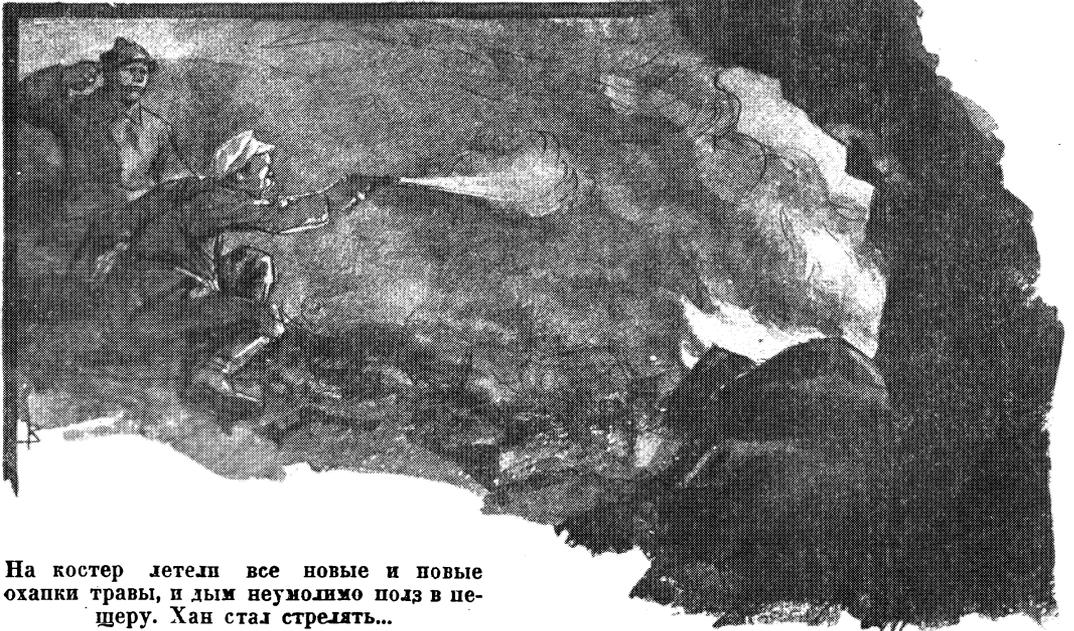
И отвернулся. Тупо тукнул выстрел, и кот задергался с раздробленной головой. Малай перекинул труп через забор...

...Скоро пришла басмачам подмога. Киргизы бросились на забор, как бешеные. Федор и Малай спрятались в избушку и стреляли из окон. Федора ранили в грудь, он упал. Дверь затрещала. Малай начал стрелять прямо в дверь. Сунул было в рот револьвер, но заколебался, а дверь хрустнула, затрещала, и с грохотом упала. Как шмели загудели киргизы. Малай успел выстрелить еще два раза, но тут же упал, оглушенный прикладом...

Допрос был на дворе.

— Сколько было всех? — бешено спрашивал Рахманкул, а Федор, заводя безумные свои глаза, измученно отвечал:

— Двое...

На костер летели все новые и новые охапки травы, и дым неумолимо полз в пещеру. Хан стал стрелять...

— Еще! — говорил Рахманкул, и Федора пытали по-новому. Он кричал от боли, ползал, распластавшись по земле, как громадная лягушка, стараясь увернуться от плетей и горячих шомполов, но некуда было увернуться: кругом стояла жесткая, жесткая стена, и шомпола с каким-то жужжащим шипением входили в тело легко, как в масло, прожигая кожу и обугливая мясо.

Потом Федору киргиз вспорол живот, и когда Федора оттащивали в сторону, кишки волочились по песку.

Из хлевушка, где жили собаки, привели Малая. Увидев труп Федора, Малай весь задрожал.

— Сколько было? — спросил Рахманкул, и киргиз близко к глазам Малай поднес накаленный шомпол; шомпол шипел и искрился, горел тускло, кроваво, как звезда за туманом.

— Сколько? — повторил киргиз, и шомпол пополз к лицу Малай. Малай опасно взглянул на труп Федора и шипящим шопотом ответил:

— Четверо.

— Ага, — просиял Рахманкул. — Солдат был?

— Был.

— Как звали? Вережки?

— Да.

— Где он? — тяжело переводя дыхание, спросил Рахманкул.

— Здесь... Недалеко. В Бараньей пещере... Там еще с одним, Ханом...

— Проведешь нас...

Малай, низко наклонив голову, пошел в тугай, а за ним с шумом и гамом нестройной толпой двинулись басмачи...

У Вережкина рана от ходьбы открылась. Хан уложил его в пещере на листья, сам лег у входа. Когда началась стрельба, у Хана незаметно для него самого покатались по щекам крупные слезы...

— Поди уж нет их, сердечных...

Стихло. Выстрелов больше не было.

— До вечера здесь лежать придется, — размышлял Хан, а сам зорко всматривался в густую зелень...

Он увидел: — по тропинке, ныряя в кустах, шли басмачи и их вел Малай.

У Хана закружилась голова, но он тут же оправился и, весь налитой сухим, холодным гневом, разрывной пулей ударил в Малай. Малай упал, взмахнул руками. Киргизы, припав к земле, поползли на выстрел. Хан забежал внутрь пещеры; ее выход светлел неровным кругом.

— Кто? — страшным голосом спросил Вережкин.

— Малай, сукач, — ответил Хан. — Я ему жаканку в брюхо вварил.

Выход заслонила чья-то фигура. Хан выстрелил. Фигура упала. И больше никто не осмеливался подойти.

— Только бы бомбу не бросили, — уронил Вережкин шопотом.

— Где у них бомбы — то, — также шопотом ответил Хан. — Ты не высовывайся, а то пришибут...

Хан стал соображать. В пещере взять их без бомб нельзя, потому что лежали они за громадным глиняным выступом... Что же будет дальше? Неужели надеются взять измором... Но в пещере много черепов. Вода тоже есть там, в глубине... Зарядов хватит...

И в душе Хана опять закопошилась надежда.

Вдруг к выходу, со всех сторон, стали лететь комки сухой травы, сучьев, и, как огнем, ожег Вережкин криком:

— Выкурить хотят!!!

Куча росла... Вот по ней синий, бледный, побежал огонек, зашипели сырые листья, и по земле пополз толстый пласт серого, плотного, как войлок, дыма...

Вережкин закашлялся. Хан почти потерял голову, стал стрелять в кучу, но тонкие пули пронизывали кучу, даже не пошевелив ее. Враг был не видим, а с боков на костер летели все новые и новые охапки травы и листьев, и дым медленно, торжественно, неумолимо полз в пещеру и рассасывался мутным, серым, едким туманом. Вережкин жался все плотнее и плотнее к сырой земле пещеры, но дым настигал его и здесь, колол в груди тысячами иголок, щипал нос, глаза... Дым полз... Надо было дышать... Воздуха! Воздуха! Воздуха! Пещера становится все уже и уже... На-

двигаются, наклоняются, давят стены... а дым ползет попрежнему торжественно и плавно... Шумит в голове... Странный звон в ушах...

— Воздуха!!!

И неверной рукой Вережкин нащупал наган, вынул его, взвел курок и быстро выстрелил себе в лоб. Хан вздрогнул... Он тоже терял сознание. Кое-как он подобрал валяющийся около Вережкина наган, и с револьверами в обеих руках, как бык наклонив голову, ринулся к выходу. Выскочив, он засыпал пулями в обе стороны. Ошеломленные киргизы пятились. Хан побежал в кусты, но упал с пробитой спиной. Свет быстро

мерк перед его глазами, но он нашел силы встать на колено, и тут же другая пуля раздробила ему голову...

А когда синим, откуда-то из-за гор, пришел вечер, горели красивые в тугае костры. Лениво перла по темному небу багряная, зловещая луна. Ночь настала тихая, белесая. В такие ночи любил раньше выть волком Малай.

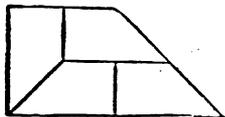
А удочки, что оставил на берегу Федор, нашел какой-то Киалинец и взял себе.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 55.

Трапеция должна быть разрезана, как показано на этом рисунке.

Задача № 56.

№№ кирпичей — 1, 2, 3, 4, 5, 6
Число сосед. кирп.— 5, 6, 6, 7, 5, 4,
№№ кирпичей — 7, 8, 9, 10, 11, 12,
Число сосед. кирп.— 3, 4, 6, 5, 5, 5,
№№ кирпичей — 13, 14, 15, 16, 17, 18,
Число сосед. кирп.— 4, 3, 4, 3, 4, 2,
№№ кирпичей — 19, 20, 21, 22, 23, 24,
Число сосед. кирп.— 5, 2, 4, 5, 3, 4,
№№ кирпичей — 25, 26, 27, 28, 29,
Число сосед. кирп.— 6, 5, 5, 4, 8.

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ
НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 Г.

По регистрации **№ 361.**

Девиз: «Все к лучшему».

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА.

До самой середины зимы все шло по обыкновению.

Утром, когда синий полог рассвета еще не до краев поднят над просыпающимся городом, — Иван Егорыч обливался из-под крана ледяной водой и торопливо натягивал через голову вязаную блузу. Потом, завернув в газету что-нибудь съестное, спешил на завод.

Проходя по кухне, вежливо желал доброго утра хозяйке, Казимире Станиславовне. Она скромно запахивала капот, самовольно обнажающий ее грудь, похожую на поднявшееся тесто, и часто делала Ивану Егорычу замечания:

— Опять вы, пан Ян, весь пол забрызгали...

Перед работой пил чай в тракторе против завода. Там охватывал знакомый гул голосов, запах только что выпеченного хлеба, постного масла и табачного дыма. Подсаживались приятели — кто с шуткой, кто с новостью. И, как жужжащий волчок, начинал вертеться беспоконный рабочий день. До часу одно и то же движение над станком. Напрягались мускулы. Ныло плечо. В час разжимались тиски над металлической глоткой за-

водского гудка и вырывался из нее сильный, долгий вопль. Обед — в том же тракторе. Меньше смеху, чем утром. Шум голосов глуше. Устали. Не до шуток...

К концу, чтобы поднять настроение, хозяин заводит граммофон. Где-то далеко за металлической воронкой граммофона поет хор. Иван Егорыч любит песню. Положит ложку. Задумается и вспомнит жену Дуню, тихую и робкую, с белокурыми, пушистыми волосами. За эти волосы ее в деревне «куделькою» прозвали... И сына Фильку вспомнит. Такой же тоненький и светлоглазый, как мать. И станет жаль обоих, захочется повидать.

Однажды решил — окончательно. К пасхе, — как раз год минет, как последний раз в деревне был, — ехать туда. По дороге с завода купил конверт и бумаги, чтобы в тот же вечер написать своим об этом.

Но ни в тот вечер, ни в другие не написал. Где там было не только писать, но и думать о жене и сыне! Разве до них было, когда... Когда налетел на Ивана Егорыча горячий ветер, подхватил, закружил так, что и дух захватило, и хмелем в голову ударило.

В первый раз увидел он в тот вечер хозяйкину сестру Ядвигу. Она стояла на подоконнике в его комнате и смятой бумагой протирала запыленные стекла.

Когда Иван Егорыч вошел, она мельком оглянулась и сказала с польским акцентом:

— Прóшу прощения, но сестра велела вымыть до-чисту.

И снова круто повернулась к стеклам. При этом движении верхняя юбка отлетела на мгновение в сторону и из-под нее мелькнули белые кружевные оборочки.

— Так-с,—произнес Иван Егорыч, задерживая взгляд на Ядвиговых локтях, покрытых темным пушком.

Сел у стола и тихонько посвистал.

— Прóшу подать кувшин,—попросила Ядвига.

Иван Егорыч поднял кувшин.

— Да он пустой.

— Так надо налить в него воды,—сказала Ядвига и, как раз посредине той ее щеки, которая была видна Ивану Егорычу, появилась веселая подвижная ямочка.

Иван Егорыч пожал плечами, но в кухню пошел и вернулся с полным кувшином.

— Швыдче же,—топнула Ядвига ногой, обутой в черный туфель на изогнутом каблучке.

Обмакнула пальцы в протянутый кувшин и брызнула Ивану Егорычу в лицо. Он вздрогнул. От холодных ли брызг, от задорного ли Ядвигового смеха. Поднял на нее серьезные глаза.

— Вы что же озорничаете?..

— Разве не можно пана трогать?

Она бросила тряпки и сверху вниз смотрела на Ивана Егорыча, дерзко выдерживая его пристальный взгляд.

— Можно, да только не для чего,—строго сказал он.

Но Ядвига заметила не строгий тон, а тот взгляд, которым он оглядел ее с головы до ног в щегольских туфлях. И, поправляя выбившиеся из-под красной косынки темные пряди волос, сказала с ласковой насмешкой:

— Прóшу прощения, пан. И за помощь благодарна.

— Какая там помощь? Я работу кончил, теперь отдыхать должен.

— И я зараз брошу. А только за чем вы на табурет сели? Я ж не могу с окна прыгать.

Долго потом не мог Иван Егорыч понять, как это тогда у него сорвалось:

— Давайте сниму.

А она точно обрадовалась. Горячими звеньями обвились вокруг шеи Ивана Егорыча обнаженные выше локтя руки. Душистым дыханием за щекотал лицо веселый смех:

— Да пустите же!

Опустил на пол, но рук не разжал.

— А зачем трогала?

— С ума вы сошли!—Гибко изогнувшись, вырвалась и убежала.

Вот с этого и пошло...

Завод, шумный трактор, товарищи,— все это больше не было тем, что наполняло жизнь Ивана Егорыча. Когда обращался к нему кто, он растерянно смотрел на спрашивающего, просил повторить вопрос, на шутки отмалчивался. В тракторе жевал, что подавали, а когда возвращался в мастерскую, руки машинально производили привычные движения над станком. И сам Иван Егорыч казался себе механизмом, в котором маятником стучало сердце.

После трех маятник этот начинал давать перебой. Иван Егорыч все чаще вскидывал к закопченным часам быстрый взгляд. Вот уже короткая стрелка доползла до пяти. Теперь остановка за минутной. Она будто зацепилась за цифру «10». Нет, движется. И как только сравняется с черной точкой над двенадцатью, Иван Егорыч швырнет в ящик инструмент, нахлобучит кепку, пиджак на ходу натягивает.

— Постой, гудка не было еще,—крикнет кто-нибудь вслед.

Иван Егорыч молча ткнет пальцем вверх, на часы... и домой... домой.

В груди бьется уже не тоскливый маятник, а кажется Ивану Егорычу, что там у него птица крыльями взмахивает и от этого ему дышать нечем и лететь охота.

Войдет в кухню. С тех пор, как он сошелся с Ядвигой, Казимира не носила больше безрукавных и голоспинных капотов. И брюзжать стала сер-

— Прощу про-
дья, но сестра
велела вымыть до-
чисту.

дито, по-хозяйски. А ему
не все ли равно, что она
буркнет в ответ на его
приветствие?

— Ядвига вернулась?—первым де-
лом спросит он, и наклонит под кран
разгоряченное лицо.

— Юш,—кинет Казимира и раз-
драженно прибавит:—до-то на самом
деле, и пол, и стены все забрызганы.
Так не можно, пан Ян...

— Какой я пан,—засмеется Иван
Егорыч, фыркая над раковинной.

Ядвига любила шалить. Войдет
Иван Егорыч в комнату, а она при-
таится за дверью и сзади запустит
пальцы в его намокшие от умыванья
волосы. А то притворится будто спит,
и лишь только он нагнется к ней,—
охватит шею и куснет за ухо.

Зато и попадало ей.

— Тебе, Януш, никакого инстру-
мента не надо. Ты сталь, як дротину
гнуть можешь,—говорила Ядвига, не
умея пошевелиться в твердых тис-
ках его рук.—Пусти, а то калеккой
зробишь.

Иван Егорыч заглянет в глубину
ее карих глаз и хочет сказать ей,
что, если бы она из тончайшего стекла
была сделана, и тогда не разбил бы
он ее. Столько нежности у него,
столько ласки—где же повредить!

Пришло время, когда Иван Егорыч
захотел узнать прошлое Ядвиги.

— Я—одна, вот и все,—коротко
отрезала она.

— Значит развелась с мужем?

— У нас, католиков, разводу не
бывает,—уклончиво ответила она
и сейчас же присавила.—Але я ж не
пытаю пана—есть у него жона, или
нет. Раз ты со мной—то есть ты мой.

— Моя жена что... Ей лишь бы я
сына не забывал. А она хоть и есть,
да вроде как нет. Несмелая.

Все реже вспоминался Ивану Его-
рычу робкий облик Дуни—кудельки,—
и Фильки, такого же белоголового,
как мать. Все, что касалось деревни,
будто подернулось густым паром. Ясно
и понятно было только то, что хо-
рошо ему, до жути хорошо здесь,
с Ядвигой. И не понимал он, как это
раньше могло быть, что он без Ядвиги
жил, она без него!..

Работает, бывало, и на собрание
пойдет, и над книгой подолгу сидит,

а все оставалось время, которое нечем было заполнить. А теперь о буднях и говорить нечего, как летели дни. А праздник настоящим праздником бывал. Очень любил Иван Егорыч ходить с Ядвигой в театр и кино. Гордился он ею. Ведь тоже баба, только из польской деревни, а какая вся складная, ловкая. Нарядится—все к лицу. Волосы у нее темные, она их белым шарфиком прикроет, к вишневному плагью палевую бархотку гранатовой брошкой прикрепит. Стан затынет—и полная грудь оттого еще пышней кажется. Работает на фабрике, но руки всегда белые и пахнут хорошо. Впрочем и вся она душистая.

— И где ты взялась такая?—вырывается иногда у Ивана Егорыча.

А она:

— Януш, коханий, Януш мой...

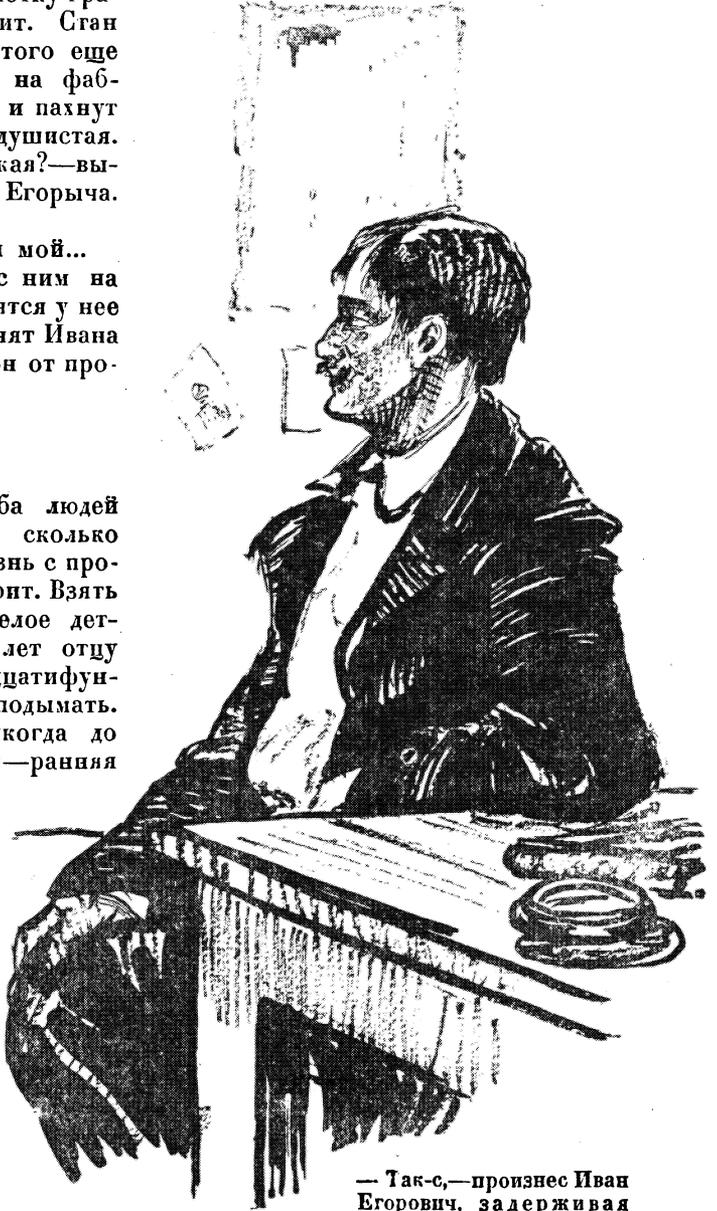
И упруго ступает рядом с ним на изогнутых каблучках. Искрятся у нее глаза, на щеках ямочки дразнят Ивана Егорыча, и часто слышит он от проходящих:

— Эх, хороша...

Своейравно оделяет судьба людей счастьем. Одному нивесть сколько пожалует, а другой всю жизнь с протянутой рукой перед нею стоит. Взять хоть Ивана Егорыча. Тяжелое детство в деревне. С десяти лет отцу в кузнице помогал. Пятнадцатифунтовый молот отец заставлял подымать. Семья—большая. Хлеба никогда до новины не хватало. Потом—ранняя женитьба. Жена—не поймешь ее, ни ласки от нее, ни брани. Уехал с двадцати лет в Москву и вот шесть лет—с завода на завод. В деревне только на побывке бывал. И, хотя по Дуне не очень тосковал, городскими, доступными женщинами брезговал. И жил хмуро. Вот тут должно быть судьба заметила, что так не годится, и бросила Ивану Егорычу не полной пригоршней, а так—шепотку счастья. Но и она меж пальцев проскользнула.

Шел он с Ядвигой по бульвару, и радостно чувствовал теплоту ее плеча, крепко опиравшегося о его руку.

Навстречу—целая шеренга «галифе» защитного цвета. Один, в форме шофера, остановился перед Ядвигой и что-то сказал ей по-польски. Она вспыхнула, засмеялась коротко и оглянулась на Ивана Егорыча. Шофер, без улыбки, настойчиво сказал ей еще

— Так-с,—произнес Иван Егорыч, задерживая взгляд на Ядвиговых локтях.

— Что-то на самом деле, и пол, и стены, все забрызгано. Так не можно, пан Ян...

несколько слов. Тогда Ядвига оставила руку Ивана Егорыча и повернула назад. Поляк быстрым шагом двинулся за ней.

Что-то рванулось в груди Ивана Егорыча им вслед. Потом пробежало к ногам и наполнило их холодной тяжестью. И весь он будто поledenел, так что, казалось, с места нельзя двинуться, непременно упадет. Но до скамейки дошел. И не помнит сколько просидел на ней. Только, когда подходил к дому, заметил, что на улицах совсем народу не видно, а фонари едва теплились. С тоской, будто в склеп, вошел в темную комнату. И вдруг услышал ровное дыхание. Не зажигая огня, бросился к кровати. Ну, да—она! Разве есть еще у кого-нибудь в целом свете такие косы, такая гладкая, горячая кожа... Спит, как всегда, лицом к стене. Наклонился, поцеловал, и мгновенно откинулся: пахнуло от горячих Ядвиговых губ вином. Снова склонился и цепко схватил за плечи.

— Что-то есть?—испуганно вскрикнула Ядвига.—Пусти... Больно...—она рванулась.

— Где шлялась? С кем пила?

— Ян, я до драки не привычна,—и так резко откинула его руку, что

он больно стукнулся локтем о железную спинку кровати.—Зараз зажги огонь...

Иван Егорыч зажег спичку. Ядвига, сдвинув брови, подбирала порванную в плече сорочку и ее обнаженная грудь сердито вздрагивала. Спичка, догорев, обожгла Ивану Егорычу пальцы. Он зажег другую и поднес к фитилю. Но стекло долго не попало на горелку, и черная струйка копоти зазмеилась над желтым огнем.

Ядвига торопливо завязывала тесемки белой юбки с кружевными оборочками. Потом натянула чулки и шелкнула резиновыми подвязками.

— Куда ты?

Она отвернулась, чтобы взять висевшую на стене юбку, и он увидел на ее плече и шее багровый отпечаток своих рук. Жалость клубком подкатила к сердцу.

— Ядя, Ягодка, ну, не обижайся!

Ядвига блеснула влажными от злых слез глазами.

— Грубиан, хам. Зобачь, цо зроби...

Она, закинув голову, взглянула на свое покрасневшее плечо и с силой оторвала болтавшееся под рукой кружево.

— А как я молчу, цо ты своей бабе деньги посылаешь? Я своими глазами квиток с почты видела. А мне не можно с знакомым прогулки иметь? Скажите, пожалуйста. Еще як бы ты мой муж был, а то может завтра баба твоя приедет и ты меня—дойой.

— Ядя, будто ты не знаешь...

Насилу помирились. Были два пункта мирного договора: Один:—купить кружевную косынку и настоящую пудру «Лебяжий пух» с таким же мылом—сравнительно легко выполнимый пункт: остаться на сверхурочную раза три, четыре. А вот другой пункт—тяжелый, трудный:—получить от жены развод и записаться с Ядвигой в Загсе. А то Казимира попрекает и насмехается, что Ядвига «так живет» с ним. Вот тогда Ядвига по настоящему будет—«як бога кохат Януша»... До тех же пор она—свободна.

И нередко стало выходить так, что вернется Иван Егорыч с завода, а Ядвига нет. Ждет ее до двенадцати, до

двух. Тоскует. Придет она, глаза блестят, пахнет духами... Сбросит с себя одежду и в одной рубашке садится ужинать. И будто не замечает его унылого лица. Смеется, рассказывает, что видела в цирке, кино.

— Да почему же ты мне не сказала, что пойдешь? И я бы...

— Что ты мне — муж, что я должна спрашивать тебя?—И нахмурится. Значит: напоминает о том тяжело исполнимом для Ивана Егорыча пункте.

И Иван Егорыч решился. Кубовым майским вечером провожала его Ядвига на вокзал. На извозчике они опять едва не поссорились. Не понравилось Ивану Егорычу новое платье на Ядвиге. Материя такая прозрачная, что просвечивают сквозь нее прошивки на рубашке и голубой бант на лифчике.

Ивану Егорычу даже показалось, что и извозчик оттого согласился за семь гривен вести их такую даль, что заметил этот голубой бант у Ядвиги. Время от времени он сердито взглядывал на Ядвигин профиль, особенно розовый под кружевной косынкой. Потом спросил:

— Ты что же это, на радостях, что меня провожаешь, вырядилась так-то наголо?

— А ты как разумеешь?—неопределенно улыбнулась Ядвига.

Не разберешь ее,—тоскливо подумал Иван Егорыч. И вдруг вспомнил, как дня три назад он встретил Ядвигу с тем самым высоким шофером, из-за которого произошла первая ссора. И как она убеждала его, что встретились они случайно, и при этом вот также непонятно—нето насмешливо, нето лукаво—улыбалась...

Он отодвинулся в угол сиденья. Но до его сжатой в кулак руки дотронулись шаловливые пальцы. От них теплые струйки полились в грудь, губы дрогнули и слетели с них нежные слова:

— Ядя, Ягодка моя...

На встречу шли галифе. Один, в форме шофера, сказал Ядвиге что-то по-польски.

В вагоне, на прощанье, хотел сказать ей о чем-то значительном, но не знал, совладеет ли с голосом. Слишком туго что-то сдавило горло. Мог только шепотом напомнить ей:

— Смотри ж, пиши, как я сказал... А я долго не пробуду. От силы недели полторы. Как устрою развод, так и назад.

Уходя из вагона, Ядвига вынула платочек и поднесла к глазам. Еще раз пахнуло от него на Ивана Егорыча «Лебяжьим пухом»... А через минуту фонарный столб, на который кокетливо облокотилась Ядвига, двинулся назад. Иван Егорыч прочистил локтем стекло и, глядя на медленно плывущую назад Москву, старался между рядов заводских труб распознать свою. Скорей всего, что вот это она, рядом с длинным кирпичным корпусом и деревянной вышкой. Теперь топка на фабрике нефтью, и дым от нее тяжелый. Висит тучей и подолгу не расходитя.

Солнце садилось в облаках. На плотно синем небе белой запятой висел молодой месяц. Дрожа тянулась телеграфная проволока, похожая на нотные линейки, с чернеющими на них галками—нотами. В сумерках волновались в полях густые зеленя.

Ни в первый, ни в последующие дни Ивану Егорычу не пришлось говорить со своими по какому делу он приехал.

Попал он как раз на свадьбу своего младшего брата. А свадьбы в деревне Торжковой играли криливо, суетно и подолгу. И хотя молодые в Волисполкоме расписывались, отцовские и дедовские обряды все же исполнялись. Начнут «запой» с девишника. Невеста вопит, а подружки-девки шушукуются и сокрушенно качают головами. Сваты «корят», конфузят молодых, прикладываясь к рюмкам... Гармонист из себя выходит. Гармонь к груди прижимает и на колено откидывает. Сваты, перевязанные по рукаву новыми платками, сами точно накрахмаленные, прямиком сидят по лавкам. Пальцы растопырят, упрут в колени, и жаут угощения. И всех, от малого до старого, надо накормить, напоить, да так, чтобы не осудили, что на свадьбу «капиталу» пожалели.

Иван Егорыч ушел от гостей пораньше и лег в амбаре, подостлав соломы. Во дворе, как другие, он не мог спать: прямо в лицо глядел месяц и мешал шум гульбы. Позвал с собой Фильку. Тот молча лег, ткнулся ему в плечо и засопел. Иван Егорыч погладил его по спине.

— Большущий ты стал мужик, Филька.

— Ничего, — вздохнул Филька. И опять молчание.

— В мать, видно, молчаливый вышел.

Позднее послышались у амбара шаги. Филька присел, прислушался. На пороге затемнел чей-то облик.

— Ну, теперя я к мамке пойду, — заявил Филька.

Зашелестела под его ножонками солома.

— Мамка, ты?

— Я, сынок.

Не спалось Ивану Егорычу. Пока перед глазами были люди, с которыми надо было говорить, пить и петь — легче было, — не так томила тоска по Ядвиге. А вот сейчас всплыла она перед глазами, дразнит его обманчивым сиянием глаз. Гонит сон. Мука думать о ней. Стал прислушиваться, к чему бы прицепить разгоряченные мысли.

На деревне тихо. Где-то равномерно повизгивало в телеге немазанное колесо. Под полом амбара возлились мыши. И вдруг явственно послышался сонный Филькин голос:

— Мамка, ты чего реवेशь? Будя, а то и я зареву...

— Ш-ш, сынок, спи с богом.

— Мамка, а вигь я ему нынче не молился, — признался Филька.

— Это здря, сынок...

— А я сичас стану. Только не так как поп: «госпомилуй», а по своему, как надясь.

— Ну-к, что ж...

Филька закрихтел, громко зевнул и заговорил лениво и мягко:

— Ты, бог, мамку и тятку миловай беспременно, потому как она, мамка, мать мне родная, а тятка картуз привез и ремень ракилованный. Такого-то ремня всю деревню обшарь — не сыщешь. Тетку Таньку тоже спасай, она завсегда молоко изпод коровы похлевать дает, и вишенья сухого в подол насыпет. А тетку Катьку не миловай и не спасай. На кой ее спасать? Что рубаху новую на свадьбу нарядить не дала?.. Ведьма эдакая.

— Цыц, сынок! — всхлипывая, остановила Дуня, — спи...

— Ладно, я и то об остальных не стану молить. Пушай сам как знает: хошь миловаец, хошь нет.

Иван Егорыч беззвучно засмеялся.

— Ишь, жулик, — подумал он о сыне, — не то, что безбожник, а хватай выше — указания богу делает.

— Мамка, — уж совсем засыпая протянул Филька, — а мухи, небось, тоже молятся. Я видал: помахает против лобу лапкой и кланяется. И правда... Да ты щеку вытри, а то мокрал, — сердито прибавил он.

— Спи, спи, — в голосе Дуни кроме слез слышалась нежность. — Положь на плечо головушку, да и засни, глупенькой.

Утром отец Ивана Егорыча, без рубахи, в одних портках, долго хлюпался у колодца. Филька, не моргая, смотрел, как дед льет на седую голову и красную, в лиловых жилках, шею холодную воду. Такие добровольные муки были совершенно непостижимы для Фильки.

Потом вся семья, уже озабоченная, по будничному, завтракала свадебными остатками. Молодые сидели в сторонке. Старик первый встал и подошел к Ивану Егорычу.

— Дунька к своим тебя свести собирается. Ейная родня в обиде, почему, мол, зятек в свою сторону вернулся, а к нам и не объявляется. Сходить надобно.

Иван Егорыч взглянул на Дуню.

— Ты что не сама рассказываешь?

— Я не смею.

— Собирайся.

До брода шли молча. Филька, присвистывая в глиняный свисток, похожий одновременно и на собаку, и на петуха, бежал впереди.

— Давай отдохнем, — предложил Иван Егорыч, когда поднялись на крутой берег.

Он лег на траву и закинул руки за голову. Дуня присела на краю тропинки.

— Чем это так пахнет хорошо? — помолочал, спросил Иван Егорыч.

— Вишь, все в цвету, — поглаживая траву, сказала Дуня.

Земля цвела белым цветом гречихи и пестрыми мотыльками гороха, лиловыми звездочками картошки и желтоглазыми подсолнухами. Щебрец, пригретый солнцем, при каждом вздохе ветра лил целые ушаты аромата, от которого сладко делалось в горле и голова кружилась.

— Дуня, — позвал Иван Егорыч.

— Я тут, — чуть слышно ответила Дуня.

И оттого, что в голосе ее была настороженная тревога, Ивану Егорычу легче было начать. — Догадывается, значит, — решил он и, сразу, единым духом проговорил:

— Я с тобой жить не стану, отвык я от тебя. И от деревни отбилсь. Не правится мне тут...

Дуня коротко вздохнула. Раз. Другой. Отщипнула пучек травы, изорвала в куски и бросила.

— Я и то примечаю что-то... — перередела дух. — А уж в деревне, известно, — какая жизнь. — И замолчала. Потом быстро поднялась и крикнула надтреснутым голосом:

— Филька, назад ступай. Домой вертаемся...

Иван Егорыч оперся на локоть.

— Постой. А как же к твоим? И не поговорили ведь...

— Что зрящие слова говорить? Все сказал. А к нашим — поспеем. С бедой придем — торопиться нечего.

И пошла назад, не оборачиваясь на ревущего Фильку. Конец ее розового фартука то и дело всплескивался парусом от колен к глазам. У Фильки одна штанина, намокшая при переходе через брод, спустилась и облепила худую ноженьку.

Иван Егорыч смотрел им вслед, пока они не скрылись за недостроенной избой на том берегу. Потом

— Ты, бог, тетку Катьку не миловай и не спасай. На кой ее спасать?

взгляд его скользнул по дугу и задержался на белом, как большой ком ваты, гусе. Гусь вытянул одно крыло, прижал к нему оранжевую лапу и, изогнув гибкую шею, сердито тербил под крылом перья. Потом загоготал, взмахнул крыльями и грузно полетел к воде. Во все стороны понеслись от него белые пушинки и легкими одуванчиками закачались на зеленой траве...

Когда Иван Егорыч вернулся в избу, там было сумрачно. Молодежь уехала догуливать свадьбу к сватам. Отец что-то клепал у печи. На лавке за столом сидела Дуня. Филька ел кашу, старательно облизывая ложку.

— Дело, дело надумал сынок, — говорил старик, как только Иван Егорыч вошел. — Мы по полвека с женами жили. И все ладно было. А но-

не—в обед сватад, а в полдни раз-
направилась... «Катись, мол, от меня».
Только, милый, вот что я тебе скажу:
ты там как знаешь, а только и нам
бабы твоей не надобно. У меня окромя
ее три снохи. А делов не так то
много. И хоша бабенка она смирная,
а все—глотка. И опять же парень у
ней. А ты знаешь, что понешний год
она со своей нормы и шести мер не
собрала, а картошку не садила вовсе.

— Зато наткала за всех,—с горечью
проговорила Дуня.— Сама кудель брала,
сама трепала, ноченьки напролет про-
сиживала.

И заплакала.

— Так-то, парень,—продолжал ста-
рик.—Уж вы сами обмозговывайте
дела-то свои.

— Обмозгуем,—хмуро ответил Иван
Егорыч.

Дня через два сидел он с женой у
Сарычева, своего тестя. Там вся родня
собралась на семейный совет. Сна-
чала погорячились. Чуть до драки не
дошло. Но дядя Митрий урезонил:

— Дело говорите. А брань—опосля.

— Жалко мне девку, что и гово-
рить,—вздыхал Дунины отец.—А куда
ее взять? Кабы мать ейная жива была,
а то от покойницы трое осталось,—
да взял молодуху с тройкой, сам во-
семь выходит. Своих девок сбить не
чаю как. А то Дуньку, отрезанный
ломоть, назад бери. Ишь, чего не
было! Да еще с парнишкой. То ска-
зывал—вернусь, избу поставлю, а то
вон что...

— Эдак и другие твои девки по-
выдут замуж, а там, гляди, и назад
в избу. Да еще с приплодом. Корми,
дескать, батюшка,—насмешливо и
злобно сказала молодуха с истомлен-
ным лицом.

Дуня, прислонившись к косяку по-
рога, плакала.

— Насчет Хильки—это ты зря,
тетка Мархутка,—сказал дядя Мит-
рий,—разговор о бабе идет, а его мы
к себе взять согласны. Люди мы без-
детные, а он мальченка шустрый.
Пушай у нас живет, раз уж ему без-
отцовщина вышла.

Иван Егорыч встал. Душно ли стало
в избе от людей и клокочущего са-
мовара, а только, как больной зуб,
заныло сердце.

— Пойдем, что ли,—не глядя на
жену, позвал он.

Старик Сарычев вышел с дядей
Митрием проводить.

— Уж ты не того, а как следваает,
чтоб, значит, по хорошему,—говорил
Сарычев зятю, придерживая его за
рукав.

А дядя Митрий похлопал Дуню по
плечу:

— И право, Дунь, отдавай нам с
теткой парня, а сама куда хошь—
птица вольная.

— Куды я пойду, куды?..

Больше других сочувствовала Дуне
старшая сноха Татьяна. Вечером,
когда Дуня, искупав Фильку, чинила
ему рубаху, она подседа к ней и за-
шептала:

— Говорю тебе, сбегай к бабке
Аксинье. Она его приворожит. Ак-
синья—она дока. Варьки мельниковой
муж девять годов без вести пропал,
а как прослышала Варька, что он в
австрийской стороне, сбежала к бабке.
А та ей: «Отдашь, гыть, мне двух
поросят, как свинья опоросится—
верну мужа». А Варьке, конечно, не
то, что двух, а на такое дело и тройку
не жаль. На Ивана Постного, гля-
дишь,—мужик ейный заявился. «За-
мучила, гыть, меня тоска, тянет до-
мой. Высох весь»... Пойдем, Дунь, а?

— Вот Хильку уложу, сбегаем,—
вздыхая, согласилась Дуня.

Бабка Аксинья сначала и пускать
не хотела. Бегаёт к ней бабье, бре-
шит, а потом с председателем Вол-
исполкома неприятность выходит. За-
чем, мол, народ морочить... Насилу
умолили.

— С неделю, говоришь, туточка, а
—ни, ни... Ну, знамо дело, а у ево баба
есть.—Не пожалей полушалка, того,
что намедни в церкви была. Изделаю,
что надо,—перемаргивая остатками
редевьких ресниц, сказала она.

Дуня взглянула на нее красными от слез глазами.

— Да он у меня один—разъединный, для праздника остался. Сама знаешь, в голодные годы все проели.

— Как знаешь, дефка, как знаешь,— опять заморгала Ақсинья.

Татьяна подтолкнула коленом:

— Соглашайся, Дуняшка.

— И то,—вздыхнула Дуня.

Старуха засуетилась. Достала из-под лавки глиняную плошку с чем-то зеленым, бросила в нее остаток восковой свечи и зажгла лучину.

Баба Ақсинья, вода над плошкой лучиной, начала шептать при-ворот...

— Масла коровьего принесла?

— Вот, бабушка.

— Клади на стол, да разверни на ем тряпицу.

Положив масла в плошку, стала водить над ней лучиной небольшими кругами, все быстрее и быстрее. Потом зашептала, шевеля тонкими, лиловыми губами:

— Умоюсь я росую, утрусь престольною пеленою, пойду я из ворот в ворота, выйду в чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу на сторонущку, где красное солнышко припекает мхи, болота, черные грязы. Так бы присы-

хал раб божий Иван об мине рабе божьей Дуняшке. Сердце—в сердце, думы—в думы. Спать бы не заспал. Гулять бы не загулял...

Женщины слушали, затаив дыхание.

Лучина погасла.

— Ну, вот, этим маслом смажешь ему сонному голову, а утром в кашу прибавишь эдак с ложечку.

— Бабушка, а вреда ему от этого

никакого не будет?—опасливо спросила Дуня.

— Ничаво не будет. Потоскует маленько, только и всего...

С вечера долго дождалась Дуня, пока уснула вся семья. Тогда, захватив принесенного от бабки Ақсиньи масла, подкралась к амбару и притаилась у притолки. Из глубины амбара слышалось сонное дыхание Ивана Егорыча. Она шагнула через порог и на коленях подползла к мужу. Протянула в темноте руку, наткнулась на влажный, горячий лоб и сейчас же провела выше, по густым волосам. Иван Егорыч сначала проворкотал что-то непонятное, а потом ясно так и ласково:

— Ядя, Ягодка моя, желанная...

Дуня, как будто наткнувшись на что-то острое, резко откинулась и больно ударилась о закром.

Иван Егорыч проснулся от ее стона.

— Кто здесь?

— Я, Дуня.

— Зачем ты?

— Одежду хотела взять.

— А-а, а я думал... чего не следует.

— Да на кой ты мне нужен,— затрепетав от обиды, проговорила Дуня. И, выпрямившись, пошла из амбара.

Уже несколько раз заходил Иван Егорыч в Волисполком насчет развода. А там все в бумагах неправильность находили и тянули день за днем. Не знали, что каждый лишний день без Ядвиги многого стоит Ивану Егорычу. А она, как нарочно,— ни одного письмаца. И злится он на нее, и тоскует... Чтоб время обмануть пошел с отцом в кузницу. Старик, видимо, недоволен был сыном. Почти не разговаривал с ним. Даже от папироски отказался.

— Некогда нам табаки раскуривать...

И сердито опускал тяжелый молот на до-бела раскаленные подковы и сошники.

Иван Егорыч раздувал меха, клепал смычки на обручах. И вспоминалось ему невеселое детство... Часа в три прибежал Филька с горшком каши и краюхой хлеба.

— А тебя, тятка, из волости звали, мамка велела, чтоб шел. Письмо тебе, сказывают, пришло.

Иван Егорыч схватился за шапку.

— Ай, есть не станешь?— удивился отец.

Куда там есть...

Запыхался так, что когда подошел к столу, где выдают письма, слова не мог выговорить и только руку протянул.

— Имеется для вас пакетик, да еще вон какой.

И, порывшись в ящике, почтарь протянул ему голубой конверт с отписнутым на нем в уголку веночком из мелких роз.

Как голодная кошка мышёнка, так схватил Иван Егорыч письмо и быстрыми шагами направился в поле. Там в глубине чьей-то межи разорвал заветный конверт. В середине тоже голубой листок с розочками и явственным запахом «Лебяжьего пуха».

Мгновенная радость, а за ней стон боли.

— «Януш, должна сообщить, что я уезжаю в Польшу. Думала, что никак этого не дожду, но чрез пана Кобецкого, ты его видел со мною, весь наш эшелон беженцев получил пропуск. Прошу прощения, а только без Польши не могу жить. Ядвига Вислоцка».

Прочел. И еще раз начал: «Януш, должна сообщить»... Дальше не читал: будто толкнул кто-то сзади, — как стоял—упал грудью в траву. Руки затрепыхались, как крылья у подстреленной птицы, потом взметнулись к голове. Пальцы вцепились в волосы... Долго лежал так, уткнувшись лицом в землю. Потом зарычал, вскочил, и стал с корнем рвать высокую траву. Огнем горело сердце. Мутилось в голове. Но жгучая боль в руках заставила опомниться. Поднес их к лицу и увидел, что все они покрыты большими белыми волдырями.

Аршинная крапива густо росла по меже и терпеть не могла, чтоб ее беспокоили.

До ночи прометался по полю Иван Егорыч. Побродит, потом снова ляжет в траву и голову схватит. И всякой мушкаре начинает казаться, что он спит. Тогда и муравей бесцеремонно поползет по шее, и мотылек над самым затылком вьется. Но неожиданно Иван Егорыч вскочит на ноги и снова шагает, шагает.

Уже упала вечерняя роса и задымилась река, когда он вернулся домой. Никто его не окликнул, когда он проходил по двору к амбару. Там лег на солому и закрыл глаза. Почти тотчас же затопали по амбару босые ноги.

— Тятка, это я, Филька.

Иван Егорыч открыл глаза. Филька, шморгая носом, молча протянул ему кружку с молоком.

— Тетка Танька дала. Сичас только надопла. Гляди—пузыри по им какие... Пей, ничаво...

Иван Егорыч сделал несколько жадных глотков.

— А тебе как же?

— Ничаво, хлебай. Я уж напился.

— Ложись со мной, Филья.

— Ну к чтож? Ремень вот распояшу и лягу.

Через минуту приплюснул нос к отцовскому плечу и не слышал, как дрогнуло это плечо раз, и другой, и еще, и еще...

На рассвете Дуня, выгнав за ворота корову, сказала возившейся с тестом Татьяне:

— Гляди, чего наделала бабка Аксинья. Всю ноченьку маялся Ваня. То застонет, то схватится. Я думала: Хилька не беспокоит ли. Кликнула,— а он не пускает парня.

— Вот вишь, я тебе сказывала. Не бабка она, а колдунья настоящая.

— Сыми-ка мне зипун,—попросила Дуня. — Надо Хильку прикрыть, а то как бы не простыл. Нынче зорьки больно холодны стали.

Как ни осторожно ступала в темноте амбара, все-таки—задела плечом вилы и они упали, звякнув железом об пол.

— Ты, Дуня? — окликнул Иван Егорыч.

— Я, думала парня прикрыть.

— Поди сюда.

Когда присела на солону, положил голову к ней на колени. И обнял.

— Худенькая ты, как дсвченка...

— Горе хоть кого ссушит, голубь.—И заплакала.

Иван Егорыч приподнялся, прижался щекой к Дуниной щеке:

— Ну, да ладно. В Москву с собой заберу, там живо отойдешь.

Их слезы смешались. И были они, как первая оттепель после морозов. А за ними повеяло теплом примирения.

Завтракали в тени у колодца.

Уже все знали, что Иван Егорыч и жену, и сына забирает с собой в Москву.

— Дело задумал, сынок, — опять проговорил старый кузнец. но уже совсем иным тоном, чем неделю назад.

И Филька тоже одобрительно глядел на отца. Помнил, что тот обещал свезти его в Москву в такое место, где всякое зверье и птицы в клетках сидят, и видмечь на задних лапах ходит...

— Дунька, — крикнул весело меньшей деверь,—ты что нарумянилась нонче?

— А тебе что?—отворачивая смеющееся лицо, ответила Дуня.

И вдруг вскочила и кинулась в избу. Там, став на колени, открыла сундук и достала из него голубой шерстяной полушалок с алыми цветами. Жалко стало платка, а все же надобно снести бабке Аксинье. Обещалась. Нечегс делать...

— И куда ей, старой, такой веселый платок? Цвет-то какой небесный!

В последний раз прикинула его к лицу перед кривым зеркальцем. Потом сложила аккуратно, сунула за пазуху и легким шагом пошла к воротам.

Филька оседлал сухой подсолнечный ствол и поскакал за ней вдогонку.

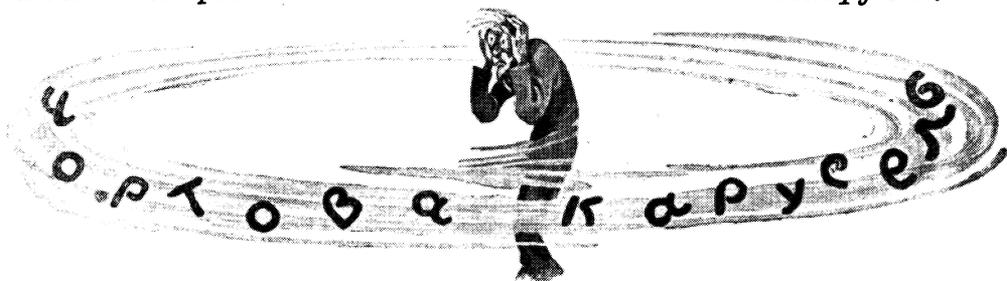

16 июля исполнилось два года со дня кончины известного писателя, драматурга и художника, Петра Петровича Гнедича. После него осталось 22 нигде не напечатанных и написанных за последние годы рас-

П. П. ГНЕДИЧ.

сказа, в жанре его когда-то нашумевших «Песных Мух». Два рассказа приобрела редакция «Мира Приключений». В этом номере мы даем «Чортову карусель», а в следующем—второй, рассказ,—«Альтруист».

ЛЕНТА КИНЕМАТОГРАФА НАШИХ ДНЕЙ

Посмертный рассказ П. П. ГНЕДИЧА.

(Написан в 1920—1921 году).

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА.

I.

У него была шатающаяся, неровная походка. Он так колыхался на твердо ступающих ногах, запрятанных в высокие, полустоптаные резиновые галоши, из которых сзади торчала малиновая суконная подкладка, как колыхаются только паралитики или контуженные в боях. Ему было лет за пятьдесят, борода у него шла клином, и в ней один клочок был седой. На носу у него помещалось пенсне, блестящее как золотое, хотя в сущности едва ли было сродни этому благородному металлу. Он был в теплой шапке какого-то эскимосского покроя, с ушами, как у легавого пса,

и в потертом рыжем пальто на вате, с поднятым пегим бархатным воротником.

Он поднялся по шести ступеням мокрого крыльца деревянного домика, с голыми, зябнувшими деревьями за зеленым пожилым забором. На двери была криво прибитая медная доска с надписью «П. П. Пигунова». Он придавил пуговку электрического звонка, что круглилась сбоку, и, повернувшись к двери спиной стал ждать, когда ее откроют, все повторяя:

— Выгорит, не выгорит? Выгорит, не выгорит?

Он позвонил еще и еще. Послышались шаги. Кто-то торопился. Визгнула задвижка. Через цепочку задум-

чиво посмотрел на звонившего зеленый глаз. Гость ослабил ся.

— Пелагея Павловна дома?—вкрадчиво, но с некоторой хрипотой спросил он,—я к ней.

Зеленоглазая девица как-будто проснулась. Она впустила его, но, повидимому, без особенного удовольствия. Он вошел в темную прихожую, снял галоши с малиновой подкладкой, снял рыжее пальто, раскатал шарф, которым была закутана его длинная, жилистая шея, вытер платком слезящиеся глаза и запотелые стекла пенсне, спросил «можно»? и вступил в гостиную.

II.

Гостиная была такой, как и полагалось ей быть в деревянном домикособняке. На диване лежали три подушки. На вязаной скатерти стола стояла керосиновая лампа, и синяя змея с золотыми крапинками трижды обвивала ее мутно-серый резервуар. Над длинным палисандровым фортепиано висела картина, изображающая озеро Комо. Ниже озера, в кожаной раме с красными лепешками каких-то странных цветов, помещалось фотографическое изображение коротко стриженного старца, сердито смотревшего вдаль. Вошедший сел на стул у стола и кашлянул.

В воздухе пахло чем-то зловонным.

— Должно быть хлеба печет,—подумал он и проглотил слюни.—Выгорит, или не выгорит? Выгорит, или не выгорит?

Пелагея Павловна вошла, когда он выговаривал про себя слово «выгорит». Она тоже не очень обрадовалась при виде гостя. Она сделала кисло-сладкое лицо и сказала:

— А, чудо заморское!

Он вскочил со стула и стал пожимать ее толстые руки.

— Пелагея Павловна! Родная! Как поживаете? Давно собирался... Ну, как?

— С которых это пор я вам стала родная? Присядьте.

Она подозрительно посмотрела на его трясущуюся бороду и склерозный нос с сетью фиолетовых жилок, а сама села по другую сторону стола.

— Вчера я встретился с Флегонтом Егорычем, — начал он, захлебываясь и раскачиваясь.—Стал ему жаловаться на желтенькую жизнь, на скудность. А он и говорит: «Поезжайте к Пелагее Павловне. У нее чаша полная».

— Ишь какой! Откуда он это взял чашу полную?—воскликнула она.

— Стало быть знает, коли говорит.—Поезжайте, говорит, к ней, — она поделится.

— Так вот и поделилась! Была нужда!

— Великая нужда, многотимая,—великая!

— А вы думаете, — другие не нуждаютсяся?

— Какое мне дело до других, Пелагея Павловна? Мой желудок урчит,—мне это важно.

— А я вам ничего дать не могу!—отрезала она.

III.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Мне известно,—начал он,—что вы обладаете парой бурых холмогорских коров.

— Обладаю.

— Что они дают молока уйму. Больше того: вы имеете трех дойных коз.—Больше того: вы разводите сирых кроликов.

— Развожу. Но что ж из эстаго?

— Вы знаете мою маман?—Анну Ивановну Повал-Заливникову?

— Жива еще старушка?

— К сожалению, да. Говорю: «к сожалению», как любящий и почтительный сын. Лучше бы ей умереть пять лет назад, и не видеть того, что совершается вокруг: эту дьявольскую карусель.—Старушка в последнем градусе чахотки. Она сидит в двух шубах и кашляет, кашляет. День кашляет, ночь кашляет. Кто это сказал, Софокл, кажется: «счастливы те, кто совсем не рождался»?

— Это точно,—подтвердила она.

— Так вот, многотимая, и сел я на поезд, и полетел сюда, к вам,—не за себя просить, а за мою старушку. Не дайте умереть ей. Вы можете это. Вы можете помочь ей. И буренушки ваши могут, и козочки ваши могут. Из кроличьего пуха можно связать

такие варежки теплые... Я готов на коленки стáть. Да. Я пред вами на коленках буду ползать. И позором это не считаю. Я для тапан это делаю. Сейчас встану.

— Только коленки себе утрудите. Все равно не дам.

— И для тапан? Какое у вас черствое сердце.

— Тут не в том дело, черствое оно или нет, — а ежели у меня столько потребителей, что не достает товара? А тут вдруг, на-ко, с неба свалился какой! Мать больна! Мало у кого мать больна! У меня, вон, мизинцы скрючило. Не то отморозила, не то с подагры. Ноне подагра на все места садится. У генеральши Изюмовой на язык села. Вон, у генеральши Изюмовой дети, тоже болящие, — так она мне по десяти рублей за козье молоко в день платит...

Он протянул руки.

— Вы, кажется, сомневаетесь в моих депансах? — воскликнул он. — Возьмите что хотите, я озолочу вас, но только поддержите старушку.

IV.

Она опять посмотрела на его потертый пиджак и рахитичный галстук, и брезгливо покачала головой.

— Это маленькими бумажками-то вы золотить меня будете? Так не надо. Что в них? Шини один.

Гость сдвинул брови.

— Однако же, почтеннейшая, — мы и за квартиру ими платим, и вот за билет в кассу я заплатил, — и взяли... И хлеба на них купить можно...

— Да вам что, собственно, надо? — спросила она не так уже сурово.

— Молочка! Маслица! Муки! Сахару! Она захохотала.

— Я сама сахарцу да мучки готова купить, — а не только от себя отделить. Вон, слышите звонок? Это генеральша пришла за своей порцией, с бутылочкой. И бумажку красненькую принесла. Она каждый день красненькую бумажку дает. Договор такой.

— Молочка, дайте от буренушки молочка! Пелагея Павловна, слезно прошу вас, — униженно. Представитель старого рода, которому восемь веков, — просит. Внемлите.

— Чего мне внимать? Катька, коли это генеральша, — проси прямо сюда, да отпусти ей, что полагается.

— Родная, вы уж и мне отпустите, что полагается... А то вот сейчас, сейчас, при генеральше, на коленях стоять буду, и лбом стукаться об пол, как старообрядцы перед Праскевой-пятницей...

Она строго сдвинула брови.

— А старообрядцев вы оставьте в спокойствии, — сурово сказала она: может, я сама старой веры?

Пенсне у него соскочило с носа.

— Простите, простите! я не знал! — залепетал он. — Я сам религиозный человек. Я с детства привержен к православию.

В полутемной прихожей застучали бутылки, зашелестили платья. В гостиную вошла маленькая женщина с растерянным лицом и одной прямой, другой выведенной дугой бровью. Она держала головку на бочек и старалась сделать улыбку, как можно приятнее.

— Это опять я, — нежно заговорила она. — Я думаю, я вам так надоела?

— Что вы, генеральша! По нужде видимся. Позвольте познакомиться. Господин Заливников. Знакомы?

— Вы Марье Федоровне Заливиной не родственник? — осведомилась она.

Он приосанился.

— То Заливины, — внушительно поправил он. — А я — Заливников. Я с Марией Федоровной даже не в свойстве, — продолжал он. — Она из рода Заливиных, а я — Повал-Заливников. Тот род новый. А наш — старый.

V.

— Ну, как ваши детки? — осведомилась хозяйка.

Генеральша махнула рукой.

— Не спрашивайте! Заботишься о них, ночи не спишь, а что будет — неизвестно. Куда мы идем? Вы, мосье, не знаете, куда мы идем?

Он изобразил на лице беспокойство.

— А кто же это знает?

— Никто не знает! Самое ужасное, что никто не знает! И самое ужасное, что нет прессы. А если б были га-

— Молочка, от буревушки, молочка! Представитель старого рода просит!

— Уж куда тут,—вставила Пелагея Павловна.

— А как же они объясняются? Полюбопытствовал Повал-Заливников.

— Я даже не могу повторить. Настолько это...

Генеральша развела руками.

— Настолько это дико и цинично.

зеты, было бы хуже, потому что мы умерли сы от горя. А теперь мы живем впотьмах, в склепе, и как будто на что-то надеемся. Как будто иногда что-то забрежжит в далекой-далекой дали. Вам, Пелагея Павловна, не брежжит иногда?

— Уж чего тут брежжит! Козы, вон, трясут ушами, и так на тебя смотрят, что ажно жуть берет.

— Да, вы правы, — жуть берет. Особливо дети. Вот такая девочка, в фильдекосовых чулках идет по морозу и кричит: «я хочу призывности!». Так-таки и кричит: «я хочу призывности!». Я чуть бутылку не выронила. Хотела спросить: кто же твой папаша?—да махнула рукой. Теперь самое лучшее на все махнуть рукой.

— Я давно махнула, — подтвердила Пелагея Павловна.

— Три поколения испорчены. Ну, не три: скажем,—два. Два изъедено червоточиной в корне. У вас, monsieur, нет детей? Да, вы счастливы, что неженаты! Теперь дети,—это самый тяжелый крест. Особливо для вдов. Что дети видят, какой пример? И как странно нынче изъясняется молодежь в любви! В наше время так не изъяснялись!

У Повал затряслась борода. — Однако?

— Впрочем, извольте, я повторю. Ко мне приходит моя племянница Женичка, — она на курсах дикции и декламации. Так там подходит к ней один и говорит. Она ко мне прибежала вся в слезах... Говорит: «как бы я желал от вас иметь ребенка»...

Пелагея Павловна звонко захохотала, точно заржала лошадь в косяке.

— Ловко!—выговорила она, давась от смеха.—Что же Женичка?

— Женичка плачет! Прибежала ко мне и кричит: «тетенька, подумайте, подумайте!»

— А я бы взяла его за шиворот, да мордой в помойную яму, в помойную яму! — мечтала Пелагея Павловна.

VI.

— Да, теперь детей труднее воспитывать, чем когда-нибудь! У них мысли стали совсем не те, что должны быть у молодого поколения,—продолжала генеральша. — И такие странные все вопросы задают. Говорят слова такие, о которых мы и не слыхивали! Мне старший мой сын

говорит: если, «тапан, вы не дадите мне денег, то я принужден буду прибегнуть к превафикации».

— Скажите, какая неприятность!— удивилась Пелагея Павловна.

— Или, например, вдруг он говорит моему брату, Авдею Игнатьевичу, очень почтенному человеку: «у вас, говорит, дядя, мозговые центры расхлябались». Мы никогда не позволяли таких вокабул со старшими. Никогда!

— Да, нас за это драли!—согласилась хозяйка.

Гость как-то соннул одобрительно носом.

— Ужасно, ужасно,—куда мы идем, куда! — застонала генеральша, но, увидя, что белокурая девица принесла ей две склянки, полные молоком, вдруг оживилась и голос ее окреп:— тепленькое еще? Парное? Ах, как здорово! Как это здорово!—обрадовалась она.

— А кто виноват?—вдруг заговорил, почти закричал Заливников,—так, что зеленоглазая девица вздрогнула и с опаской на него посмотрела, точно он собирался прыгнуть в окошко.—Кто виноват? Мы виноваты! Мы копили наше бессилие, нашу лимфу целые века. На лежанках при Московских царях кислую капусту ели. При царице Анне у Курляндских конюхов пятаки лизали. Потом перед Аракчеевым во фронт стояли!.. Вот,— вот результат нашей слюнтявости и сопливости! Вот и казнимся! Нас чорт перевязал узлом, да и крутит, крутит...

Он показал жилистой тощей рукой, как чорт крутит.

— Так нам и надо! И чем хуже будет,—тем лучше! По делом, по делом! За грехи отцов! За грехи дедов!.. Пусть вся наша болотная гниль вымрет. Пусть народится новое, сильное племя...

— А масла приносить?—вдруг спросила девица.

VII.

Пелагея Павловна недовольно метнула на нее глазами: «дескать, вот, дура, не во время».

— Да, да, голубушка,—забеспокоилась генеральша.—Да, хоть полфун-

тика, хоть четверть... Нельзя без жирков жить! Прежде не замечали, а теперь чувствуешь, чувствуешь...

— У меня всего только два фунта сбито, — надувши губы сказала хозяйка.

Гость как-то икнул от восторга.

— Два фунта!—завопил он.— Два фунта?.. Один, один только фунтик попрошу, для бедной, умирающей старушки!.. Утром она открыла глазки и шепчет:—Маслица, маслица, маслица!..

Он поник головой. Глаза его увлажнились слезами.

— Madame la générale!—продолжал он.—Уступите мне на сегодня вашего масла...

— Ах, нет, нет!—замахала она руками.—Ах, нет! Я не могу!

— Вы видите меня,—я, старик, на колени готов пасть, чтоб матери привезти масла... Быть может завтра уже она будет там, где мы все будем. Последние вздохи ее земные я хочу облегчить... О, я вижу в вашем лице сострадание... Вижу! Катенька,—вы мне заверните маслица... Отвесьте фунтик...

— Вы—сын,—стояла на своем генеральша, — а я—мать.

— Madame la générale, — вы сами были дочерью когда-то. Станьте на мое место! Представьте, что оживите умирающие уста старушки. Старушка хорошего старого рода, всю жизнь сидела в пуху, и вдруг... Хотите, я на колени стану?

Он зашаркал ботинками мутного цвета по ковру, а обе женщины закричали:

— Ах, нет, нет!

А Пелагея Павловна прибавила:

— Пожалуйста без представлений!

VIII.

Когда Повал-Заливников вышел из особняка, сунув полтинник зеленоглазой девице, у него из карманов рыжего пальто торчали две бутылки, а в левой руке болталось полтора фунта масла. Он шел и подпрыгивал.

— Вот дурёхи! вот дурёхи!—повторял он.—И на стене—озеро Комо висит. Почему Комо? И зачем ей рояль палисандрового дерева?

Он шел по тающему снегу, мимо парка к вокзалу, и все бормотал:

— Пусть она слупила сто тридцать — пусть! Пусть слупила! Ах, дуреха!

Он вытаскивал ноги из куч, напоминающих разрыхленный сахар, смотрел на ворон, перелетавших с березы на березу, на окаменелого мальчишку, сидевшего на каких-то мешках, что везла шершавая, ободраная, но сытая лошаденка, и ему было весело.

— Пусть! пусть! Вот я сегодня по-тру продал миниатюрку, что купил в Париже, в лавченке возле Биржи, в переулке. Чорт его знает, какой-то генерал молодой... Я уверил Кояловича: — фамильная, мол, наша драгоценность... «Благословенный»... А почему «Благословенный»?

Он помахал свертком масла, оставившись на перекрестке.

— Это, — говорю, — писал Лаферьер. Коялович спрашивает: «кто такой Лаферьер»? — А я: «известный миниатюрист: родился в 1770 году, умер в 1819». — Так-таки сразу и выпалил. И отвалил восемьсот... А я заплатил пятнадцать франков...

Поезд стоял уныло, сумрачно. — Он забирал пассажиров для Петербурга. Ехало мало. Вот прошел толстый Абрам Владимирович Пробка с женой — дебелой, еще молодой, недуренькой, в чудесных каракулях. Пробка подал Заливникову полтора пальца:

— И вы едете? Мы первого класса.

— Да, и я еду. Я тоже первого класса.

— Тогда седаем вместе. Покалякаем.

IX.

— А это что у вас торчит? — спросила Пробка, которую звали Людмилой Адамовной. — Молоко?

— Козье.

— Зачем же козье, когда есть коровье? — удивился Абрам Владимирович.

— Коровье, — почтеннейший Абрам Владимирович, — начало рыжее палто, — в такой же пропорции стоит к козьему, как серебро к золоту.

Пробка широко раскрыл напухшие красные веки.

— И ну, отчего бы это так? Коза, — она ничего такого из себя не представляет.

— Извините: анализ говорит, что элементы, наиболее необходимые нашему организму, заключаются именно в козьем молоке.

— Это какие же такие элементы? Вы не стеснясь можете говорить, потому что я химик, и все формулы понимаю.

— Самое здоровое и питательное — человеческое молоко. Недаром природа назначила матерей — как лучших производителей для питания детей. Затем далее идет молоко ослиное и козье, — они наиболее приближаются к тому составу, что вырабатывается в человеческом организме. — А уж потом, на четвертом месте, стоит молоко коровье.

— Перваго раза, что я слышу! Надо завести козу. Людмилочка, — купим козу? И будем пить козино молоко? — А? Что?

Лицо Пробки вдруг осветилось сиянием.

— А что, если нам нанять двух кормилиц? — заговорил он. — За хорошую ставку можно доставать здоровую бабу. И кормить ее можно, и молоком от нее пользоваться. А? Что?

Людмила Адамовна изобразила отвращение.

— Ну уж, merci! Сам пей, коли тебе

— Пусть она слупила 130, — пусть! Ах, дуреха!

— И что такое козино молого?...

не противно, а меня избавь! Я эту мерзость глотать не буду.

— Почему мерзость? От козы не мерзость, — а от здоровой, крепкой женщины — мерзость?

Он посмаковал губами. — Не в чистом виде, а так — кисельком, бланманже? Шоколад на нем сварить. У нас есть запасы шоколада...

Людмила Адамовна сделала вид, что затыкает уши.

— Прошу тебя перестать! Меня начинает мутить, и все во мне поднимается до самого горла.

X.

— Да, козье молоко теперь очень дорого, — скорбно кляня носом воздух, — начал Заливников.

— А вы почему покупали? — поинтересовался Абрам.

— По семьдесят.

По лицу Пробки пробежала тень.

— Хорошая цена! — сообразил он.

Он погрузился в раздумье. Потом вдруг спросил:

— Может, вы одну бутылку переступите?

Заливников потряс отрицательно головой.

— Я бы сто дал, — соблазнил Пробка, и вынул из бумажника длинную

ленту новеньких двадцатирублевых этикеток... Не согласны? Не можете сделать такого одолжения для старого приятеля? Ну, Господь с вами!

— Хотите масла? Масло я продам... Дешево с вас возьму, — предложил Заливников.

— И чего мне масла! У нас у самих дома масла три пуда. А вот козино молоко, — это другого дела. Желаете сто двадцать?

— Двести давайте, — и то не возьму.

Пробка даже побледнел. Он спрятал бумажник в шубу и застегнулся.

— Как хотите! Я бы дал... сто двадцать...

Заливников потряс отрицательно головой.

— Не будем об этом больше говорить.

Они замолчали. Людмила отвалилась в угол и закрыла глаза, чтобы не видеть ненавистных горлышек бутылок. Только мокрые колеса глухо рычали под ними, да где-то далеко-далеко свистел сильный гудок паровоза.

XI.

Они молчали. Как будто ангел несогласия посеял между ними плевелы раздора. Вдруг Абрам наклонился к самому носу Заливникова.

— Ну, так и быть — сто сорок, — шепнул он.

Заливников засмеялся. — Да нет же! Я сказал вам...

Пробка в самом деле обиделся. Он отвалился в другую сторону дивана и сделал свирепое лицо.

— Я это не понимаю! — сказал он. — Не хотите сделать удовольствия для знакомых. Ведь я же могу на что-нибудь пригодиться.

Заливников ничего не ответил на это, а только сказал:

— Как стекла запотели, — ничего не видно, где мы едем.

— И зачем вы плюете в колодца, из которого может быть многого хорошего? — почти про себя заметил Пробка.